ОТБОР · ЭЛИТА ЕДИНСТВЕННАЯ

ТРИЛОГИЯ

КИРА КАСС

АЗБУКА

Кира Касс
Отбор. Элита. Единственная

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852937
Кира Касс. Отбор. Элита. Единственная (трилогия): Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2022
ISBN 978-5-389-24610-2

Аннотация

Для 35 девушек – это шанс, выпадающий один раз в жизни. Шанс порвать с постылой жизнью, на которую они были обречены с рождения. Шанс завоевать сердце великолепного принца.

Очутившись по воле случая в числе девушек, утвержденных для участия в Отборе, Америка и мечтать не могла, что в один прекрасный день окажется в одном шаге от победы. Но чем ближе конец состязания и чем сильнее обостряется обстановка за стенами королевского дворца, тем отчетливее Америка понимает, как много стоит на кону и как ожесточенно придется бороться за будущее, к которому она стремится…

Знаменитая трилогия в одном томе!

Содержание

Отбор 6
Конец ознакомительного фрагмента. 265

Кира Касс
Отбор. Элита. Единственная (трилогия)

Kiera Cass
THE SELECTION
Copyright © Kiera Cass, 2012
THE ELITE
Copyright © Kiera Cass, 2013
THE ONE
Copyright © Kiera Cass, 2014
This edition published by arrangement with Laura Dail Literary Agency, Inc
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved
© И. А. Тетерина, перевод, 2013, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Для всех поклонников «Голодных игр»!

Более 400 000 восторженных отзывов на сайте

goodreads.com.

Серия «Отбор» включена в список бестселлеров по версии New York Times.

> Смесь реальной истории о телешоу и сказочной антиутопии. Очаровательно и захватывающе! Реальность сталкивается с мрачной сказкой в прекрасном произведении Киры Касс. Чарующие, пленительные романы, от которых теряешь голову…
> *New York Times*

> Прекрасно написанные романы. Менее жесткие, чем «Голодные игры», но с не менее захватывающим сюжетом.
> *Booklist*

Отбор

Привет, пап!
(машет лапкой)

Глава 1

Когда мы получили письмо, мама была на седьмом небе от счастья. Она уже размечталась, что наши проблемы навсегда остались в прошлом. Основной загвоздкой в ее блестящем плане оказалась ваша покорная слуга. Не то чтобы я была особенно строптивой дочерью, просто всему есть предел.

Не хотела я вступать в королевскую семью. И Единицей становиться тоже не хотела. Даже не думала пробовать.

Я спряталась в своей комнатушке – единственном месте, где можно укрыться от гомона многочисленных родственников, – и попыталась найти какой-нибудь довод, способный поколебать матушку. Все, что у меня имелось, – это набор твердых убеждений… Едва ли она прислушается хотя бы к одному.

Таиться и дальше было невозможно. Дело шло к обеду, а обязанность готовить его возложена на меня как на самую старшую из оставшихся в доме дочерей. Я заставила себя вылезти из постели и отправилась на растерзание.

Мама встретила меня мрачным взглядом, однако ничего не сказала.

В молчании мы сновали по кухне и столовой: приготовили цыпленка, пасту и яблочные дольки, накрыли стол на пятерых. Поднимая глаза, я всякий раз натыкалась на испепеляющий взгляд матери, призванный, видимо, устыдить меня и заставить одуматься. Время от времени она прибегала к этому приему. Например, если я отказывалась браться за какой-нибудь заказ, потому что желающая нанять нас семья славилась грубостью. Или если она хотела, чтобы я сделала генеральную уборку, когда мы не могли себе позволить пригласить для этих целей кого-нибудь из Шестерок.

Иногда ее тактика срабатывала. Иногда нет. Но в данной ситуации я готова была стоять насмерть.

Она терпеть не могла, когда я упрямилась. Впрочем, эту черту характера я унаследовала от нее, так что она не должна слишком удивляться. Правда, на сей раз дело было не только во мне. В последнее время мама вообще была на взводе. Лето подходило к концу, надвигались холода. А с ними и заботы.

Мама недовольно бухнула в центр стола кувшин с холодным чаем. При мысли о чае с лимоном у меня потекли слюнки. Терпение, сказала я себе: если выпить положенный мне стакан сейчас, потом придется запивать еду водой.

– Ты не умрешь, если заполнишь заявку, – прорвало ее наконец. – Участие в Отборе – отличный шанс для тебя! Для всех нас.

Я тяжело вздохнула: это мероприятие вполне может оказаться для меня смертельным.

Ни для кого не секрет, что королевский дворец то и дело подвергался яростным атакам повстанцев. Обитатели подземных колоний ненавидели Иллеа – нашу большую и относительно молодую страну. Нам в Каролине уже доводилось видеть их в деле. Тогда дотла сожгли дом одного из членов суда, а нескольким Двойкам разбили машины. Как-то раз они устроили громкий побег из тюрьмы. Но, учитывая, что вытащили оттуда только девушку-подростка, которой не повезло забеременеть, и Семерку, у которого дома остались девять детей, невольно приходили мысли, что в данном случае правда на их стороне.

Но проблема не только в потенциальной опасности. Просто любые размышления об Отборе казались мне предательством. Вспомнив о причинах, которые имелись у меня на то, чтобы оставаться дома, я не смогла сдержать улыбку.

– Последние годы отцу приходилось ой как несладко, – прошипела мама. – Будь у тебя хоть капля жалости, подумала бы и о нем.

Папа. Да. Я действительно хотела помочь ему. И Мэй с Джерадом. И наверное, даже маме. Слишком долго нам всем приходилось туго. Интересно, папа согласится с подобным способом поправить положение дел? Есть ли такие деньги, которые позволяют все оправдать?

Не то чтобы наши дела были настолько плохи. Мы не

балансировали на грани голодной смерти или что-нибудь в этом роде. Мы не нищие, нет. Но и состоятельными нас тоже едва ли можно назвать.

Мы занимались искусством. А художники и музыканты находились всего лишь в трех шагах от грязи. В самом буквальном смысле – от самых низов нашу касту отделяли три ступени. Денег частенько не хватало, а доходы всецело зависели от времени года.

Помню, читала в какой-то потрепанной исторической книжке, что раньше все главные праздники были сосредоточены в зимние месяцы. За каким-то Хеллоуином шел День благодарения, потом Рождество, а за ним Новый год. Впритык друг к другу.

Рождество никуда не делось. День рождения божества ведь не перенесешь. Но после того, как государство Иллеа заключило мирный договор с Китаем, Новый год стали праздновать в январе или феврале, соотнося с фазами Луны. Все отдельные благодарственные торжества и дни независимости в нашей части мира теперь превратились просто в Праздник благодарности. Его отмечали летом. Мы восхваляли основание Иллеа и радовались, что до сих пор существуем.

Что такое Хеллоуин, я не знала. Этот праздник не возродился.

Так что по меньшей мере трижды в год все семейство в полном составе оказывалось занято. Папа с Мэй писали картины, и наши постоянные клиенты раскупали их на подарки.

Мы с мамой выступали на вечеринках: я пела, а она играла на рояле. Не отказывались ни от одного заказа. Будучи помладше, я до ужаса боялась выступать перед публикой. Теперь же просто старалась слиться с музыкой. В конце концов, с точки зрения нанимателей, мы именно так и должны были себя вести: нас хотели слышать, но не видеть.

Джерад пока что не нашел свой талант. Впрочем, ему всего семь. У него еще есть время.

Вскоре опадет листва, и наш маленький мирок снова погрузится в хаос. Пять ртов на четверых работников. Никаких гарантий стабильного дохода до рождественского сезона.

Когда я задумывалась об этом в таком ключе, Отбор казался чем-то вроде спасительной веревки, чем-то надежным, способным вытянуть меня из мрака, а вместе со мной и мою семью.

Я покосилась на маму. Для Пятерки немного грузновата, что удивительно. Она не страдала обжорством. Да и объедаться нам особо нечем. Видимо, так начинаешь выглядеть, выносив и родив пятерых детей. У нее рыжие волосы, совсем как мои, если не считать многочисленных серебристых прядей. Они вдруг появились у нее в большом количестве года два назад. В уголках глаз прорезались морщинки, хотя лет ей не так уж много. Двигалась она так, словно на плечах покоилась какая-то незримая тяжесть, пригибавшая ее к земле.

Ей нелегко – это я понимала. И осознавала, что именно поэтому она избрала в общении со мной тактику манипуля-

ции. Нам приходилось постоянно бороться за выживание, но по мере того, как приближался скудный на развлечения и заработок осенний сезон, мама становилась все более и более раздражительной. Естественно, она считала мое поведение неразумным. Ну что мне стоит заполнить какую-то дурацкую заявку!

Но в этом мире были вещи – важные вещи, – которые я любила. А этот листок бумаги представлялся мне каменной стеной, способной отгородить меня от того, что я хочу. Возможно, мои мечты – глупость. Возможно, им не суждено осуществиться. И все же это мои мечты. Казалось неправильным поступаться ими, как бы много ни значила для меня семья. И потом, я и так уже почти всем ради них пожертвовала.

Когда Кенна вышла замуж и Кота ушел от нас, я осталась за старшую и изо всех сил старалась соответствовать. Училась урывками, если выдавалась свободная минутка между репетициями, которые занимали почти все мое время. Вдобавок к пению пыталась овладеть еще несколькими музыкальными инструментами.

Но теперь, когда пришло письмо, все это перестало иметь какое-либо значение. В мамином воображении я уже была королевой.

Будь я немного умнее, засунула бы куда-нибудь эту дурацкую писульку, пока не вернулись папа с Мэй и Джерадом. Но мама припрятала послание где-то в складках одежды, а затем, в разгар обеда, торжественно извлекла злополучный

документ.

– «Семейству Сингер», – пропела она.

Я попыталась выхватить у нее письмо, но она оказалась проворней. Рано или поздно все бы узнали обо всем, но теперь они будут на ее стороне.

– Мама, пожалуйста, – взмолилась я.

– Хочу послушать! – закричала Мэй.

Это меня не удивило. Младшая сестренка, несмотря на три года разницы, точная моя копия. Впрочем, схожи мы с ней только внешностью, но никак не характерами. В отличие от меня она общительная и неунывающая. А в последнее время еще и повернута на мальчишках. Сестра решит, что это все страшно романтично.

Я почувствовала, что краснею. Папа промолчал, а Мэй прямо-таки подпрыгивала на месте от восторга. Джерад, маленькое солнышко, ел как ни в чем не бывало. Мама откашлялась и прочла:

– «По данным недавней переписи населения, в настоящее время в вашем доме проживает незамужняя женщина в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Мы хотели бы оповестить вас о предстоящей возможности оказать честь великому народу Иллеа».

Мэй снова заверещала и сжала мое запястье:

– Это про тебя!

– Я знаю, мартышка ты мелкая. Отпусти, переломаешь мне кости.

Но она лишь цеплялась за мою руку и подпрыгивала.

– «Возлюбленный наш принц Максон Шрив, – продолжала между тем мама, – в этом месяце достигнет совершеннолетия. Вступая в новый этап, он надеется обрести верную спутницу жизни в лице одной из жительниц Иллеа. Если ваша дочь, сестра или подопечная, отвечающая вышеуказанному условию, желает получить возможность стать невестой принца Максона и почитаемой принцессой Иллеа, заполните прилагаемую анкету и отправьте ее в местную администрацию. Выбранная случайным образом девушка от каждой провинции будет представлена принцу. Участниц разместят в великолепном дворце Иллеа-палас в Анджелесе. Семью каждой конкурсантки щедро вознаградят, – последние слова она произнесла с нажимом, – за заслуги перед королевской семьей».

Не слушая дальше, я закатила глаза. Такова была участь королевских сыновей. Принцесс, появившихся на свет в монаршем семействе, традиционно выдавали замуж за границу, чтобы укрепить отношения с другими странами. Я понимала, из каких соображений это делается: нам нужны союзники. И все равно такая практика мне не нравилась. Впрочем, пока что мне не случалось становиться свидетельницей ничего подобного, и я от души надеялась, что никогда и не доведется. Девочки в королевской семье не рождались на протяжении вот уже трех поколений. Принцы же женились на женщинах из народа, чтобы поддержать дух, по-

рой неустойчивый, нашей нации. Думаю, Отбор был призван сплотить население и напомнить о том, что Иллеа создано практически на пустом месте.

При одной мысли о возможном участии в представлении, где спесивый сопляк на глазах у всей страны будет выбирать из кучи претенденток пустышку посмазливее, чтобы всю оставшуюся жизнь она безмолвной куклой маячила рядом с ним в телевизионных выступлениях, хотелось визжать. Что может быть унизительней?

К тому же я достаточно часто бывала в домах Двоек и Троек и пришла к твердому выводу: жить среди них не хочу, а уж становиться Единицей тем более. За исключением моментов, когда нам нечего было есть, положение Пятерки вполне меня устраивало. Это маме хотелось пробиться наверх, но не мне.

– А он, разумеется, полюбит Америку! Она ведь такая красавица, – восторженно заливалась мамуля.

– Мам, пожалуйста. У меня совершенно обыкновенная внешность.

– А вот и нет! – вклинилась Мэй. – Потому что мы с тобой похожи как две капли воды, а я очень даже симпатичная!

Она так широко улыбнулась, что я рассмеялась. К тому же крыть было нечем. Мэй действительно красавица.

Но дело не только в ее хорошеньком личике, очаровательной улыбке и блестящих глазах. От Мэй исходила такая энергия, такое воодушевление, что хотелось постоянно находить-

ся с ней рядом. Мэй обаятельная, а я, по правде говоря, нет.

– Джерад, а ты как думаешь? По-твоему, я красивая? – спросила я.

Все взгляды устремились на самого младшего члена семьи.

– Нет! Девчонки все противные!

– Джерад, хватит. – Мама раздраженно вздохнула, но вышло у нее не слишком убедительно. На него невозможно было сердиться. – Америка, ты очень симпатичная девушка.

– Если я такая миленькая, почему к нам никто не приходит и никто не приглашает меня на свидания?

– Вообще-то, приходили, но я всех спроваживала. Мои девочки слишком хороши, чтобы достаться в жены Пятеркам. Кенна вышла за Четверку, а вы, я уверена, способны на большее. – Она сделала глоток чая.

– Мужа Кенны зовут Джеймс. Хватит называть его Четверкой. И давно начали у нас бывать мальчики?

Против воли я повысила голос.

– Довольно давно, – впервые за весь разговор открыл рот папа.

Я уловила в его голосе печальные нотки. Он сосредоточенно глядел в чашку. Интересно, что так сильно его расстроило? То, что к нам заходят мальчики? Или что мы с мамой снова поссорились? Или что я не хочу участвовать в конкурсе? Или что мне придется уехать, если я соглашусь?

Он на мгновение вскинул на меня глаза, и я вдруг все по-

няла. Он не хотел просить меня об этом. И не хотел, чтобы я уезжала. Но он не мог не видеть плюсов для нашей семьи, если мне удастся хотя бы пробиться в финал.

– Америка, не дури, – сказала мама. – Мы, наверное, единственные родители в стране, которым приходится уговаривать дочь заполнить анкету. Подумай только, какая возможность тебе представляется! В один прекрасный день ты можешь стать королевой!

– Мама, даже если бы я хотела стать королевой, а я категорически против, заявки подадут тысячи девушек из нашей провинции. Тысячи. И если я каким-то образом окажусь выбранной из этих тысяч, кроме меня, там будет еще тридцать четыре девушки, которые, без сомнения, разбираются в обольщении куда лучше моего.

– Что такое обольщение? – навострил уши Джерад.

– Ничего, – откликнулись мы хором.

– В общем, в таких условиях глупо рассчитывать на победу, – подытожила я.

Мама поднялась, отодвигая стул, и наклонилась через стол ко мне.

– Но кто-то же должен победить. У тебя точно такие же шансы, как у всех остальных. – Она отбросила салфетку и собралась уходить. – Джерад, доешь и иди мыться.

Он застонал.

Мэй ела молча. Джерад попросил добавки, но ее не было. Когда они вышли из-за стола, я принялась собирать посуду.

Папа допивал чай. Волосы у него опять были в краске. При виде ярко-желтых прядей я не смогла сдержать улыбку. Он поднялся, стряхивая с рубахи крошки.

– Папа, прости, – прошептала я, продолжая складывать тарелки.

– Котенок, не говори глупостей. Я вовсе не злюсь. – Он ласково улыбнулся и обнял меня за плечи.

– Просто я…

– Малышка, можешь ничего мне не объяснять. Я понимаю. – Он поцеловал меня в лоб. – Пойду работать дальше.

И он ушел. Я перебралась на кухню и закончила уборку. Свою почти нетронутую порцию прикрыла салфеткой и спрятала в холодильник. Остальные уничтожили еду до крошки.

Вздохнув, я отправилась к себе в комнату, чтобы приготовиться ко сну. Все это ужасно меня злило. Ну почему маме нужно непременно заставить меня участвовать в этом состязании? Разве она не счастлива? Она же любит папу, так почему ей этого мало?

Я лежала на продавленном матрасе и пыталась разложить по полочкам мысли по поводу Отбора. В конкурсе были свои преимущества. Например, возможность есть досыта хотя бы какое-то время. Но какой смысл ввязываться в эту затею? Я никогда не полюблю принца Максона. Судя по тому, что я видела в программе «Вести столицы», он мне даже не понравился.

Полночь все никак не наступала. Около моей двери висело зеркало, и я остановилась перед ним, желая убедиться, что волосы выглядят так же хорошо, как утром, и нанести на губы блеск, чтобы сделать лицо немного ярче. Из экономии мама разрешала мне краситься лишь перед выступлениями или выходом на люди, но в особенные ночи я обычно нарушала ее запрет.

Стараясь не шуметь, я пробралась в кухню, вытащила из холодильника остатки своего ужина, зачерствевший хлеб, яблоко и завернула все это в узелок. Теперь, когда время подошло, мучительно было возвращаться в комнату так же осторожно, но если бы я проделала все это раньше, то просто извелась бы.

Я открыла окно и выглянула в наш крохотный двор. Ночь была почти безлунная, так что пришлось немного подождать, пока глаза привыкнут к темноте, прежде чем вылезти наружу. В дальнем конце дворика смутно виднелись очертания сооружения на дереве. В детстве Кота привязывал к веткам простыни, и постройка превращалась в корабль. Он был капитаном, а я его неизменным первым помощником. Мои обязанности заключались главным образом в подметании пола и приготовлении еды, которая представляла собой песок вперемешку с прутиками, насыпанный на мамины противни. Брат зачерпывал песок ложкой и понарошку «ел», а на самом деле выбрасывал за плечо. Это означало, что мне придется подметать все заново, но я не возражала. Просто

радовалась возможности быть на корабле вместе с Котой.

Я огляделась по сторонам и убедилась, что в соседних домах темно. Никто за мной не наблюдал. Аккуратно выбралась из окна. Мне не раз доводилось по неосторожности до крови обдирать живот о подоконник, но с годами я научилась проделывать этот трюк виртуозно. К тому же мне не хотелось превратить еду в месиво.

В лучшей пижаме – коротких коричневых шортиках и облегающей белой рубашке – я чувствовала себя очень хорошенькой, даже неотразимой. Впрочем, что именно на мне надето, не имело особого значения. Я спешила через лужайку.

Подниматься наверх по рейкам, прибитым к дереву, помогая себе только одной рукой, несложно. Этим навыком я овладела в совершенстве. С каждой ступенькой меня охватывало все большее облегчение. Несмотря на близость к дому, здесь я словно оказывалась за многие мили от семейной кутерьмы. По крайней мере, от меня не требовали стать принцессой.

Забираясь в убежище, я уже знала, что меня там ждут. В дальнем углу кто-то скрывался в темноте. На мгновение у меня перехватило дыхание. Я положила узелок с едой и сощурилась. Человек пошевелился, зажигая почти бесполезный огарок. Света он толком не давал – из дома точно никто бы не заметил, – но нам хватало. Ночной гость подал голос, и по его лицу разлилась улыбка.

– Привет, красотка.

Глава 2

Я пробралась вглубь домика. Он был совсем крошечный, от силы пять на пять футов. Даже Джерад не мог бы выпрямиться здесь в полный рост, но мне тут нравилось. Внутрь вел лаз. Напротив входа располагалось маленькое окошко. Я давно уже примостила в углу старую табуретку, чтобы ставить на нее свечку, принесла коврик. Правда, он такой ветхий, что почти с тем же успехом можно сидеть на голом полу. Обстановка не слишком роскошная, но это было мое убежище. Наше убежище.

– Умоляю, не называй меня красоткой. Сначала мама, потом Мэй, теперь еще ты. Это действует мне на нервы.

По выражению лица Аспена я поняла, что мою позицию «я некрасивая» он вряд ли поддержит. Юноша улыбнулся.

– Ничего не могу с собой поделать. В жизни не видел девушки красивее тебя. Ты не можешь сердиться на меня за то, что я использую единственную возможность сказать тебе об этом.

Он обхватил мое лицо ладонями и заглянул в глаза.

И я пропала. Его губы накрыли мои, я утратила способность о чем-либо думать. Не было больше ни Отбора, ни моего докучливого семейства, ни Иллеа. Лишь руки Аспена, прижимающие меня к груди, да его дыхание на моем лице.

Мои пальцы погрузились в его волосы, еще влажные после душа – он всегда принимал душ по вечерам, – и сплелись на затылке. От него пахло самодельным мылом, которое варила его мать. Этот запах преследовал меня в моих снах. Наконец мы оторвались друг от друга.

Я устроилась между ног Аспена, прижавшись спиной к его груди, точно ребенок, который хочет, чтобы его убаюкали.

– Извини, я не в духе. Просто… Нам сегодня пришло это дурацкое извещение.

– Ах да, письмо, – вздохнул Аспен. – Мы получили сразу два.

Ну разумеется. Его сестрам-близняшкам только что исполнилось шестнадцать.

Аспен не отрывал от меня взгляда. Так было каждый раз, когда мы оказывались наедине. Он словно пытался запечатлеть мое лицо в памяти. С последней встречи прошло уже больше недели, а мы оба не находили себе места, когда не виделись несколько дней.

Я тоже оглядела его.

Аспен, бесспорно, самый привлекательный парень в городе. У него темные волосы и зеленые глаза, а улыбался он так, как будто знал какой-то секрет. Он высокий, но не слишком. Худощавый, но не чересчур. В тусклом свете я заметила под глазами у него темные круги. Наверняка всю неделю работал допоздна. Его черная футболка в некоторых местах была заношена почти до дыр, в точности как и потертые джинсы,

которые он носил чуть ли не каждый день.

Мне бы хотелось сесть и заштопать ему одежду. Для счастья мне не нужно ничего больше. Не желаю быть принцессой Иллеа. Мечтаю лишь принадлежать Аспену.

Разлука с ним причиняла мне физическую боль. Иногда я терзалась, гадая, чем он сейчас занят. А когда эти мысли становились невыносимыми, искала спасения в музыке. Так что за мои успехи следовало благодарить Аспена. Я от него без ума.

И это скверно.

Аспен – Шестерка. Это каста слуг и лишь на одну ступень выше Семерок в том смысле, что чуть лучше образованы и выполняют работу в доме. Аспен умнее всех, кого я знала, и к тому же умопомрачительно красив. Проблема в том, что женщины почти никогда не выходили замуж за человека кастой ниже. Мужчина из низшей касты мог просить руки женщины выше себя по положению, но редко получал согласие. К тому же, вступая в брак с представителем другой касты, необходимо было заполнить кучу бумаг и потом еще ждать месяца три, прежде чем приступать к прочим формальностям. Я не раз слышала мнение, что это делается для того, чтобы дать людям время одуматься. Так что наши свидания наедине, да еще и после наступления комендантского часа, могли навлечь на обоих серьезные неприятности. Не говоря уж о выволочке, которую неминуемо устроила бы мне мать.

Я любила Аспена. Вот уже почти два года. И он отвечал

мне взаимностью. И сейчас, когда он гладил меня по волосам, я даже подумать не могла о том, чтобы участвовать в Отборе.

– И что ты об этом думаешь? Об Отборе, – уточнила я.

– Да ничего такого не думаю. Нужно же ему, бедолаге, как-то найти себе девушку.

Я различила в его голосе сарказм. Но мне действительно хотелось знать его мнение.

– Аспен.

– Ладно-ладно. В глубине души я думаю, что это печально. Неужели принц не ходит на свидания? Я имею в виду, как получилось, что он не может совсем никого себе найти? Если они выдают принцесс за других принцев, почему бы им не поступить таким же образом с ним? Должна же где-нибудь быть особа королевской крови, подходящая для него. Мне такого не понять. Вот, в общем-то, и все. Но с другой стороны… – Он вздохнул. – В чем-то идея кажется мне неплохой. Это захватывающе. Он должен будет влюбиться на глазах у всей страны. К тому же мне нравится, что кто-то получит шанс на лучшую жизнь и все остальное. Нашей следующей королевой может стать кто угодно. Это поддерживает во мне веру, что и у меня тоже есть шанс на лучшую жизнь.

Он водил пальцем по контуру моих губ. Его зеленые глаза, казалось, смотрели прямо мне в душу, и меня вдруг снова охватило ощущение протянувшейся между нами ниточки, которое рождалось только с ним.

– Значит, ты за то, чтобы твои сестренки тоже участвовали?

– Ну да. То есть мы все периодически видим нашего принца по телевизору; с виду он парень неплохой. Сопляк, конечно, но не злобный. К тому же девчонки спят и видят, как будут бороться на конкурсе. Так забавно на них смотреть. Когда я пришел сегодня с работы, они устроили дома танцы. И потом, это пошло бы на пользу семье. Мама полна надежд, потому что от нашей семьи участвовать будут два человека, а не один.

Ну хоть кому-то польза от этого кошмарного состязания. Я до такой степени была поглощена собой, что даже не подумала про сестер Аспена. Если одна из них пройдет в финал, если одна из них победит…

– Аспен, ты отдаешь себе отчет в том, что это означает? Если Камбер или Селия победят?

Он крепче обнял меня, его губы легонько коснулись моего лба. Он принялся поглаживать мне спину.

– Я сегодня весь день только об этом и думаю, – признался он.

Его хрипловатый голос лишал меня способности мыслить ясно. Все, чего мне хотелось, – это чтобы он прикасался ко мне, целовал меня. И именно этим все бы и закончилось, если бы у него вдруг не заурчало в животе. Я встрепенулась.

– Ой, я же принесла нам кое-что пожевать, – произнесла я небрежно.

– Правда?!

Он явно попытался сказать это не слишком заинтересованно, но до конца свое воодушевление скрыть все-таки не сумел.

– Вот, цыпленок. Тебе понравится, сама его приготовила.

Отыскав в темноте маленький сверток, я сунула его Аспену, который, к чести своей, не стал набрасываться на еду сразу. Я надкусила яблоко, чтобы это действительно выглядело так, будто принесла еду нам обоим, но тут же отложила его в сторону, чтобы Аспен мог доесть остальное.

Хотя нашу собственную жизнь нельзя было назвать сытой, семья Аспена жила совсем впроголодь. Притом что его заработки были куда более стабильными, чем наши, платили ему существенно меньше. На еду его семье никогда не хватало. Он был старшим из семерых детей, и из тех же соображений, из которых я как можно раньше впряглась в семейную лямку, Аспен отошел в сторону. Свою скудную долю пищи он отдавал братьям, сестрам и матери, выбивавшейся из сил на работе. Его отец умер три года назад, и теперь семья практически во всем зависела от Аспена.

Я удовлетворенно смотрела, как Аспен, слизнув с пальцев специи, которыми был щедро приправлен цыпленок, принялся уплетать хлеб. Мне оставалось лишь догадываться, когда он ел в прошлый раз.

– До чего же ты вкусно готовишь. В один прекрасный день ты сделаешь какого-нибудь мужчину очень толстым и счаст-

ливым, – жуя яблоко, сказал он.

– Я намерена сделать толстым и счастливым тебя. Ты ведь знаешь.

– То-о-олстым, – протянул он мечтательно.

Мы оба рассмеялись, и он принялся рассказывать о том, что нового случилось в его жизни с тех пор, как мы в последний раз виделись. Его подрядили делать кое-какую бумажную работу для одной фабрики, и на следующей неделе он должен продолжить. Его матери наконец-то посчастливилось на более-менее постоянной основе устроиться прибираться к нескольким местным Двойкам. Близняшки грустят, потому что их заставили уйти из театрального кружка, в который они ходили после школы. Всем необходимо больше трудиться.

– Посмотрю, может, мне удастся найти какую-нибудь подработку по воскресеньям. Они так любят этот кружок, не хочу, чтобы бросили его, – произнес он с надеждой в голосе, как будто и в самом деле рассчитывал, что это получится.

– Аспен Леджер, и думать забудь! Ты и так вкалываешь как проклятый!

– Ох, Мер, – прошептал он мне на ухо. По коже у меня побежали мурашки. – Ты же знаешь Камбер и Селию. Им нужно общение. Они не могут все время драить чужие полы и переписывать бумажки в одиночестве. Не такой у них характер.

– Аспен, но это нечестно, что ты один все делаешь. Я знаю,

как ты относишься к сестрам, но и себя загонять тоже нельзя. Если ты действительно их любишь, то должен лучше заботиться о том, кто думает о них.

– Мер, не переживай так. Придет и на нашу улицу праздник. Не буду же я заниматься этим всю жизнь.

Я не сомневалась, что будет. Потому что его семье всегда будут нужны деньги.

– Аспен, я знаю, что ты готов на это. Ты не супергерой. Не надо считать, что ты способен обеспечить каждого, кого любишь. Просто… просто тебе не под силу делать все сразу.

Мы немного помолчали. Я очень надеялась, что он воспримет мои слова серьезно, поймет, что если не притормозит, то загонит себя в гроб. Шестерки, Семерки и Восьмерки нередко умирали от изнеможения. Мне невыносимо было думать об этом. Я крепче прижалась к его груди, пытаясь выкинуть эти мысли из головы.

– Америка?

– Что? – прошептала я.

– Ты будешь участвовать в Отборе?

– Нет! Конечно же нет! Я не хочу, чтобы все считали, будто я способна даже на мгновение допустить, что выйду замуж за совершенно незнакомого человека! Я люблю тебя, – с жаром ответила я.

– Ты хочешь быть Шестеркой? Вечно голодной? Постоянно озабоченной нехваткой денег? – спросил он.

В его голосе звучала боль, но он искренне ждал от меня

ответа: если придется выбирать между жизнью во дворце, полном прислуги, готовой исполнить любое мое желание, и в трехкомнатной квартирке вместе с семьей Аспена, что я решу?

– Аспен, мы справимся. У нас обоих есть голова на плечах. Все будет хорошо.

Хотелось бы, чтобы это было так.

– Мер, ты же знаешь, что все будет иначе. И мне все равно придется содержать семью. Я не из тех, кто способен бросить родных на произвол судьбы. – (Я сжалась в его объятиях.) – А если у нас появятся дети…

– Не если, а когда. Мы просто будем беречься. Кто сказал, что у нас непременно должно быть больше двух?

– Ты же знаешь, что такие вещи не в нашей власти!

Я уловила в голосе Аспена нарастающее раздражение. Впрочем, я его не винила. У богатых была возможность регулировать численность своих семей. Кастам от Четвертой и ниже предлагалось полагаться на судьбу. Эта тема была предметом наших ожесточенных споров на протяжении шести месяцев, с тех самых пор, как мы начали всерьез искать способ быть вместе. С детьми вопрос сложный. Чем больше в семье детей, тем больше рабочих рук. С другой стороны, тем больше ртов нужно кормить…

Мы молчали, не зная, что сказать. Аспена с его вспыльчивым характером в спорах нередко заносило. Правда, в последнее время ему лучше удавалось держать себя в руках и

до взрыва дело не доходило. Именно это он пытался сделать сейчас.

Не хотелось, чтобы он волновался и расстраивался; я искренне считала, что у нас все получится. Если тщательно спланировать то, что спланировать можно, проще будет справляться с тем, что спланировать нельзя. Возможно, я смотрела на жизнь сквозь розовые очки, возможно, я была слишком влюблена, но искренне верила, что мы с Аспеном способны на все, стоит только по-настоящему захотеть.

– Я считаю, что ты должна это сделать, – произнес он неожиданно.

– Сделать что?

– Подать заявку на участие в Отборе. Думаю, ты должна участвовать.

Я уставилась на него:

– Ты в своем уме?

– Мер, выслушай меня. – Его губы почти касались моего уха. Это было нечестно; он не мог не понимать, что отвлекает меня. Его голос, хрипловатый и неторопливый, звучал так, будто он собирался сказать что-то романтичное, хотя на самом деле никакой романтикой в его словах и не пахло. – Если у тебя есть шанс на лучшую жизнь, а ты откажешься от него ради меня, я никогда себе этого не прощу. Я этого не вынесу.

Я нетерпеливо фыркнула:

– Что за чушь! Представь, сколько тысяч девушек подадут

заявки. Да меня даже не заметят.

– Если ты уверена, что тебя не выберут, зачем волноваться? – Его ладони принялись поглаживать мои плечи. Когда он так делал, у меня не оставалось сил спорить. – Я хочу, чтобы ты всего лишь подала заявку. Просто сделай попытку. Если ты пройдешь – замечательно. А если нет, по крайней мере, я не буду корить себя за то, что лишил тебя шанса вырваться из этого болота.

– Аспен, но я не люблю его. Он мне даже не нравится. Я вообще его не знаю.

– Его никто не знает. Впрочем, в этом-то вся и соль. Вдруг он тебя заинтересует?

– Прекрати. Я люблю тебя.

– А я – тебя. – Он подкрепил свои слова долгим поцелуем. – И если ты меня любишь, то сделаешь это, иначе я изведусь от мысли о том, что могло бы быть.

Когда он перевел разговор на себя, у меня не осталось ни единого шанса. Не могла я сделать ему больно, ведь я изо всех сил старалась облегчить ему жизнь. И потом, я не сомневалась, что в финал мне не попасть никогда в жизни. Так почему бы в самом деле не подать эту заявку, чтобы все наконец от меня отстали?

– Умоляю тебя, – выдохнул он мне в ухо.

По коже снова побежали мурашки.

– Хорошо, – прошептала я в ответ. – Я это сделаю. Но ты должен знать, что я не стремлюсь стать какой-то там прин-

цессой. Все, чего я хочу, это быть твоей женой.

Он погладил меня по волосам:

– Ты ею будешь.

Наверное, это все из-за света. Вернее, из-за его отсутствия. Потому что я могла бы поклясться, что в глазах у Аспена блеснули слезы. Ему пришлось пережить многое, но плачущим я его видела всего однажды – когда его младшего братишку выпороли на площади. Малыш Джемми стащил с лотка на рынке какой-то фрукт. За такой проступок взрослого ждал бы скорый суд, а затем, в зависимости от ценности украденного, тюремное заключение или смертная казнь. Джемми было всего девять, так что его просто высекли. У матери не было денег, чтобы отвести его к нормальному врачу, в итоге на спине у мальчика остались ужасные рубцы.

В ту ночь я караулила у окна, чтобы не пропустить, если Аспен решит пробраться в наш домик на дереве. Когда он показался, я юркнула следом. Он целый час плакал в моих объятиях, твердя, что, если бы только работал больше, если бы справлялся лучше, Джемми не пришлось бы пойти на воровство. Нечестно, что Джемми пострадал из-за его, Аспена, никчемности.

У меня разрывалось сердце, потому что это было не так. Но говорить ему об этом было без толку, он все равно бы не послушал. Аспен взваливал на себя ответственность за всех, кого любил. И каким-то непостижимым образом я входила в число этих людей. Поэтому я изо всех сил старалась облег-

чить ту долю бремени, что была связана со мной.

– Ты не споешь мне? Что-нибудь хорошее на сон грядущий?

Я улыбнулась. Люблю ему петь. Я придвинулась к нему поближе и негромко завела колыбельную.

Он несколько минут слушал меня, потом его пальцы рассеянно скользнули по моей шее вниз. Он расстегнул ворот моей рубашки и принялся целовать шею. Потом закатал и без того короткий рукав и стал покрывать поцелуями руку. У меня сжалось горло. Он делал так почти каждый раз, когда я ему пела. Думаю, мое прерывистое дыхание доставляло ему больше удовольствия, чем само пение.

Вскоре мы уже сплелись на грязном тонком коврике. Аспен перевернулся так, чтобы я оказалась сверху. Я перебирала его взлохмаченные волосы, совершенно загипнотизированная этим ощущением. Он продолжал исступленно меня целовать. Его пальцы скользили по моей талии, спине, бедрам, впиваясь в кожу. Я каждый раз удивлялась, не обнаруживая потом синяков.

Мы были осторожны и ни разу не дошли до того, чего нам обоим так хотелось. Достаточно и того, что мы нарушали комендантский час. И все же, несмотря на все ограничения, мне трудно было представить, что кто-то в Иллеа мог испытывать бóльшую страсть, чем мы.

– Америка Сингер, я люблю тебя. И буду любить всю жизнь, – произнес он дрогнувшим голосом, и у меня заще-

мило сердце.

– И я люблю тебя. Ты всегда будешь моим принцем.

Он целовал меня, пока не догорела свеча.

Прошел, наверное, уже не один час, и у меня закрывались глаза. Аспен никогда не переживал о том, что не выспится сам, только о том, что не даст отдохнуть мне. Пора было прощаться. Я устало спустилась по лестнице, прихватив пустую тарелку и честно заработанную монетку в один цент.

Когда я пела, Аспен буквально впитывал каждый звук. Время от времени, когда ему удавалось что-то заработать, он платил мне за пение один цент. Лучше бы он отдавал эти деньги своим родным. В их семье без преувеличения каждый цент был на счету. Но с другой стороны, эти монетки – потратить их у меня не поднималась рука – служили напоминанием о том, на что Аспен готов был ради меня, как много я для него значила.

Вернувшись к себе в комнату, я вытащила из тайника небольшую склянку, заполненную медяками, и отправила туда сегодняшнюю монетку. Она весело звякнула. Потом я минут десять ждала у окна, пока не увидела, как Аспен в темноте спустился с дерева и побежал по тропинке к дому.

Некоторое время я лежала без сна, думая об Аспене и о том, как сильно я его люблю и как чудесно знать, что он отвечает мне взаимностью. Я казалась себе особенной, бесценной, незаменимой. Ни одна королева, наверное, не чувствовала себя более важной, чем я.

Так, с этой греющей сердце мыслью, я и уснула.

Глава 3

Аспен был во всем белом и похож на ангела. Мы по-прежнему находились в Каролине, но вокруг ни души. Нам больше никто и не нужен. Аспен сплел мне из прутиков корону, и мы наслаждались обществом друг друга.

– Америка! – Голос матери ворвался в сладкий сон петушиным криком.

Она включила свет, и я принялась тереть кулаками глаза, пытаясь унять резь.

– Просыпайся. Я хочу кое-что тебе предложить. – Я бросила взгляд на будильник. Самое начало восьмого. Сколько же я проспала – часов пять?

– Ты хочешь мне предложить еще поспать? – пробурчала я.

– Нет, солнышко, давай садись. Мне нужно обсудить с тобой кое-что серьезное.

Я заставила себя сесть на постели, помятая и всклокоченная со сна. Мама принялась хлопать в ладоши, словно это могло как-то ускорить процесс.

– Давай, Америка, просыпайся.

Я зевнула. Дважды.

– Ну и что ты хочешь?

– Чтобы ты подала заявку на участие в Отборе. Я считаю,

что из тебя выйдет отличная принцесса.

Я не готова была обсуждать это в такую рань.

– Мама, честное слово, я…

При воспоминании о данном ночью Аспену обещании хотя бы попытаться я тяжело вздохнула. Теперь, при свете дня, я не была уверена, что смогу заставить себя это сделать.

– Знаю, ты против, но подумала, может, ты изменишь отношение, если я заключу с тобой сделку.

Я навострила уши. Что она хочет предложить?

– Мы с папой вчера вечером поговорили и решили, что ты уже достаточно взрослая, чтобы работать самостоятельно. На пианино ты играешь ничуть не хуже меня, а если приложишь еще чуточку усилий, и на скрипке тоже будешь играть почти безупречно. А уж лучшего голоса, чем у тебя, во всей провинции не найти, можешь мне поверить.

Я сонно улыбнулась:

– Мама, спасибо. Большое спасибо.

Впрочем, работать в одиночку мне не особенно нравилось. Я не очень понимала, каким образом это предложение способно меня мотивировать.

– Это еще не все. Ты можешь принимать заказы по своему усмотрению, работать самостоятельно и… оставлять себе половину доходов.

Она поморщилась.

Глаза у меня мгновенно распахнулись.

– Но только при условии, что ты оформишь документы

на участие в Отборе. – Ее губы неудержимо расплывались в улыбке.

Она уже понимала, что победа на ее стороне, хотя, наверное, и ожидала от меня большего сопротивления. Но какой в этом смысл? Я все равно собиралась подать заявку, а теперь оказывается, что еще и смогу зарабатывать собственные деньги!

– Ты ведь понимаешь, что я могу согласиться только отправить анкету? Заставить их выбрать меня не в моих силах.

– Понимаю. Но все же попытка не пытка.

– Да-а-а, мама. – Я покачала головой, все еще под впечатлением. – Ладно, сегодня заполню анкету. Ты серьезно насчет денег?

– Разумеется. Все равно рано или поздно ты стала бы выступать в одиночку. К тому же тебе будет полезно научиться обращаться с финансами. Только прошу, не забывай о семье. Мы все еще в тебе нуждаемся.

– Я не забуду про вас. Так ты мне и позволила, как же! – подмигнула я.

Мама рассмеялась, и сделка была заключена.

Принимая душ, я размышляла обо всем, что успело произойти за последние сутки. Просто заполнив заявку, я заслужу одобрение семьи, сделаю приятное Аспену и смогу заработать деньги, которые помогут нам пожениться!

Меня деньги не слишком волновали, но Аспен настаивал на том, что нам необходимо отложить хотя бы немно-

го, прежде чем заключать брак. За все формальности нужно платить. Кроме того, после венчания мы хотели устроить скромную вечеринку для родных. Я считала, мы быстро накопим достаточную сумму, главное, решить, что мы к этому готовы, но Аспену хотелось большего. Может, если я начну всерьез трудиться и хорошо зарабатывать, он наконец поверит, что наши трудности не навсегда.

Приняв душ, я заколола волосы и в честь такого повода подкрасилась, потом подошла к шкафу и задумалась. Выбор невелик. Почти весь мой гардероб выдержан в бежевых, коричневых или зеленых тонах. Для работы у меня есть несколько платьев более веселых расцветок, но все они безнадежно вышли из моды. Впрочем, дело в том, что Шестерки и Семерки почти всегда ходят в джинсах или чем-нибудь столь же практичном. Пятерки в большинстве своем одевались неброско, поскольку художники все равно натягивали поверх одежды рабочие халаты, а танцорам и музыкантам нарядные вещи нужны только для представлений. Высшие касты время от времени ради разнообразия носили джинсы или хаки, но на них эти вещи каким-то образом всегда выглядели недостижимо шикарно. Мало того что они могли иметь практически все, что хотели, они еще и превращали то, что для нас являлось вынужденной мерой, в роскошь.

Я натянула шорты и зеленую тунику – самый нарядный свой дневной комплект – и, прежде чем выйти, бросила взгляд в зеркало. Я чувствовала себя почти хорошенькой.

Должно быть, благодаря огню в глазах.

Мама с папой сидели за кухонным столом и о чем-то вполголоса переговаривались. Периодически они вскидывали на меня глаза, но сегодня даже их пристальное внимание не могло испортить мне настроение.

Взяв в руки письмо, я слегка удивилась. Какая качественная бумага! Я никогда не держала в руках ничего подобного. На ощупь она была плотная и чуточку шершавая. На мгновение бумага вдруг обрела ощутимый вес, напомнив о серьезности моего шага. «А вдруг?» – мелькнула в голове сумасшедшая мысль. Но я отогнала ее и взялась за ручку.

Заполнение анкеты много времени не отняло. Я вписала имя, возраст, касту и контактную информацию. От меня требовалось указать рост, вес, цвет волос, глаз и кожи. Я с гордостью отметила, что знаю три языка. На двух говорили многие, но мама настояла на том, чтобы мы выучили французский и испанский, поскольку в некоторых частях страны они до сих пор были в ходу. Кроме того, это пошло на пользу моей певческой карьере. На французском много красивых песен. Также претенденткам необходимо было указать, сколько классов они закончили. Тут возможны самые разные варианты, поскольку лишь Шестерки и Семерки ходили в государственные школы и могли с полным правом говорить о нумерации классов. Мое образование практически завершилось. В графе «Особые навыки» я указала пение и игру на музыкальных инструментах.

– Как думаешь, способность спать в любой обстановке можно считать особым навыком? – поинтересовалась я у отца притворно озабоченным тоном.

– Да, непременно упомяни это. И не забудь написать, что ты способна расправиться с любой едой за пять минут, – отозвался он.

Я рассмеялась. Это правда; я действительно имела привычку глотать не жуя.

– Вы оба просто невыносимы! Почему бы тебе не написать, что ты настоящая дикарка! – взвилась мама.

Не понимаю, чего она пребывает в таком раздражении? В конце концов, я же пошла ей навстречу.

Я вопросительно покосилась на отца.

– Просто она хочет для тебя самого лучшего, вот и все.

Он откинулся на спинку кресла, еще немного оттягивая момент, когда нужно будет браться за заказ, сдать который предстояло к концу месяца.

– Ты тоже, – заметила я, – но при этом никогда не злишься.

– Да. Но у нас с мамой разные взгляды на то, что для тебя хорошо. – Он едва заметно улыбнулся.

Губы я унаследовала от него – как их абрис, так и склонность произносить невинные вроде бы вещи, которые не приносили пользы. Зато характер достался мамин, только она научилась прикусывать язычок там, где это было по-настоящему необходимо. Мне это было не под силу. Как вот сейчас.

– Пап, если бы я по-настоящему полюбила Шестерку или Семерку и захотела выйти за него замуж, ты бы мне позволил?

Отец поставил кружку и внимательно посмотрел на меня. Я попыталась сделать непроницаемое лицо. Он тяжело вздохнул:

– Америка, я хотел бы, чтобы ты вышла замуж за того, кого полюбишь, будь он хоть Восьмеркой. Но тебе следует знать, что любовь может не выдержать испытания браком. Со временем ты начнешь ненавидеть того, кого недавно так любила, если он окажется неспособен обеспечить тебя. А если вам нечем будет кормить детей, то будет еще хуже. Подобные обстоятельства иногда способны убить самое сильное чувство. – Папа накрыл мою ладонь своей. Я вскинула на него глаза, пытаясь скрыть тревогу. – Но в любом случае я хочу, чтобы тебя любили. Ты этого заслуживаешь. И очень надеюсь, что ты выйдешь замуж по любви, а не из-за номера касты.

Он не произнес вслух того, что я жаждала услышать: я должна выйти замуж по любви, – но ни на что большее и рассчитывать не стоило.

– Спасибо.

– Не сердись на маму. Она делает то, что кажется ей правильным. – Он поцеловал меня в макушку и отправился в мастерскую.

Я вздохнула и вернулась к анкете. Такое чувство, будто

моя семья считала, что у меня нет никакого права желать чего-то для себя. Меня это злило, но я понимала, что не стоит всерьез на них обижаться. Мы не могли позволить себе такую роскошь, как желания. Главным всегда было то, что необходимо.

Заполнив заявку, я пошла на задний двор к маме. Она подрубала платье и одновременно приглядывала за Мэй, которая делала домашнее задание в тени нашего домика на дереве. Аспен в детстве жаловался на то, какие строгие учителя были у них в школе. Сомневаюсь, что кто-то из них мог бы соперничать с мамой.

На дворе стояло лето!

– Неужели ты все-таки это сделала? – подпрыгивая от нетерпения, спросила Мэй.

– Заполнила, заполнила.

– Почему ты вдруг передумала?

– Мама умеет быть очень убедительной, – многозначительно произнесла я, хотя та, по всей видимости, ничуть не стыдилась способа, к которому прибегла, чтобы добиться своего. – Мама, мы можем сходить в администрацию, как только ты освободишься.

Она слегка улыбнулась:

– Умница! Возьми, что тебе нужно, и пойдем. Чем раньше мы все оформим, тем лучше.

Я отправилась к себе за сумкой и туфлями, как было велено, но задержалась перед дверью в комнату младшего брата.

Он с раздосадованным видом смотрел на пустой холст. Мы подсовывали Джераду вариант за вариантом, но все без толку. Достаточно было поглядеть на видавший виды футбольный мяч в углу или на подержанный микроскоп, которым с нами расплатились одни заказчики как-то раз на Рождество, чтобы понять: к искусству душа у него явно не лежит.

– Что, вдохновения так и нет? – спросила я, переступая через порог.

Он поднял на меня глаза и помотал головой.

– Может, стоит попробовать себя в скульптуре, как Кота. У тебя отличные руки. Вот увидишь, у тебя получится.

– Я не хочу быть скульптором. И рисовать, петь или играть на музыкальных инструментах тоже не хочу. Я хочу играть в футбол. – Он ковырнул ногой ветхий ковер.

– Знаю. В футбол можно играть на досуге, но тебе нужно найти ремесло, которое будет тебя кормить. Это вполне совместимо с футболом.

– Но почему? – захныкал он.

– Ты сам знаешь. Это закон.

– Но это нечестно! – Джерад толкнул натянутый на подрамник холст, и тот шлепнулся на пол, так что в лучах солнца заплясали пылинки. – Мы же не виноваты, что наш прадедушка, или кто он там, был бедным.

– Согласна. – Ограничивать выбор жизненного пути человека, исходя из той помощи, которую его предки оказали правительству, и вправду казалось мне не лучшим решени-

ем, но так уж все было устроено. И вообще, вероятно, следовало бы радоваться, что нашей безопасности ничто не грозит. – Может, в те времена по-другому было нельзя.

Джерад не ответил. Я вздохнула, подняла с пола мольберт и водрузила его обратно. Жизнь есть жизнь, и ничего тут не попишешь.

– Ты не обязан отказываться от своих хобби. Но ты должен будешь помогать папе и маме, а потом, когда вырастешь, завести собственную семью.

Он с притворным омерзением высунул язык, и мы оба прыснули.

– Америка! – послышался из коридора мамин голос. – Где ты там застряла?

– Уже иду! – прокричала я в ответ и снова обернулась к Джераду. – Я понимаю, что тебе трудно. Ну так никто и не обещал, что будет легко, правда?

Но в глубине души я и сама считала, что это несправедливо. Очень несправедливо.

В администрацию мы пошли пешком. Время от времени мы пользовались общественным транспортом, если добираться надо было очень далеко или если речь шла о работе. Являться в дом к Двойкам взмыленными с дороги никуда не годилось. Они и так странно на нас смотрели. Но сегодня день выдался погожий, да и идти было совсем недалеко.

Мы оказались не единственными, кто решил подать заявку как можно скорее. Улица перед зданием администрации

провинции Каролина была запружена женщинами.

Я заметила в очереди кое-кого из девушек, живших с нами по соседству. Хвост был человека четыре в ширину и загибался за угол. Все юные особы провинции бросились подавать заявки. Я не знала, ужасаться этому или радоваться.

– Эй, Магда! – послышался чей-то оклик.

Мы с мамой одновременно обернулись. К нам приближались сестры Аспена, Селия и Камбер, и их мать. По такому случаю она, должно быть, взяла выходной. Близняшки надели свою самую лучшую одежду и выглядели очень миленько. Конечно, роскошными их наряды никто бы не назвал, но они умудрялись отлично выглядеть в чем угодно, прямо как Аспен. У Камбер и Селии точно такие же, как у него, темные волосы и очаровательные улыбки.

Мать Аспена улыбнулась мне, и я улыбнулась в ответ. Я обожала ее. Нам очень редко удавалось перекинуться словечком, но она была неизменно со мной приветлива. И это вовсе не потому, что я стояла ступенью выше. Мне доводилось видеть, как она отдавала одежду, из которой выросли ее дети, семьям, не имевшим вообще никакого положения. Просто она очень добрая.

– Лина, привет! Как поживаете, девочки? – приветствовала их мама.

– Хорошо! – хором отозвались близняшки.

– До чего же вы симпатичные, – сказала я, перебросив выбившийся из прически локон Селии за плечо.

– Мы старались, чтобы хорошо выйти на фотографии, – пояснила Камбер.

– На фотографии?! – изумилась я.

– Ага, – понизив голос, подтвердила мама Аспена. – Я вчера прибиралась в одном из зданий магистрата. Эта лотерея на самом деле совсем не лотерея. Вот почему они фотографируют участниц и собирают кучу информации. Какая разница, сколько ты знаешь языков, если выбор делается случайным образом?

Когда я заполняла анкету, мне это тоже показалось странным, но я решила, что информация пригодится уже потом.

– И похоже, не мы одни в курсе. Поглядите только по сторонам! Смотрите, как некоторые разряжены и раскрашены.

Я обернулась. Мать Аспена была права. Разница между теми, кто знал, и теми, кто был не в курсе, бросалась в глаза. За нами стояла девушка, явно из Семерок, которая пришла сюда прямо в рабочей одежде. Ее заляпанные грязью ботинки на фотографии вряд ли будут видны, зато припорошенный пылью комбинезон – очень даже. В нескольких шагах от нее еще одна Семерка щеголяла рабочим поясом с инструментами. Лицо у нее чистое, но больше ничего хорошего про нее не скажешь. В противоположность этим двоим у стоявшей передо мной девушки волосы были убраны в узел, а лицо обрамляли игривые завитки. Ее соседка, судя по одежде Двойка, щеголяла декольте такой глубины, что казалось, в нем можно утопить весь мир. Еще несколько девушек были

так размалеваны, что напоминали клоунов. Что ж, по крайней мере, они старались.

Я выглядела вполне пристойно, но до них мне было далеко. Как и те две Семерки, я ничего не знала о фотографировании. Меня вдруг охватила неожиданная тревога.

Но почему? Я одернула себя и принялась раскладывать мысли по полочкам.

Мне все это не нужно. Если я окажусь недостаточно хороша, это и к лучшему. По крайней мере, не придется соревноваться с сестрами Аспена. Обе красавицы от природы, а с легким макияжем выглядели еще привлекательнее. Если Камбер или Селия победят, вся семья Аспена поднимется по социальной лестнице. Мама уж точно не станет возражать против моего брака с Единицей только из тех соображений, что это не принц. Как хорошо, что я ни о чем не была предупреждена!

– Пожалуй, ты права, – согласилась мама. – Эта девица выглядит так, словно собралась на рождественский бал.

Она рассмеялась, но по ее тону я поняла, что мысль о моем невыгодном положении ее не радует.

– Не знаю, зачем многие девушки так усердствуют. Вот посмотрите на Америку. Она такая хорошенькая. Я так рада, что ты не последовала их примеру, – сказала миссис Леджер.

– Во мне нет ничего особенного. На что я могу рассчитывать рядом с Камбер или Селией?

Я подмигнула им, и они рассмеялись. Мама тоже улыб-

нулась, но как-то натянуто. Должно быть, она раздумывала, остаться ли стоять в очереди или отправить меня домой переодеваться.

– Глупости! Каждый раз, когда Аспен возвращается после работы у твоего брата, он говорит, что природа не поскупилась, отмеряя Сингерам таланта и красоты.

– В самом деле?! Какой славный мальчик! – проворковала мама.

– Да. Лучшего сына и пожелать нельзя. Не представляю, что бы мы без него делали. И он так много работает.

– Его избраннице очень повезет, – произнесла мама рассеянно.

Видимо, ее мысли были заняты оценкой моих шансов в этом состязании.

Миссис Леджер торопливо огляделась по сторонам:

– Честно говоря, мне кажется, у него уже есть кое-кто на примете.

Я замерла, не понимая, стоит ли что-то сказать по этому поводу или промолчать. Любая реакция могла меня выдать.

– И как она выглядит? – поинтересовалась мама.

Несмотря на то что она мечтала выдать меня замуж за совершенно незнакомого человека, отказать себе в удовольствии посплетничать было выше ее сил.

– Точно не знаю! Вообще-то, я ее еще не видела. Это все только догадки. В последнее время у него очень счастливый вид.

В последнее время?! Мы с Аспеном встречаемся уже почти два года. Почему только в последнее время?

– Он без конца мурлычет что-то себе под нос, – подала голос Селия.

– Да, и даже поет во весь голос, – поддакнула Камбер.

– Он поет?! – воскликнула я.

– Ну да, – хором отозвались близняшки.

– Тогда он точно с кем-то встречается! – согласилась мама. – Интересно с кем?

– Я тоже хотела бы это знать. Думаю, она замечательная девушка. Несколько месяцев он работает не покладая рук. Еще больше, чем обычно. И начал откладывать деньги. Может, копит на свадьбу.

Я против воли негромко ахнула. К счастью, все приписали это эффекту неожиданности.

– А я только рада, – продолжала между тем мать Аспена. – Даже если он пока не готов открыть нам, кто она, я уже ее люблю. Он все время улыбается. После того как не стало Херрика, нам всем тяжело пришлось, а Аспену в особенности. Если ему с этой девушкой так хорошо, она мне уже как дочь.

– Повезло ей! Твой Аспен – замечательный мальчик, – отозвалась мама.

Я не верила своим ушам. Его семья едва сводит концы с концами, а он пытается скопить денег, чтобы жениться на мне! Хотелось отругать и расцеловать его одновременно. Я

просто… У меня не было слов.

Он действительно собирается сделать мне предложение!

Я не в состоянии была думать ни о чем другом. Аспен, Аспен, Аспен. Отстояла в очереди, расписалась в окошке, подтвердив, что все сведения в анкете правдивы, и отправилась фотографироваться. Я села на стул, слегка взбила волосы, чтобы выглядели поживее, и повернулась к фотографу.

Не думаю, что в тот миг в Иллеа нашлась бы девушка, улыбающаяся счастливее, чем я.

Глава 4

Была пятница, и в восемь вечера должны показывать «Вести столицы». Смотреть вроде бы необязательно, но пропускать передачу неразумно. Даже Восьмерки – бездомные бродяги – старались в это время оказаться где-нибудь в магазине или церкви, где транслировались «Вести». А уж теперь, когда начался Отбор, игнорировать «Вести» казалось немыслимо. Всем хотелось знать, как обстоят дела с претендентками.

– Как думаешь, сегодня объявят победительниц? – спросила Мэй с ртом, полным картофельного пюре.

– Нет, милая. До окончания подачи заявок осталось еще девять дней. Мы все узнаем в лучшем случае через две недели.

Такого спокойного тона у мамы я не слышала уже несколь-

ко лет. Она пребывала в состоянии полнейшей безмятежности, довольная тем, что ей удалось добиться своего.

– Ну вот! Мне не терпится скорей все узнать, – пожаловалась Мэй.

Ей не терпелось узнать? Но ведь это я участвовала в лотерее!

– Мама сказала, вам пришлось выстоять длинную очередь, – к моему изумлению, обратился ко мне отец.

– Ну да. Не ожидала, что будет столько девушек. Зачем ждать еще целых девять дней. Готова поклясться, что записалась уже вся провинция.

Папа усмехнулся:

– И как тебе показались соперницы?

– Не знаю, не разглядывала, – ответила я честно. – Предоставила маме их оценивать.

– Да-да, – согласно кивнула мама. – Я просто не могла удержаться. Но думаю, Америка выглядела очень неплохо. Утонченно и естественно. Ты такая красавица, солнышко. Если они в самом деле оценивают претенденток, а не выбирают их случайным образом, у тебя еще бóльшие шансы, чем я рассчитывала.

– Ну, не знаю, – уклонилась от прямого ответа я. – Там у одной девицы губы были так ярко накрашены красной помадой, что казалось, она истекает кровью. Кто его знает, может, принцу больше по вкусу такие вещи.

Все рассмеялись, и мы с мамой начали развлекать до-

машних комментариями о нарядах претенденток. Мэй жадно впитывала все до последнего слова, а Джерад лишь ел да улыбался. Иной раз мы даже забывали, что с тех пор, как Джерад начал по-настоящему понимать, что происходит вокруг, нужно тщательно следить за языком.

В восемь мы все устроились в гостиной: папа в своем кресле, Мэй на диване рядом с мамой, у которой на коленях примостился Джерад, я на полу – и включили телевизор на общественный канал. Это единственный канал, за который не нужно платить, так что даже Восьмерки могли его смотреть при наличии телевизора.

Заиграл гимн. Может, это и глупо, но мне он всегда нравился. Я очень люблю его петь.

На экране появилась королевская семья. На трибуне стоял король Кларксон. С одной стороны от него сидели советники, которые должны были сообщить новости о хозяйственных, экологических и прочих проблемах. Камера показала их крупным планом. Судя по всему, сегодня нам предстояло услышать несколько объявлений. В левой части экрана королева и принц Максон в роскошных одеждах восседали на похожих на троны креслах. Вид у них был важный и царственный.

– Смотри, твоего жениха показывают, – пошутила Мэй, и все рассмеялись.

Я внимательно вгляделась в Максона. Пожалуй, он был даже красив. Не так, как Аспен, разумеется. Такой солнеч-

ный тип внешности – коротко подстриженные медового цвета волосы, карие глаза – многим кажется привлекательным. Серый пиджак сидел на нем безукоризненно. Вот только держался принц чересчур скованно и напряженно. Идеальная прическа, отлично пригнанный строгий костюм – все слишком безупречно. Он походил скорее на свой портрет, нежели на живого человека. Я пожалела девушку, которая станет его избранницей. Жизнь ее ждет тоскливей некуда.

Я перевела взгляд на его мать. Та казалась безмятежной, но не производила впечатления глыбы льда. Королева, вдруг сообразила я, в отличие от короля и принца Максона росла не во дворце. Она была Избранной дочерью Иллеа. Ее история вполне могла быть схожа с моей.

Король уже заговорил, но мне нужно было получить ответ на свой вопрос.

– Мама, – прошептала я, стараясь никому не мешать.

– Что?

– Королева… Кем она была? В смысле, из какой касты?

Мой интерес вызвал у мамы улыбку.

– Четверка.

Четверка. Значит, ее юность прошла на фабрике или в магазине, а может, на ферме. Интересно, как она жила? У нее была большая семья? Наверное, в детстве ей не приходилось тревожиться о еде. Завидовали ли ей друзья, когда ее выбрали? Если бы у меня были по-настоящему близкие друзья, стали бы они мне завидовать?

Глупость какая. Меня никто никуда не выберет.

Я сосредоточилась на речи короля.

– Сегодня утром было совершено очередное нападение на наши базы в Новой Азии. Войска понесли небольшой урон в живой силе, но мы уверены, что призыв, который должен состояться в следующем месяце, послужит укреплению боевого духа, а также, разумеется, значительному пополнению численности армии.

Я терпеть не могла войну. К сожалению, наше государство совсем еще молодое и вынуждено бороться за существование. Еще одно вторжение мы вряд ли переживем.

После того как король сообщил новости о недавнем рейде на лагерь повстанцев, отдел финансов просветил относительно состояния внешнего долга, а глава комитета по инфраструктуре объявил, что через два года планируется начать работы по восстановлению нескольких автомагистралей, часть которых до сих пор оставалась разрушенной со времен Четвертой мировой войны. Наконец на трибуну вышел последний выступающий, главный распорядитель.

– Добрый вечер, дамы и господа. Как вы знаете, недавно по почте были разосланы извещения об участии в Отборе. Мы получили первые данные о количестве заполненных анкет, и я рад вам сообщить, что тысячи прекрасных дочерей Иллеа уже подали заявки на участие в отборочной лотерее!

На заднем плане Максон слегка заерзал в кресле. Мне показалось, или он действительно вспотел?

– От имени королевской семьи я хотел бы поблагодарить вас за проявленное рвение и патриотизм. Если нам будет сопутствовать удача, к Новому году мы отпразднуем помолвку нашего дорогого принца Максона с одной из очаровательных, умных и талантливых дочерей Иллеа!

Немногочисленные советники зааплодировали. Максон улыбнулся, но ему явно было не по себе. Когда аплодисменты стихли, главный распорядитель снова заговорил:

– Разумеется, в эфир будет выходить множество передач, посвященных знакомству с финалистками Отбора, не говоря уже о специальных репортажах об их жизни во дворце. Для освещения этой волнующей темы мы не смогли найти лучшей кандидатуры, нежели наш замечательный, известный всем Гаврил Фадей!

Раздался очередной взрыв аплодисментов, но на сей раз звук исходил от мамы с Мэй. Гаврил Фадей был легендой. Вот уже двадцать с лишним лет он комментировал трансляции парадов, посвященных Празднику благодарности, рождественских шоу и всех прочих торжеств, которые проводились во дворце. На моей памяти ни одно интервью с членом королевской семьи и их ближайшими друзьями не обошлось без него.

– Ах, Америка, ты сможешь увидеть Гаврила! – проворковала мама.

– Вот и он сам! – всплеснула руками Мэй.

На экране появился как обычно очень энергичный Гаврил

в строгом синем костюме. Ему было лет под пятьдесят. Когда он проходил по сцене, в свете прожекторов на лацкане пиджака блеснула золотом булавка. Эта мимолетная вспышка была как значок «форте» в моих нотах.

– Добрррый вечерррр, Иллеа! – хорошо поставленным голосом пропел он. – Должен признаться, для меня огромная честь быть причастным к Отбору. Подумать только, мне выпала возможность оказаться в обществе тридцати пяти прекрасных девушек! Лишь идиот не захотел бы очутиться на моем месте! – Он подмигнул в камеру. – Но прежде чем познакомиться с очаровательными претендентками, одной из которых предстоит стать нашей принцессой, я буду иметь удовольствие побеседовать с человеком часа, нашим принцем Максоном!

Тут Максон поднялся и двинулся по застеленной ковром сцене к паре стульев, приготовленных для них с Гаврилом. Принц поправил галстук и одернул пиджак, как будто можно выглядеть еще более безупречно. Пожав Гаврилу руку, он уселся напротив и взял микрофон. Стулья были достаточно высокими, так что Максон пристроил ноги на специальной перекладине. В такой позе он выглядел несколько непринужденней.

– Ваше высочество, рад видеть вас снова.

– Спасибо, Гаврил. Мне тоже очень приятно.

Голос у Максона оказался такой же сдержанный, как и он сам. От него так и исходили волны чопорности. При мысли

о том, чтобы оказаться с ним в одном помещении, я наморщила нос.

– Менее чем через месяц в вашем доме поселятся тридцать пять молодых женщин. Какие чувства вы испытываете по этому поводу?

– По правде говоря, я немного нервничаю, – рассмеялся Максон. – Представляю, как шумно будет во дворце с таким количеством гостей. И в то же время с нетерпением жду этого момента.

– Вы уже спрашивали у своего опытного и мудрого отца, каким образом ему удалось обзавестись такой прекрасной женой?

Максон с Гаврилом, как по команде, обернулись на короля с королевой, и камера крупным планом показала, как монаршие особы смотрят друг на друга, улыбаясь и держась за руки. Они выглядели искренними, но откуда нам знать, каково положение на самом деле?

– Вообще-то, еще нет. Как вам известно, ситуация в Новой Азии в последнее время серьезно обострилась, и мы с ним больше заняты военными вопросами. Так что нам было как-то не до обсуждения девушек.

Мама с Мэй расхохотались. Пожалуй, это прозвучало забавно.

– Времени у нас осталось не много, и я хотел бы задать вам еще один вопрос. Какой вы представляете себе идеальную избранницу?

Максон, похоже, слегка растерялся. Утверждать наверняка было сложно, но мне показалось, что он покраснел.

– Честно говоря, я даже и не знаю. Но в этом и заключается прелесть Отбора. В нем не будет ни единой претендентки, которая была бы в точности похожа на другую внешне, вкусом или характером. Надеюсь, что в процессе Отбора, общаясь с ними, я смогу понять, что мне нужно и чего жду от своей избранницы. – Максон улыбнулся.

– Благодарю вас, ваше высочество. Отлично сказано. Думаю, можно с полным правом заявить: не только я, но и все граждане Иллеа сейчас от всего сердца желают вам удачи.

– Спасибо, – сказал Максон, пожимая руку Гаврилу.

Камера не успела переключиться, и зрители увидели, как принц оглянулся на родителей, словно безмолвно спрашивая, все ли правильно он сказал. Но тут в кадре появилось лицо Гаврила, так что их реакцию мы не узнали.

– Боюсь, на сегодня наше время истекло. Спасибо, что смотрели «Вести столицы», и до следующей недели.

Заиграла музыка, и по экрану поползли титры.

– Тили-тили-тесто, Америка и Максон – жених и невеста, – пропела Мэй.

Я схватила подушку и запустила ее в сестру, но мне и самой было смешно. Максон казался настолько скованным и зажатым, что невозможно было представить, как кто-то вообще может быть счастлив рядом с таким пай-мальчиком.

Весь оставшийся вечер я старательно пропускала мимо

ушей подколки Мэй, пока наконец не ушла в свою комнату. Мне становилось неуютно при одной мысли о том, что я могу оказаться рядом с Максоном Шривом. Дразнилки Мэй всю ночь крутились в голове и мешали спать.

Разбудил меня какой-то непонятный звук. Делая вид, что сплю, я осторожно обвела взглядом комнату: вдруг залез кто.

Тук-тук-тук.

Я медленно повернула голову к окну и увидела ухмыляющегося Аспена. Я выбралась из кровати, на цыпочках подошла к двери, плотно закрыла ее и защелкнула на замок. Потом вернулась, отперла окно и аккуратно распахнула створки.

Когда Аспен перебрался через подоконник и уселся на кровать, меня обдало жаром, который не имел никакого отношения к по-летнему теплой погоде.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я, улыбаясь в темноте.

– Я должен был тебя увидеть, – выдохнул он мне в щеку, а потом обнял и увлек на постель.

– Аспен, мне столько всего нужно тебе рассказать!

– Тише. Если кто-нибудь услышит, нам не поздоровится. Просто дай мне на тебя полюбоваться.

Я повиновалась. Мы лежали рядышком неподвижно и молча, и Аспен смотрел мне в глаза. Вдоволь наглядевшись, он уткнулся носом в щеку и волосы. Его руки скользнули от моей талии к бедрам, потом поднялись, и так снова и снова.

Дыхание у него участилось, и я тоже вдруг начала задыхаться.

Его губы, прежде легонько щекотавшие мою шею, перешли к поцелуям. У меня вырвался прерывистый вздох, потом еще и еще. Губы Аспена скользнули по шее к подбородку, нашли мои губы и накрыли их, надежно заглушив производимые мной звуки. Я прижималась к нему; наши тела сплелись в торопливых объятиях в жаркой влажной ночи и покрылись испариной.

Это было преступное удовольствие.

Наконец Аспен ослабил свой неистовый натиск, хотя мне совсем не хотелось останавливаться. Но нам нужно сохранять благоразумие. Если мы зайдем слишком далеко и правда выплывет наружу, оба попадем в тюрьму.

Это одна из причин, почему все женились молодыми – ждать было мучительно.

– Мне надо идти, – прошептал он.

– А я желаю, чтобы ты остался.

Мои губы почти касались его уха. Я вновь ощутила запах мыла Аспена.

– Америка, когда-нибудь ты будешь засыпать в моих объятиях каждую ночь. И просыпаться от моих поцелуев каждое утро. И не только от них. – (При мысли об этом я закусила губу.) – А сейчас мне нужно идти. Не стоит испытывать судьбу.

Я вздохнула и расцепила руки. Все правильно.

– Америка, я люблю тебя.

– И я тебя.

Воспоминаний об этих тайных мгновениях должно хватить, чтобы помочь мне выдержать все: мамино разочарование из-за моего провала на Отборе; работу, которой необходимо было заниматься, чтобы помочь Аспену накопить денег; неизбежный скандал, когда любимый придет к папе просить моей руки. А еще – трудности, что выпадут на нашу долю после свадьбы. Все это неважно. Неважно, если со мной будет Аспен.

Глава 5

На следующей неделе я опередила Аспена и появилась в нашем домике на дереве первой.

Пришлось попотеть, чтобы поднять все необходимые вещи без лишнего шума, но все получилось. Я как раз заканчивала в очередной раз переставлять тарелки, когда услышала, как кто-то забирается на дерево.

– Ррр!

Аспен вздрогнул от неожиданности и рассмеялся. Я зажгла новую свечку, купленную специально для нас. Он подошел и поцеловал меня, потом я принялась рассказывать ему обо всем, что случилось за неделю.

– Я же так и не рассказала тебе, как подавала заявку! – спохватилась я. Меня так и распирало от новостей.

– Ну и как все прошло? Мама сказала, там была куча народу.

– Это было настоящее безумие. Видел бы ты, как некоторые разоделись! И ты, наверное, уже в курсе, что это не вполне лотерея, как нас уверяют. Я с самого начала была права. В Каролине полно куда более интересных девушек, чем я. Не стоило и затевать все это.

– Все равно спасибо, что выполнила мою просьбу. Для меня это очень важно.

Его глаза были по-прежнему прикованы ко мне. Больше ни на что вокруг он просто не смотрел. Впитывал меня взглядом, как обычно.

– Ну, во всей этой истории есть один замечательный момент. Поскольку мама не подозревала, что я уже пообещала тебе участвовать, она сделала мне заманчивое предложение в обмен на заявку.

Я не смогла удержаться от улыбки. Многие семьи уже начали закатывать праздники в честь своих дочерей, отчего-то уверенные, что именно их кровиночку выберут для состязания в Отборе. На этой неделе я пела уже на семи таких праздниках, втискивая по два в вечер. Все ради того, чтобы побольше заработать. Мама честно держала слово. Я и не предполагала, как это здорово, иметь собственные деньги.

– Заманчивое предложение? И что же она предложила? – живо заинтересовался Аспен.

– Деньги, разумеется. Смотри, я приготовила для тебя

пир!

Я оторвалась от него и принялась придвигать к нему тарелки. Ужин я специально готовила с размахом, чтобы Аспену осталось побольше. А до этого несколько дней подряд пекла пирожки. Мы с Мэй ужасные сластены, и она была в восторге от того, на что я трачу заработанные деньги.

– Что это?

– Еда. Сама готовила.

Я едва не лопалась от гордости. Наконец-то Аспен наестся досыта! Но он лишь посмотрел на тарелки, и его улыбка померкла.

– Аспен, что-то не так?

– Это неправильно. – Он покачал головой и отвел взгляд от еды.

– То есть как?

– Это я должен о тебе заботиться. Мне стыдно, что ты все это для меня делаешь.

– Но я же всегда тебя кормлю.

– Тем, что у вас остается. Я, по-твоему, ничего не вижу? Брать то, что не нужно вашей семье, мне не стыдно. Но когда ты специально… Это я должен…

– Аспен, ты все время что-то мне даешь. Ты обо мне заботишься. Ты каждый раз приносишь мне…

– Медяки? Думаешь, стоит сейчас поднимать эту тему? Неужели ты не понимаешь, как это унизительно? Я люблю слушать, как ты поешь, но не могу заплатить тебе по-насто-

ящему, как все.

– Ты вообще не должен мне платить! Это подарок. Я с радостью отдала бы тебе все, что у меня есть!

Я понимала, что мы не должны шуметь. Но мне стало на это наплевать.

– Америка, я не нуждаюсь в подачках. Я мужчина и должен быть добытчиком.

Аспен запустил пальцы в волосы. Он тяжело дышал.

Как всегда в наших спорах, он пытался обдумать свою позицию. Только на этот раз в его взгляде было что-то другое, незнакомое. Вместо обычного сосредоточенного выражения на его лице мало-помалу проступала растерянность. Весь мой гнев как рукой сняло. Он выглядел таким потерянным, что я почувствовала себя виноватой. Я хотела побаловать его, а не унижать.

– Я люблю тебя.

– Америка, я тоже тебя люблю, – покачал он головой.

Но он по-прежнему не смотрел на меня. Я взяла кусок хлеба, который испекла сама, и вложила ему в руку. Аспен был слишком голоден, чтобы не откусить.

– Я не хотела тебя обидеть. Думала, отпразднуем.

– Нет, Мер, я очень тебе благодарен. Я верю, что ты все это сделала ради меня. Просто… Просто ты не представляешь себе, как мне тошно, что я не могу дать того же тебе. Ты заслуживаешь лучшего.

Я порадовалась, что все это он говорит, не прекращая же-

вать.

– Выброси эти мысли. Когда мы с тобой наедине, я не Пятерка, а ты не Шестерка. Мы просто Аспен и Америка. И никто, кроме тебя, мне не нужен.

– Но я не могу выкинуть это из головы. Меня так воспитывали. С самого детства я только и слышу: «Шестерки рождены для услужения» и «Шестерки должны быть незаметными». Всю жизнь меня учили быть невидимкой. – Он стиснул мою ладонь. – Мер, если мы с тобой будем вместе, тебе тоже придется стать невидимкой. А я не хочу для тебя такой участи.

– Аспен, мы уже сто раз это обсуждали. Понимаю, что все изменится, и готова к этому. Не знаю, как еще это объяснить. – Я прижала руку к сердцу. – Как только ты поймешь, что созрел, я в тот же миг отвечу тебе согласием.

Было очень страшно вот так обнажать свою душу, признаваться в том, насколько глубоки мои чувства. То, что я произнесла, давно ему известно. Но если, поставив себя в уязвимое положение, помогу ему найти в себе мужество, я это вынесу. Аспен заглянул мне в глаза. Если он пытался обнаружить там сомнение, то лишь зря тратил время.

– Нет.

– Что?

– Нет.

Это прозвучало как пощечина.

– Аспен?

– Не понимаю, каким образом я мог тешить себя иллюзиями, что из этого может что-то получиться.

Он снова запустил руки в волосы, как будто пытался избавиться от неправильных мыслей.

– Но ты только что признался мне в любви!

– Мер, я действительно тебя люблю. В том-то все и дело. И не хочу, чтобы ты жила так же, как я. Мне невыносимо даже подумать, что ты будешь голодать, мерзнуть или жить в страхе. Ты не станешь Шестеркой. Я не могу этого допустить.

В горле стоял ком, на глаза навернулись слезы. Нет. Он это не всерьез. Такого просто не может быть. Но прежде чем я успела сказать что-либо, Аспен попятился к выходу из домика.

– Куда… куда ты?

– Я ухожу. Домой. Прости, что так с тобой поступил. Америка, все кончено.

– Что?

– Все кончено. Я больше не приду. Так не может продолжаться.

Я расплакалась.

– Аспен, пожалуйста. Давай поговорим. Ты просто расстроен.

– Я опечален куда сильнее, чем кажется. Но не из-за тебя. Мер, я не могу так. Не могу.

– Аспен, пожалуйста!

Он крепко прижал меня, поцеловал – по-настоящему по-

целовал – в последний раз и ушел в ночь. А я не могла его даже окликнуть из-за законов нашей страны, вынуждавших нас скрываться. Не могла в последний раз сказать, что люблю его.

Домашние явно заметили, что в последние дни со мной творится что-то неладное, но, видимо, списывали все на волнение по поводу Отбора. Хотелось плакать, но я сдерживалась. Мне нужно дожить до пятницы. Я надеялась, что после того, как «Вести столицы» передадут имена финалисток, все вернется в нормальное русло.

Я раз за разом рисовала в своем воображении эту картину. Я представляла, как победительницей от нашей провинции объявят Селию или Камбер. Мама, конечно, будет разочарована, но не настолько, как если бы победила совсем незнакомая девушка. Папа и Мэй обрадуются: наши семьи дружили. Я знала, что Аспен должен думать обо мне, как я о нем. И готова была биться об заклад, что он появится у нас на пороге прежде, чем закончится программа, умоляя меня простить его и выйти за него замуж. Конечно, это будет слишком поспешно, поскольку девушкам еще никто ничего не обещал, но он сможет списать все на общую атмосферу дня. В такой день многое прощается.

В моем воображении все устраивалось просто прекрасно и все были счастливы.

До начала «Вестей» оставалось еще десять минут, но все уже устроились перед телевизором. Полагаю, мы были не одни такие, кому не терпелось скорее узнать результаты.

– Я помню, как выбирали королеву Эмберли! О, я с самого начала знала, что она победит!

Мама готовила попкорн, как будто мы собирались смотреть кино.

– А ты сама участвовала в лотерее? – спросил Джерад.

– Нет, малыш, я была на два года младше, чем требовалось. И потом, мне тоже повезло: я встретила вашего папу. – Она улыбнулась и подмигнула.

Вот это да. Мама, похоже, пребывала в отличном настроении. Не помню, когда она в последний раз проявляла к папе такие чувства.

– Ее величество Эмберли – лучшая королева на свете. Она такая умная и красивая. Каждый раз, когда вижу ее по телевизору, хочу стать такой же, – вздохнула Мэй.

– Она хорошая королева, – добавила я негромко.

Пробило восемь часов, и на экране появился государственный герб и заиграл гимн. Я поймала себя на том, что дрожу. Мне очень хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

Сначала король вкратце обрисовал новости с фронта. Прочие объявления также оказались краткими. Похоже, все пребывали в хорошем настроении. Наверное, их тоже одолевало радостное волнение.

Наконец на экране появился главный распорядитель и представил Гаврила. Тот направился прямиком к королевской семье.

– Добрый вечер, ваше величество, – поприветствовал он короля.

– Гаврил, всегда рад тебя видеть, – почти легкомысленным тоном отозвался тот.

– Не терпится услышать объявление?

– О да. Я вчера присутствовал при выборе некоторых кандидатур. Все девушки очень милые.

– Значит, вам уже известны имена финалисток?! – воскликнул Гаврил.

– Всего несколько.

– А с вами его величество этой информацией, случайно, не поделился? – поинтересовался Гаврил у Максона.

– Нет. Я увижу финалисток вместе со всеми остальными, – ответил Максон.

Он явно пытался совладать с нервами.

Я вдруг поняла, что у меня вспотели ладони.

– Ваше величество, – подошел Гаврил к королеве, – что вы можете посоветовать нашим финалисткам?

Она безмятежно улыбнулась. Не знаю, как выглядели ее соперницы по Отбору, но мне сложно было представить, чтобы кто-то еще мог сравниться с ней в умении держаться с достоинством и в то же время быть такой красивой.

– Наслаждайтесь своим последним днем в роли обычной

девушки. Завтра, каков бы ни был исход состязания, ваша жизнь изменится. И еще один совет, старый, но тем не менее действенный: будьте самими собой.

– Мудрые слова, моя королева. И на этом позвольте приступить к оглашению имен тридцати пяти молодых девушек, которым предстоит участвовать в Отборе. Дамы и господа, присоединяйтесь ко мне в чествовании Дочерей Иллеа!

На экране вновь появился государственный герб. В верхнем правом углу в небольшом квадратике продолжали показывать лицо Максона, чтобы зрители могли видеть его реакцию на фотографии девушек. Как и мы все, он будет составлять о них свое мнение.

Гаврил держал в руках стопку карточек, готовясь зачитать имена Избранных, чьи жизни, если верить королеве, должны были вот-вот измениться.

– Мисс Элейн Стоулз из Ханспорта, Тройка.

На экране появилась фотография миниатюрной красавицы с фарфоровой кожей. Настоящая леди. Максон просиял.

– Мисс Тьюзди Кипер из Уэверли, Четверка.

На экране – девушка с веснушками. Она была постарше первой и казалась более зрелой. Максон что-то прошептал королю.

– Мисс Фиона Кастли из Паломы, Тройка.

Брюнетка со жгучим взглядом. Пожалуй, моя ровесница, только какая-то более… опытная.

Я обернулась к родителям:

– Правда, она кажется ужасно…

– Мисс Америка Сингер из Каролины, Пятерка.

Я стремительно обернулась к телевизору и увидела ее. Мою собственную фотографию, сделанную сразу же после того, как я узнала, что Аспен откладывает деньги, чтобы жениться на мне. Девушка сияла, явно была полна надежд и смотрелась прекрасно. Влюбленной. И вероятно, какой-то идиот решил, что влюблена я в принца Максона.

За спиной восторженно завопила мама. Мэй подскочила, рассыпав по всей комнате попкорн. Джерад заплясал от возбуждения. Папа… Не уверена, но мне показалось, что он украдкой улыбается в свою книгу.

Выражения лица Максона я увидеть не успела.

Зазвонил телефон.

И в течение нескольких дней он не умолкал.

Глава 6

За последующую неделю в нашем доме перебывали полчища чиновников, призванных подготовить меня к Отбору. Первой явилась какая-то неприятная особа, похоже убежденная, что половина указанных в моей заявке сведений – ложь. Затем приехал сотрудник дворцовой охраны обсудить с местными военными меры безопасности и провести осмотр нашего дома. По всей видимости, мне не нужно было дожидаться, когда я перееду во дворец, чтобы начать опасаться

возможного нападения повстанцев. Превосходно.

Дважды нам звонила некая Сильвия – особа, судя по голосу, самоуверенная и деловая, – интересовалась, не испытываем ли мы в чем-либо недостатка. Но больше всего меня порадовал визит сухопарого человечка с козлиной бородкой, который явился к нам снять мерки для моего нового гардероба. Я не была уверена, какие чувства у меня вызывает перспектива постоянно носить такие же вечерние платья, как у королевы, но с нетерпением ждала шанса попробовать.

Последний посетитель – невероятно тощий, беспрестанно потеющий тип с сальными черными волосами, зализанными назад, – побывал в нашем доме днем в среду, за два дня до моего отъезда. Ему было поручено ознакомить меня с официальными правилами. Едва переступив порог, он спросил, где можно поговорить без посторонних ушей. Это был первый звоночек.

– Пройдемте на кухню, если вы не возражаете, – предложила мама.

Тощий промокнул лоб платком и покосился на Мэй:

– На самом деле меня устроит любое место. Только я попросил бы вашу младшую дочь удалиться.

Что такого он собирался нам сказать, что не предназначено для ушей Мэй?

– Мама? – подала голос сестра, опечаленная, что ее выдворяют.

– Мэй, милая, займись живописью. За последнюю неделю

ты слегка запустила занятия.

– Но…

– Пойдем, я провожу тебя, Мэй, – предложила я, заметив, как на глазах у нее выступили слезы.

В коридоре, где никто не мог нас слышать, я обняла ее и прошептала:

– Не волнуйся, вечером все расскажу. Клянусь.

К чести сестры, она не выдала нашу маленькую тайну, по обыкновению своему принявшись прыгать. Вместо этого она лишь хмуро кивнула и отправилась в свой закуток в папиной студии.

Мама налила тощему чая, и мы втроем уселись за кухонный стол. Он достал кипу бумаг и ручку, а также папку с моим именем. Когда все было аккуратно разложено, он заговорил:

– Прошу прощения за такую скрытность, но мне необходимо затронуть определенные вопросы, которые не слишком подходят для юных ушей.

Мы с мамой украдкой переглянулись.

– Мисс Сингер, как ни грубо это прозвучит, но с прошлой пятницы вы считаетесь достоянием Иллеа. С настоящего момента вы обязаны заботиться о своем теле. Вам придется подписать кое-какие документы. В случае отказа с вашей стороны вы не будете допущены к участию в Отборе. Вы понимаете?

– Да, – произнесла я осторожно.

– Очень хорошо. Начнем с самого простого. Вот вам витамины. Поскольку вы Пятерка, полагаю, полноценно питаться вам удается не всегда. Вы должны принимать по одной каждый день. Дома придется делать это самостоятельно, но во дворце у вас будут помощники.

Он придвинул ко мне объемистую банку вместе с бланком расписки в том, что я ее получила.

Я с трудом удержалась от смеха. Они что, считают, что кто-то не в состоянии съесть таблетку без контролера?

– Далее, у меня при себе заключение вашего семейного врача. Ну, тут ничего тревожного. У вас, судя по всему, прекрасное здоровье, хотя он упомянул, что в последнее время вы неважно спите?

– Э-э… ну… просто со всеми этими волнениями мне было немного не до сна.

Это была почти правда. Дни пролетали в круговерти приготовлений к отъезду, но по ночам, наедине с собой, я думала об Аспене. Это было единственное время, когда я не могла отделаться от мыслей о нем.

– Ясно. Что ж, я могу устроить так, чтобы к вечеру у вас было лекарство. Вы нужны нам отдохнувшей.

– Нет, я не…

– Да, – перебила меня мама. – Прости, милая, но у тебя усталый вид. Пожалуйста, организуйте для нее снотворное.

– Так и поступим. – Клерк сделал еще одну пометку в моем досье. – Далее. Я понимаю, что это тема интимная, но мне

необходимо обсудить ее с каждой участницей, так что, пожалуйста, отбросьте стеснительность. – Он помолчал. – Мне нужно подтверждение, что вы действительно девственница.

У мамы глаза едва не вылезли на лоб. Так вот почему он настоял на том, чтобы Мэй вышла!

– Вы серьезно? – Я не могла поверить, что они подослали ко мне мужчину с подобным вопросом. В конце концов, это можно было поручить женщине…

– Боюсь, что да. Если вы не девственница, нам необходимо узнать об этом сейчас.

Ох. Еще и в мамином присутствии.

– Я знаю закон, сэр. Я же не дура. Разумеется, я девственница.

– Подумайте хорошенько. Если обнаружится, что вы сказали неправду…

– Ради всего святого, Америка никогда в жизни даже не гуляла с мальчиками! – не выдержала мама.

– Вот именно.

Я ухватилась за ее слова, надеясь, что они положат конец обсуждению.

– Очень хорошо. Вам остается только поставить вот здесь свою подпись в подтверждение вашего заявления.

Я закатила глаза, но повиновалась. Я была рада, что Иллеа существует, ведь от этой земли не осталось практически камня на камне, но все эти нормы начинали меня душить. Они, как незримые цепи, сковывали по рукам и ногам. За-

коны о том, кого можно любить, а кого нет, расписки в собственной непорочности – все это любого могло довести до белого каления.

– Теперь я должен ознакомить вас с правилами. Они очень просты, и у вас не должно возникнуть никаких сложностей с их выполнением. Если появятся какие-либо вопросы, спрашивайте, не стесняйтесь. – Он поднял глаза от стопки бумаг и посмотрел на меня.

– Хорошо, – пробормотала я.

– Вам запрещается самовольно покидать пределы дворца. Вы можете это сделать исключительно по распоряжению принца. Даже король и королева не имеют права заставить вас уехать. Им позволено довести до сведения принца, что они не одобряют вашу кандидатуру, но все решения относительно того, кто уходит, а кто остается, он принимает единолично. Временны́е рамки проведения Отбора не ограничены. Он может как завершиться в считаные дни, так и растянуться на многие годы.

– На многие годы?! – ужаснулась я.

При мысли о столь долгом отсутствии я едва не потеряла самообладание.

– Не переживайте. Вряд ли принц позволит Отбору сильно затянуться. Сейчас он должен продемонстрировать решительность, иначе произведет неблагоприятное впечатление. Но в том случае, если он все же примет такое решение, вы должны будете оставаться во дворце столько времени, сколь-

ко принцу потребуется, чтобы сделать выбор.

Мой страх, вероятно, отразился у меня на лице, потому что мама похлопала меня по руке. Тощий даже бровью не повел.

– Вы не должны искать встреч с принцем. Он сам позовет вас на свидание, если того пожелает. Исключение – если присутствуете на крупном мероприятии, где находится и он. Но вам запрещено приближаться к нему без приглашения. Хотя никто не требует от вас дружбы с остальными тридцатью четырьмя конкурсантками, вы не должны затевать ссоры с ними и умышленно причинять им вред. Если вы будете уличены в рукоприкладстве или оказании на другую участницу морального давления, в воровстве или любых действиях, способных ухудшить ее личные отношения с принцем, он вправе немедленно исключить вас из конкурса. Романтические отношения с кем-либо еще, кроме принца Максона, не допускаются. Если вы будете замечены в любовной переписке с кем-нибудь из ваших прежних знакомых или в отношениях с третьим лицом во дворце, это считается государственной изменой и карается смертной казнью.

На этом месте закатила глаза уже мама, хотя, пожалуй, именно этот пункт у меня тревогу не вызывал.

– Если вы будете уличены в нарушении какого-либо закона Иллеа, то понесете соответствующее наказание. Ваш статус участницы Отбора не освобождает вас от ответственности перед законом. Запрещается носить любую одежду и

принимать любую пищу, кроме той, что вам предоставят во дворце. Эта мера продиктована соображениями безопасности и должна неукоснительно соблюдаться. По пятницам вы будете принимать участие в съемках репортажей для «Вестей столицы». Время от времени, но всегда по предварительному уведомлению, видео- и фотосъемка будет производиться и во дворце. Вам надлежит вести себя учтиво и не препятствовать съемкам ваших взаимоотношений с принцем. Вашей семье будет выплачиваться компенсация за каждую неделю вашего пребывания во дворце. Первый чек получите уже сегодня. Кроме того, в случае, если не станете победительницей, вам окажут содействие в адаптации к жизни после Отбора. Вам предоставят персонального помощника, который не только поможет в последних приготовлениях к отъезду во дворец, но и в поисках нового жилья и рабочего места после окончания конкурса. – Если вы попадете в десятку финалисток, вас причислят к Элите. После этого ознакомят с особенностями внутреннего распорядка и обязанностями, которые налагает положение принцессы. Пытаться разузнать что-либо ранее не разрешается. С настоящего момента вам присваивается статус Тройки.

– Тройки?! – в один голос воскликнули мы с мамой.

– Да. После участия в Отборе девушкам сложно возвращаться к прежней жизни. Двойки и Тройки справлялись отлично, но Четверкам и ниже обычно приходилось трудно. Вы теперь Тройка, но все остальные члены вашей семьи по-

прежнему остаются Пятерками. В случае победы вам и всем вашим родным будет присвоен статус Единиц как членам королевской семьи.

– Единиц, – слабым эхом отозвалась мама.

– В случае победы вы выйдете замуж за принца Максона и станете коронованной принцессой Иллеа, приняв на себя все права и обязанности, налагаемые этим титулом. Вы отдаете себе в этом отчет?

– Да.

Эту часть, как бы солидно она ни звучала, осознать было проще всего.

– Очень хорошо. Будьте добры, распишитесь в том, что вы ознакомлены с официальными правилами, а вы, миссис Сингер, будьте добры поставить свою подпись в расписке о том, что получили чек.

Размера суммы я не увидела, но мама даже прослезилась. Отчаянно не хотелось уезжать из дома, но я была уверена, что, даже если меня отправят обратно на следующий же день, безбедное существование на год нам обеспечено. А когда я вернусь, от желающих услышать мое пение не будет отбоя. Так что без работы не останусь. Вот только разрешат ли мне петь, ведь я теперь Тройка? Наверное, если придется выбирать из разрешенных Тройкам профессий, я стану учителем. Смогу, по крайней мере, учить музыке других.

Тощий собрал бумаги, поднялся и поблагодарил нас за уделенное время и за чай. Теперь до отъезда мне осталось

пообщаться всего с одним чиновником, выделенным мне в помощь. Ему предстояло сопровождать меня из дома в аэропорт. А дальше… Дальше мне придется справляться самостоятельно.

Гость спросил, нельзя ли, чтобы я проводила его до дверей, и мама согласилась: ей не терпелось взяться за приготовление ужина. Мне не хотелось оставаться с ним наедине. Благо хоть идти было недалеко.

– И еще один момент, – сказал чиновник, уже положив пальцы на дверную ручку. – Вообще-то, это не совсем правило, но с вашей стороны было бы неразумно его игнорировать. Получив приглашение от принца Максона, не следует отказываться. Что бы он вам ни предложил. Ужин, свидание, поцелуй, нечто большее – что угодно. Не противоречьте ему.

– Прошу прощения?

Не ослышалась ли я? Этот человек, который только что взял с меня расписку в непорочности, намекал на то, что я должна расстаться с ней, едва Максону стоит об этом заикнуться?

– Я отдаю себе отчет в том, что это звучит… неподобающе. Но вам не следует отказывать принцу ни при каких обстоятельствах. Доброго вечера, мисс Сингер.

Меня затошнило. Закон, один из тех, о которых он только что тут толковал, предписывал ждать до брака. Это был действенный способ держать в узде болезни, к тому же он препятствовал смешению каст. Незаконнорожденных выбрасы-

вали на улицы, где они становились Восьмерками. А наказание для тех, чья незаконная связь вскрывалась, – тюремное заключение. Даже если у кого-то возникало просто подозрение, можно было провести несколько ночей в камере. Да, это помешало мне пойти на близость с тем, кого я любила, и тогда я переживала из-за этого. Но теперь, когда между мной и Аспеном все кончено, оставалось радоваться, что я вынуждена была блюсти себя.

Я была вне себя от ярости. Разве не стоит моя подпись под документом, где говорилось о неизбежности наказания в случае нарушения закона? Статус участницы Отбора не освобождает от ответственности, вот как он это сформулировал. Зато статус принца, видимо, освобождает. Я вдруг почувствовала себя грязной, ничтожнее любой Восьмерки.

– Америка, милая, это к тебе, – пропела мама.

Я тоже слышала звонок, но открывать не пошла. Окажись это очередной желающий получить автограф – не выдержала бы.

Пройдя по коридору, я завернула за угол и замерла. На пороге с охапкой полевых цветов стоял Аспен.

– Америка, привет, – сдержанным, почти деловым тоном поздоровался он.

– Привет, – слабым голосом отозвалась я.

– Это от Камбер с Селией. Они желают тебе удачи.

Он приблизился и протянул цветы. Букет от его сестер, не

от него.

– Как мило с их стороны! – воскликнула мама.

Я почти и забыла, что она тоже в комнате.

– Аспен, ты очень кстати. – Я пыталась говорить так же отчужденно, как и он. – С этими сборами у меня в комнате все вверх дном. Ты не мог бы помочь прибрать?

В присутствии моей матери он не мог не согласиться. Как правило, Шестерки не отказывались от предложенной работы. Мы в этом смысле вели себя точно так же.

У него дернулись желваки, но он кивнул.

Мы пошли по коридору в комнату. Сколько раз я воображала, как Аспен переступит порог моего прибежища! Могла ли я представить, при каких обстоятельствах суждено сбыться этой мечте?

Я толкнула дверь в комнату, и Аспен расхохотался.

– Ты что, собаку подрядила заниматься сборами?

– Заткнись! Я не могла найти одну вещь. – Но я невольно улыбнулась.

Он принялся наводить порядок и складывать футболки. Я, разумеется, помогала.

– Ты что, ничего из этого не берешь? – прошептал он.

– Нет. С завтрашнего дня я смогу одеваться только в то, что мне будут выдавать во дворце.

– Ого!

– Сестры расстроились?

– Вообще-то, нет. – Он изумленно покачал головой. – Как

только они увидели на экране твое лицо, все в доме словно помешались. Они без ума от тебя. Особенно моя мать.

– Твоя мама мне нравится. Она у тебя такая добрая.

Мы молча прибирались дальше. Комната мало-помалу приобретала свой обычный вид.

– Фотография… – начал он. – Ты на ней такая красивая.

Мне больно было слышать это от него. Это нечестно с его стороны. После того, как он так со мной обошелся.

– Это все из-за тебя.

– Что?

– Просто я думала, что ты вот-вот сделаешь мне предложение, – севшим голосом произнесла я.

Аспен немного помолчал, подбирая слова.

– Я хотел, но теперь это уже не имеет значения.

– Нет, имеет. Почему ты мне не сказал?

Он потер шею, очевидно что-то решая.

– Я ждал.

– Чего?

Чего он мог ждать?

– Призыва.

Это действительно проблема. Призыв мог обернуться как благом, так и наоборот. В Иллеа призыву подлежали все лица мужского пола, достигшие установленного законом возраста. Солдат выбирали случайным образом дважды в год, чтобы охватить всех, кому исполнилось девятнадцать за последние полгода. Повинность отбывали на протяжении че-

тырех лет, демобилизовывались в двадцать три. Скоро настанет черед Аспена.

Мы, разумеется, говорили о службе, но всерьез никогда ее в расчет не брали. Наверное, нам обоим казалось, если мы не будем обращать внимание на призыв, то и он нас проигнорирует.

Плюс мобилизации был в том, что, становясь военным, ты автоматически получал статус Двойки. Правительство обучало тебя и потом платило пенсию до конца жизни. Оборотной стороной медали являлась непредсказуемость: никто не мог знать заранее, куда его пошлют. Но от родной провинции всегда отправляли подальше. Видимо, считалось, что со знакомыми людьми ты будешь более снисходительным. Можно было очутиться во дворце или в полицейском управлении другого штата. Или в армии, в боевых частях. Из тех, кто попал на войну, домой возвращались очень немногие.

Если мужчина не женился до призыва, он почти всегда старался с этим повременить. Иначе в лучшем случае он обрекал свою жену на четырехлетнюю разлуку, в худшем – на раннее вдовство.

– Я не хотел так с тобой поступать, – прошептал он.

– Понимаю.

Он распрямил плечи и попытался сменить тему:

– И что же тогда ты берешь во дворец?

– Минимум одежды, чтобы было что надеть, когда меня наконец попросят на выход. Кое-какие фотографии и книги.

Музыкальные инструменты, сказали, есть во дворце. Так что все уместилось вот в этот рюкзак.

Комната обрела аккуратный вид, а собранный рюкзак почему-то стал казаться огромным. Цветы, которые принес Аспен, выглядели такими яркими по сравнению с моими унылыми вещами. Или, может, просто это я все воспринимала блеклым… Теперь все было кончено.

– Негусто, – заметил он.

– Мне никогда не нужно было много, чтобы быть счастливой. Я думала, ты это знаешь.

Он закрыл глаза.

– Америка, не надо. Я поступил так, как было правильно.

– Правильно? Аспен, ты убедил меня, что у нас есть будущее. Ты заставил меня полюбить тебя. А потом уговорил принять участие в этом треклятом конкурсе. Ты знаешь, что меня отсылают во дворец практически как игрушку на потеху Максону?

Он стремительно обернулся ко мне:

– Что?

– Мне не положено отказывать ему. Ни в чем.

Лицо Аспена потемнело. Руки сжались в кулаки.

– Даже… Даже если он не захочет жениться на тебе… он может…

– Вот именно.

– Прости меня. Я не знал. – Он несколько раз глубоко вздохнул. – Но если он выберет тебя… Это будет хорошо.

Ты заслуживаешь счастья.

Это стало последней каплей. Я влепила ему пощечину и прошипела:

– Ты идиот! Ненавижу! Я любила тебя! Мне был нужен ты и только ты!

В глазах у него блеснули слезы, но мне было уже все равно. Он причинил мне достаточно боли, теперь была моя очередь.

– Мне пора, – сказал он и развернулся к выходу.

– Постой. Я с тобой не рассчиталась.

– Америка, ты не должна мне платить. – Он снова двинулся к двери.

– Аспен Леджер, не смей уходить! – крикнула я.

И он замер, наконец сконцентрировав все внимание на мне.

– Когда ты будешь Единицей, этот навык очень тебе пригодится.

Если бы не его глаза, я могла бы принять эти слова за шутку, а не за оскорбление.

Я лишь молча покачала головой и, подойдя к письменному столу, вытащила все деньги, которые заработала. И сунула ему в руки все до последнего гроша.

– Америка, я их не возьму.

– Куда ты денешься? Мне они не нужны, а тебе очень даже. Если ты когда-нибудь меня любил, ты используешь их. Твоя гордыня натворила уже достаточно бед.

Я почувствовала, как в нем словно что-то сломалось. Он

прекратил сопротивляться.

– Прекрасно.

– И вот еще. – Я заглянула под кровать, вытащила оттуда склянку с центами и высыпала их ему в ладонь. Одна непокорная монетка, видимо выпачканная чем-то липким, приклеилась ко дну и никак не хотела вытряхиваться. – Они всегда были твоими. Держи.

Теперь у меня не осталось ничего, что принадлежало бы ему. А когда он от отчаяния потратит все медяки, у него не останется ничего, что принадлежало бы мне. У меня защемило сердце. На глазах выступили слезы, и я глубоко вздохнула, чтобы подавить рвущееся рыдание.

– Мер, прости меня. Удачи!

Он сунул деньги в карман и выбежал из комнаты.

Я почти ожидала истерики. Думала, что буду судорожно, взахлеб плакать, но вместо этого по щеке медленно скатились всего несколько крохотных слезинок.

Потянувшись, чтобы поставить склянку на полку, я снова заметила маленькую прилипшую монетку. Я поддела ее пальцем, и она отклеилась. Теперь она одиноко болталась на дне, позвякивая. Звук был глухой и надтреснутый, он отозвался эхом в груди. Я не знала, хорошо это или плохо, но я все еще под властью любви к Аспену. Пока, по крайней мере. А может, и никогда не освобожусь. Я приоткрыла рюкзак, сунула туда склянку и застегнула.

Мэй проскользнула в комнату. Я проглотила дурацкую

таблетку из тех, что предписывалось принимать каждый день, и мы с сестрой уснули в обнимку. На меня наконец-то снизошло благословенное отупение.

Глава 7

На следующее утро я облачилась в униформу Избранной: черные брюки, белая блузка, в волосах цветок, символизирующий провинцию, – лилия. Туфли надо было выбрать самой. Я остановилась на поношенных красных лодочках на плоской подошве. Решила, следует с самого начала дать всем понять, что приличной принцессы из меня не выйдет.

Скоро пришло время отправляться на площадь. Во всех провинциях сегодня должен был состояться ритуал проводов кандидаток в столицу. Не сказала бы, что я ждала собственную церемонию с нетерпением. Мне не улыбалось торчать на сцене перед целой толпой. Вся затея казалась дурацкой уже потому, что из соображений безопасности меня должны были везти на машине, хотя до площади всего каких-то две мили.

День не задался с самого утра. Кенна с Джеймсом приехали меня проводить, что со стороны сестры было очень мило, учитывая большой срок ее беременности. Кота тоже заехал, хотя его присутствие внесло дополнительное напряжение. Пока мы шли от дома до предоставленной нам машины, Кота двигался медленнее всех, чтобы немногочисленные

фотографы и доброжелатели могли хорошенько его разглядеть. Папа только головой покачал.

Единственным утешением стала Мэй. Она взяла меня за руку и попыталась пробудить энтузиазм. Мы продолжали поддерживать друг друга, когда вступили на запруженную людьми площадь. Казалось, вся Каролина пришла проводить меня в путь. Ну или, по крайней мере, посмотреть, из-за чего вся шумиха.

Стоя на сцене, я четко видела границы между кастами. Маргарета Стайнс была Тройкой, и ее родители смотрели на меня волком. Тенайл Диггер – Семерка, и она посылала мне воздушные поцелуи. Высшие касты выглядели так, как будто я украла что-то, что по праву принадлежало им. Четверки и ниже радовались за меня – девушку из низов, которой повезло возвыситься. Вдруг я поняла, как много значу для всех собравшихся, хотя для каждого это было что-то свое.

Подняв голову, я попыталась сосредоточиться на лицах. Я была исполнена решимости справиться со своей задачей как можно блистательнее. Стать лучшей, высшей из низших. Мое участие в этой затее вдруг приобрело смысл. Америка Сингер – борец за права угнетенных каст.

К микрофону подошел мэр и начал витиеватую речь:

– Сегодня Каролина чествует очаровательную дочь Магды и Шалома Сингер, только что получившую титул леди, – Америку Сингер!

Толпа разразилась приветственными криками и аплодис-

ментами. Кто-то бросил на сцену цветы.

Я слушала, улыбалась и помахивала рукой. Потом принялась оглядывать собравшихся, но на этот раз уже с иной целью.

Хотелось в последний раз увидеть его лицо. Я не знала, придет он или нет. Вчера он сказал, что я очень красивая, но держался еще более отстраненно и сдержанно, чем тогда в домике на дереве. Все было кончено, я понимала это. Но нельзя же любить человека почти два года и забыть в один миг.

Мне пришлось несколько раз обвести взглядом собравшихся, прежде чем я увидела его. И тут же об этом пожалела. Аспен стоял позади Бренны Батлер, небрежно обнимая ее за талию и улыбаясь.

Наверное, некоторые люди все же способны на мгновенную амнезию.

Бренна была Шестеркой примерно моего возраста. Довольно симпатичной, насколько я могла судить, хотя внешне у нас с ней не было совершенно ничего общего. Надо полагать, свадьба и семейная жизнь, на которую он откладывал деньги, встречаясь со мной, теперь достанутся ей. Грядущий призыв, видимо, его тоже больше не волновал. Она улыбнулась ему и отошла к родным.

Неужели Бренна с начала нашего романа ему нравилась? Может, он все это время встречался с ней каждый день, а я была девушкой, которая раз в неделю кормила его и осыпа-

ла поцелуями? Мне вдруг пришло в голову, что его жизнь вовсе не ограничивалась уборкой или нудной канцелярской работой, как он об этом рассказывал.

Я была слишком сердита, чтобы плакать.

К тому же у меня были поклонники, которые жаждали внимания. Так что, ничем не дав Аспену понять, что заметила его, я вновь обратила взгляд на восторженные лица собравшихся. Я широко улыбнулась и снова замахала рукой. Не доставлю Аспену удовольствия разбить мне сердце во второй раз. Это из-за него я здесь очутилась, и теперь осталось лишь извлекать из своего положения преимущества.

– Дамы и господа, я призываю вас вместе со мной приступить к церемонии проводов Америки Сингер, нашей любимой Дочери Иллеа! – провозгласил мэр.

За спиной небольшой оркестр заиграл национальный гимн.

И снова раздались приветственные возгласы и полетели цветы. Внезапно мэр зашептал мне на ухо:

– Ты не хочешь сказать что-нибудь всем этим людям?

Я не знала, как ответить «нет» так, чтобы не показаться невежливой.

– Спасибо, но я так взволнована, что, наверное, не сумею.

Он накрыл мои руки ладонями:

– Ну разумеется, моя милая девочка. Не волнуйся, я обо всем позабочусь. Во дворце учат подобным вещам. Тебе это не помешает.

Мэр принялся рассказывать собравшимся о моих качествах, стыдливо упомянув о том, что для Пятерки я очень умна и привлекательна. Он производил впечатление человека неплохого, но даже самые хорошие представители высших каст порой вели себя невоспитанно.

Я обвела взглядом толпу и вновь наткнулась на Аспена. На его лице застыла мука. Полная противоположность выражению, которое я видела несколько минут назад, когда он обнимал Бренну. Очередная игра? Я отвела взгляд.

Мэр закончил говорить, я улыбнулась, и толпа вновь разразилась овациями, как будто он только что произнес самую великолепную речь в истории человечества.

Внезапно оказалось, что уже пора расставаться. Мици, приставленная ко мне помощница, велела быстро и без лишнего шума попрощаться с родными, после чего мы пройдем обратно к машине и отправимся в аэропорт.

Прижав меня, Кота сказал, что гордится мной. Потом, нимало не стесняясь, велел упомянуть о его творчестве в разговоре с принцем Максоном. Я вежливо вывернулась из его объятий.

Кенна расплакалась.

– Мы и так почти не видимся. Что же будет, когда ты уедешь? – всхлипывала она.

– Не волнуйся. Я быстро вернусь.

– Как же! Ты самая красивая девушка во всей Иллеа. Он влюбится в тебя!

Почему все вокруг считали, что дело только в красоте? Может, конечно, оно и так. Видимо, принцу Максону нужна вовсе не спутница жизни, с которой есть о чем поговорить, а лишь смазливая мордашка. Я поежилась, примерив на себя такое будущее. Впрочем, в Отборе участвовали куда более привлекательные девушки.

Кенну обнимать было неудобно: мешал большой живот, но мы все-таки с этим справились. Джеймс, которого я на самом деле толком и не знала, тоже со мной попрощался. Затем настал черед Джерада.

– Будь хорошим мальчиком, ладно? Попробуй игру на пианино. Готова спорить, у тебя талант. Когда вернусь, проверю, чему ты без меня научился.

Джерад лишь молча кивнул, внезапно погрустнев. Потом обхватил меня худенькими руками:

– Америка, я люблю тебя.

– И я тоже тебя люблю. Не грусти. Я скоро буду дома.

Он снова кивнул, но скрестил руки на груди и надулся. Я и не предполагала, что он так воспримет мой отъезд. Зато Мэй вела себя совершенно предсказуемо. Она едва не подскакивала от возбуждения.

– Ах, Америка, ты станешь принцессой! Я знаю!

– Тише! Я предпочла бы превратиться в Восьмерку и видеться с тобой каждый день. Веди себя хорошо, ради меня, и не ленись.

Она кивнула и все-таки подпрыгнула, а потом настал че-

ред папы, едва сдерживавшего слезы.

– Папа! Не плачь. – Я прижалась к его груди.

– Послушай меня, котенок. Выиграешь или нет, для меня ты всегда будешь принцессой.

– Ох, папа!

Я наконец расплакалась. Страх, грусть, тревога, напряжение последних дней прорвались наружу после одной фразы, смысл которой заключался в том, что все это неважно.

Если я вернусь назад униженная и отвергнутая, он все равно будет мной гордиться.

Это невыносимо – знать, что тебя так любят. Во дворце меня будут окружать десятки охранников, но едва ли я могу представить место более надежное, чем отцовские объятия. Я отстранилась и потянулась к маме.

– Делай все, что тебе скажут. Постарайся перестать дуться и улыбайся. Веди себя хорошо. Держи нас в курсе. О! Я так и знала, что ты окажешься особенной.

Я понимала, что все это она говорила от любви, но сейчас мне нужно было услышать не это. Ну почему она не могла подтвердить, что я и так для нее особенная, как только что сделал папа? Но наверное, мама всегда будет хотеть большего для меня. И от меня. Возможно, это у матерей в крови.

– Леди Америка, вы готовы? – спросила Мици.

Собравшиеся на площади не видела моего лица, и я поспешно утерла слезы.

– Да. Мы закончили.

Рюкзак дожидался меня в сверкающей белой машине. Ну вот и все. Я направилась к спуску со сцены.

– Мер!

Этот голос я узнала бы где угодно.

– Америка!

Я обернулась и увидела руки Аспена. Он пробивался к сцене, расталкивая толпу. Его бесцеремонные тычки вызывали у окружающих возгласы протеста.

Наши глаза встретились.

Он остановился, глядя на меня. Его лицо было непроницаемо. Что он сейчас испытывал? Тревогу? Раскаяние? Что бы то ни было, уже слишком поздно. Я покачала головой. Хватит с меня Аспена с его играми.

– Сюда, леди Америка, – с нижней ступени позвала меня Мици.

Я не сразу отреагировала на новое имя.

– Пока, солнышко, – донесся мамин голос.

И меня повели прочь.

Глава 8

В аэропорт я приехала первой, и просто сказать, что была в ужасе, значит ничего не сказать. Эйфория от восторга толпы провожающих выветрилась, и я осталась один на один с кошмарной перспективой полета. Я пыталась взять себя в руки. Предстояло лететь вместе с тремя Избранными. Мень-

ше всего хотелось, чтобы случился приступ паники у них на глазах.

Я уже выучила имена, лица и касты всех Избранных. Вначале это было чем-то вроде психотерапии, призванной меня успокоить. То же самое и с фрагментами их биографий. Я разглядывала приветливые лица, пытаясь найти девушек, с которыми смогу общаться, пока буду находиться во дворце. У меня никогда не было настоящих подруг. В детстве большую часть времени я играла с Кенной и Кота. Обучала меня мама на дому, она же была единственной, с кем я работала. Когда старшие брат и сестра стали жить самостоятельно, я посвятила себя Мэй и Джераду. И Аспену…

Но с Аспеном мы никогда не были просто друзьями. С того самого мгновения, как узнала его, я влюбилась.

А теперь он держал за руку другую девушку.

Повезло, что оказалась одна. На глазах у других претенденток я бы не справилась со слезами. Все внутри болело. И поделать тут ничего нельзя.

Как я вообще здесь очутилась? Еще месяц назад моя жизнь казалась чем-то незыблемым, а теперь от нее не осталось и камня на камне. Все новое и незнакомое. Новый дом, новая каста, новая жизнь. И все из-за дурацкого листка бумаги с фотографией. Мне хотелось сесть и рыдать, оплакивая все, что я потеряла.

Интересно, среди других девушек были еще такие, кто грустил? Полагаю, все, кроме меня, торжествовали. И мне

тоже необходимо хотя бы делать вид, что торжествую, потому что все будут смотреть на меня.

Я собралась с духом, готовясь к тому, что меня ожидало, и приказала себе быть храброй. Что же до пережитого, то пусть все останется в прошлом. Дворец будет моим убежищем. Никогда больше не произнесу имя бывшего возлюбленного – ни вслух, ни про себя. Ему не дозволено сопровождать меня туда. Это мое личное правило в предстоящем маленьком приключении.

Назад дороги нет.

Аспен, прощай!

Примерно через полчаса в зале ожидания появились еще две девушки в таких же белых блузках и черных брюках, как у меня, и в сопровождении помощниц, которые тащили за ними сумки. Обе улыбались в подтверждение моей мысли о том, что я единственная из Избранных, пребывавшая в подавленном настроении.

Настало время исполнить свой зарок. Я изобразила улыбку и поднялась, чтобы пожать им руки.

– Привет, – произнесла я бодрым голосом. – Я Америка.

– Знаю! – отозвалась девушка справа, блондинка с карими глазами.

Я немедленно опознала в ней Марли Теймс из Кента, Четверку. Я протянула руку, но Марли даже не подумала пожать ее, а вместо этого с ходу заключила меня в объятия.

– Ой! – пискнула я.

Такой встречи я не ожидала. Хотя по фотографии Марли производила впечатление девушки дружелюбной и искренней, мама всю последнюю неделю твердила, что я должна рассматривать других конкурсанток как врагов. Ее агрессивное отношение отчасти передалось и мне. Так что я предполагала столкнуться в лучшем случае с обычной вежливостью от девушек, настроенных бороться со мной на смерть за человека, который не был мне нужен. А вместо этого меня кинулись обнимать.

– Я Марли, а это Эшли.

Ну да, Эшли Бруйетт из Алленса, Тройка. У нее тоже были белокурые волосы, но намного светлее, чем у Марли. И глаза ярко-голубые, на кротком, очень нежном лице. Рядом с Марли она казалась хрупкой.

Обе были с севера. Наверное, потому и приехали вместе. Эшли ограничилась тем, что сдержанно помахала рукой и улыбнулась. Не знаю, что послужило тому причиной: то ли застенчивость, то ли настороженность. А может, дело в том, что она была Тройкой и умела правильно себя вести.

– Как мне нравятся твои волосы! – воскликнула Марли. – Жаль, что у меня не рыжие. Ты с ними прямо огонь! Я слышала, у всех рыжеволосых вредный характер. Это правда?

Хотя день был хуже некуда, живость Марли оказалась такой заразительной, что я против воли заулыбалась шире.

– Не думаю. Ну, то есть иногда я могу быть вредной, но у

моей сестры тоже рыжие волосы, а она настоящий ангел.

И мы принялись легкомысленно болтать о вещах, которые нас бесили, и о тех, что всегда способны улучшить настроение. Марли любила смотреть фильмы, я тоже, только мне редко это удавалось. Потом разговор перешел на актеров и на то, какие они все невозможные красавцы, что было довольно странно, поскольку в самом ближайшем будущем нам всем предстояло стать подружками Максона. Участие в разговоре Эшли ограничивалось тем, что она время от времени подхихикивала. Если мы задавали ей прямой вопрос, она коротко отвечала и вновь пряталась за сдержанной улыбкой.

Мы с Марли легко поладили, и это дало надежду, что, быть может, благодаря всей этой затее я в конце концов обзаведусь подругой. За разговором незаметно прошло, наверное, с полчаса. Мы болтали бы и дальше, если бы нас не прервал звонкий стук каблуков. Как по команде, мы повернули головы, и Марли сглотнула, разинув рот.

К нам направлялась роскошная брюнетка в темных очках. В волосах у нее была маргаритка, но не простая, а выкрашенная в алый цвет, чтобы сочеталась с оттенком помады. Она покачивала бедрами при ходьбе, и чеканный перестук трехдюймовых каблуков еще больше подчеркивал ее уверенную походку. В отличие от Марли и Эшли она не улыбалась. Но отнюдь не потому, что была чем-то расстроена. Нет, просто сосредоточилась на запугивании соперниц одним своим появлением. И на кроткую Эшли все именно так и подейство-

вало.

– Ох нет, – выдохнула она, глядя на приближающуюся новенькую.

Меня эта девица, в которой я опознала Селесту Ньюсом из Клермонта, Двойку, не тревожила. Она считала, что мы боремся за один и тот же приз, но трудно обойти того, кому эта награда и даром не нужна.

Селеста наконец-то подошла к нам, и Марли пискнула:

– Привет!

Она собиралась вести себя дружелюбно, несмотря на все попытки устрашения. Но Селеста лишь смерила ее взглядом и вздохнула.

– Когда мы улетаем? – осведомилась она.

– Не знаем, – отозвалась я без намека на страх в голосе. – Это ты всех задерживала.

Ей такой ответ не понравился, и я тоже удостоилась оценивающего взгляда. Результат явно не произвел на нее впечатления.

– Прошу прощения, слишком много было желающих со мной проститься. Ничего не могла с этим поделать. – Она широко улыбнулась, как будто само собой разумелось, что все обязаны ей поклоняться.

И в окружении вот таких девиц мне очень скоро предстоит оказаться. Класс!

Тут, как по заказу, из двери слева вышел мужчина:

– Я слышал, все четверо наших Избранных уже в сборе?

– Ну да, – медоточивым голосом ответила Селеста.

Пилот явно подпал под действие ее чар, это было видно по глазам. Ага. Значит, вот какую игру она затеяла.

Он немного помедлил, потом решительно перешел к делу:

– Ладно. Дамы, если вы будете так любезны проследовать за мной, я отведу вас на самолет и он доставит вас в новый дом.

Перелет, в реальности оказавшийся ужасным только на взлете и посадке, продлился несколько не слишком утомительных часов. Нам предложили фильмы и закуски, но мне хотелось лишь смотреть в иллюминатор. Я разглядывала страну с высоты, потрясенная тем, какой она оказалась огромной.

Селеста весь полет проспала, что я восприняла как маленькую удачу. Эшли разложила откидной столик и строчила письма о своем приключении. Захватить с собой бумагу было очень предусмотрительно с ее стороны. Мэй наверняка хотела бы узнать об этой части моего путешествия, хотя оно и никак не было связано с принцем.

– Она такая утонченная, – шепнула мне Марли, кивнув на Эшли. Мы с ней сидели друг против друга в обитых плюшем креслах передней части самолета. – С самой нашей встречи она сама благопристойность. С ней нелегко будет состязаться, – вздохнула она.

– Нельзя так думать, – отозвалась я. – Да, ты попытаешься дойти до конца, но не стоит стараться перещеголять других.

Нужно просто быть самой собой. Кто знает, может, Максону по вкусу более раскованные девушки.

Марли задумалась.

– Наверное, в этом есть рациональное зерно. Правда, мне трудно представить, как она может кому-то не понравиться. Она ужасно добрая. И такая красавица! – Я кивнула в знак согласия, и Марли понизила голос до шепота: – Зато Селеста…

Я закатила глаза и покачала головой.

– Знаю, знаю. Прошел всего час, а я уже жду не дождусь, когда ее отправят домой.

Марли прикрыла рот ладошкой и прыснула:

– Не хочу злословить, но она такая агрессивная. А ведь Максона еще даже нет в поле зрения. Я немного нервничаю по этому поводу.

– Брось, такие девицы очень быстро вылетят из соревнования.

Марли снова вздохнула:

– Очень надеюсь. Иногда я мечтаю, чтобы…

– Что?

– В общем, мне хочется, чтобы Двойки на своей шкуре испробовали, каково это, когда с тобой обращаются так, как они с нами.

Я кивнула. Никогда даже в мыслях не ставила себя на одну ступень с Четверками, но, наверное, с этой точки зрения мы были в одинаковом положении. Если ты не Двойка или

Тройка, вопрос заключался лишь в степени бедности.

– Спасибо, что поговорила со мной, – сказала Марли. – Я боялась, что каждая будет сама за себя, но вы с Эшли оказались очень милыми. Может, все не так страшно. – В ее голосе звенела надежда.

Я сомневалась, но улыбнулась в ответ. У меня не было причин отталкивать Марли или быть грубой с Эшли. Остальные девушки могли и не оказаться такими приветливыми.

Приземлившись, в сопровождении охранников мы в тишине двинулись на выход. Но едва двери распахнулись, как нас встретил оглушительный рев.

Терминал оказался битком набит людьми, которые подпрыгивали и кричали. Для нас была расстелена золотистая ковровая дорожка, огороженная с обеих сторон шнурами на столбиках. Вдоль этого коридора на равном расстоянии друг от друга размещались охранники, цепкими взглядами прочесывавшие толпу и готовые броситься в атаку при малейшем намеке на опасность. Неужели для них не нашлось более важного занятия?

К счастью, нашу процессию возглавляла Селеста, которая тут же замахала рукой. Я мгновенно поняла, что это и есть правильная реакция, а втягивать голову в плечи, как собиралась поступить, вовсе не стоит. А поскольку каждое наше движение ловили видеокамеры, я еще раз порадовалась, что не шла первой.

Толпа обезумела от восторга. Нам предстояло жить в

непосредственной близости от этих людей, и всем им не терпелось поскорее увидеть прибывающих конкурсанток. Одна из нас должна в будущем стать их королевой.

Я закрутила головой: со всех концов запруженного терминала слышалось: «Америка! Америка!» Некоторые в руках держали плакаты с моим именем. Я была поражена. Среди этих людей, не принадлежащих к моей касте и не имеющих отношения к моей провинции, были те, кто надеялся, что я стану победительницей. При мысли о том, что я не собираюсь оправдать их надежды, у меня слегка засосало под ложечкой.

На мгновение я опустила голову и увидела девочку, прижатую к ограждению. Ей было не больше двенадцати. В руках она держала плакат с надписью «Рыжие рулят!» и маленькой короной в углу. По всему фону были разбросаны крошечные звездочки. Я единственная рыжая среди конкурсанток, и волосы у нас с ней примерно одинакового оттенка.

Девочка хотела получить автограф. Еще кто-то рядом с ней мечтал со мной сфотографироваться, а его сосед жаждал пожать руку. Так что я прошла практически вдоль всей шеренги, пару раз обернувшись, чтобы пообщаться с людьми по другую сторону ковровой дорожки.

Здание аэропорта я покинула последней, и остальным девушкам пришлось минут двадцать меня дожидаться. Честно говоря, задержалась бы еще, если бы не прибыл самолет со следующей партией претенденток, и я решила, что невежли-

во занимать их время.

Усаживаясь в машину, увидела, как Селеста закатила глаза, но мне было наплевать на это. Сложно было поверить, что я оказалась способна с такой скоростью адаптироваться к тому, что еще первоначально казалось столь пугающим. Справилась с проводами, новыми знакомствами, с полетом и со встречей с поклонниками. И не допустила ни одного промаха.

А еще подумала о камерах, размещенных повсюду в аэропорту, и представила, как родные смотрят репортаж о моем прибытии по телевизору. Я надеялась, что они будут мной гордиться.

Глава 9

Быстро выяснилось, что многолюдная встреча в терминале только прелюдия. Обочины дорог, ведущих во дворец, были запружены толпами людей, выкрикивающих восторженные возгласы. Как это ни печально, нам не разрешили опустить стекла, чтобы поприветствовать их. Охранник на переднем сиденье сказал, что мы должны воспринимать себя как продолжение королевской семьи. Многие обожали нас, но могли найтись и такие, кто не прочь причинить зло и нанести тем самым удар принцу. Или монархии.

Машина с затемненными стеклами была специально переоборудована так, что два ряда сидений в задней части смот-

рели друг на друга. Я сидела с Селестой, а напротив – Эшли и Марли. Марли сияла, глядя в окно, и причины этого были очевидны. Ее имя мелькало на многих плакатах. Невозможно было сосчитать, сколько у нее поклонников.

Имя Эшли встречалось на плакатах почти так же часто, как имя Селесты, и куда чаще, чем мое собственное. Эшли, леди до мозга костей, отнеслась к тому, что фаворитка публики не она, спокойно. Селеста же явно пребывала в раздражении.

– Как думаешь, что эта Четверка сделала? – зашептала она мне на ухо, когда Марли и Эшли заговорили о доме.

– В каком смысле?

– Ну, чтобы добиться такой популярности. Думаешь, кого-нибудь подкупила? – Девушка остановила холодный взгляд на Марли, как будто мысленно оценивала ее.

– Она же Четверка, – с сомнением отозвалась я. – Откуда деньги?

Селеста прищелкнула языком:

– Я тебя умоляю. Деньги не единственный способ для женщины заплатить за то, что ей хочется, – бросила она и отвернулась к окну.

До меня не сразу дошло, на что она намекает, но когда поняла, стало неуютно. Не потому, что такая чистая душа, как Марли, никогда не додумалась бы переспать с кем-нибудь ради того, чтобы вырваться вперед, – ей не пришло бы в голову нарушить закон, – но я начала осознавать, что жизнь в

королевском доме может оказаться куда более ужасной, чем я себе представляла.

На подъезде к дворцу у меня не получилось хорошенько его рассмотреть, но стены я заметила. Они были покрыты светло-желтой штукатуркой и казались очень-очень высокими. Сверху на стене по обе стороны широких ворот, открывшихся при нашем приближении, стояли охранники. Мы въехали на усыпанную гравием длинную дорогу, которая огибала фонтан и вела к парадному входу, где нас уже поджидали встречающие.

Едва поздоровавшись, две женщины подхватили меня под руки и потащили внутрь.

– Прошу прощения за такую спешку, мисс, но ваша группа выбилась из графика, – сказала одна.

– Ах, боюсь, это все я виновата. Слегка заболталась в аэропорту.

– Общались с народом? – изумилась вторая.

Женщины переглянулись с выражением, которого я не поняла, потом принялись называть помещения, мимо которых мы проносились.

Справа, сообщили они, располагается столовая, а слева – Главный зал. Краешком глаза я заметила за стеклянными дверями раскинувшийся сад и пожалела, что нельзя остановиться. Не успела я осознать, куда мы направляемся, как они уже втащили меня в огромное помещение, кишащее бегающими туда-сюда людьми.

Толпа расступилась, и я увидела ряды зеркал с сидящими перед ними девушками, которым делали прически и маникюр. На стойках висела одежда, а зал то и дело оглашался возгласами вроде: «Я нашла нужный оттенок!» и «Это будет ее полнить!»

– А вот и они! – К нам приближалась дама, явно наделенная властью. – Я Сильвия. Мы разговаривали по телефону, – вместо приветствия бросила она и перешла к делу: – Сначала о главном. Нам нужны фотографии «до». Идите сюда. – Она указала на стул в углу перед однотонным задником. – Не обращайте внимания на камеры. Мы готовим специальный репортаж о вашем преображении. Когда закончим, все девушки в Иллеа захотят выглядеть как вы.

И в самом деле, по залу перемещалось несколько съемочных групп, снимавших крупным планом туфли конкурсанток и одновременно интервьюировавших претенденток. Как только нас сфотографировали, Сильвия принялась отдавать распоряжения:

– Отведите леди Селесту к кабинке номер четыре, леди Эшли к пятой… В десятой, судя по всему, уже закончили. Доставьте леди Марли туда, а леди Америку в шестую.

– А вот и наш объект, – произнес приземистый темноволосый мужчина, усаживая меня в кресло с номером шесть на спинке. – Нам нужно поговорить о вашем образе.

– О моем образе?

Зачем мне какой-то искусственный образ? Разве я очути-

лась здесь не благодаря тому, какая есть?

– Ну и кого мы будем из вас делать? С вашими рыжими волосами можем превратить вас в роковую обольстительницу, но если хотите приглушить эту черту, мы тоже справимся, – протараторил он буднично.

– Я не собираюсь ничего в себе исправлять в угоду человеку, которого не знаю.

«И который мне уже не нравится», – добавила я про себя.

– Бог ты мой. Никак мы имеем дело с личностью? – протянул он таким тоном, каким обычно говорят с детьми.

– А разве каждый из нас не личность?

Темноволосый улыбнулся:

– Что ж, прекрасно. Мы не станем менять ваш образ, а лишь слегка его облагородим. Вам не помешает придать немного блеска, но отвращение ко всему фальшивому вполне может оказаться здесь вашим главным козырем. Помните об этом, моя дорогая. – Он похлопал меня по спине и отошел, а ко мне тут же кинулась группка помощниц.

Я не догадывалась, что, говоря о блеске, он подразумевал буквальное значение этого слова. Женщины принялись натирать мое тело скрабом, потому что, по всей видимости, не ожидали, что я способна достойно справиться с этой задачей самостоятельно. Затем каждый открытый миллиметр кожи сдобрили лосьонами и маслами, после чего я заблагоухала ванилью. По словам девушки, которая меня обрабатывала, это был один из любимых запахов Максона.

Покончив с приданием блеска и гладкости коже, девушки занялись ногтями. Их подстригли и отполировали, а загрубевшую кутикулу волшебным образом удалили. Я сказала, что не люблю накрашенные ногти, но вид у них стал такой разочарованный, что я позволила им накрасить ногти на ногах. Оттенок лака выбрали нейтральный, так что получилось не слишком ужасно.

Покончив с моими ногтями, они занялись другой претенденткой, а я осталась сидеть в кресле, дожидаясь следующего раунда наведения красоты. Проходившая мимо съемочная группа поймала в объектив мои руки.

– Не шевелитесь! – приказала какая-то женщина и сощурилась на мою кисть. – У вас что, ногти вообще ничем не накрашены?

– Да.

Она со вздохом сделала снимок и двинулась дальше.

У меня тоже вырвался тяжелый вздох. Краешком глаза я заметила что-то, промелькнувшее справа от меня. Я оглянулась и увидела девушку, которая сидела, невидяще глядя прямо перед собой и покачивая ногой под балахонистой накидкой, в которую ее закутали.

– У тебя все в порядке? – спросила я.

Мой вопрос вывел ее из оцепенения.

– Мне хотят осветлить волосы, – вздохнула она. – Сказали, так будут лучше сочетаться с тоном кожи. Наверное, я просто нервничаю.

Девушка выдавила усмешку, и я ухмыльнулась в ответ.

– Ты ведь Созі?

– Угу. – Теперь она улыбнулась уже по-настоящему. – А ты Америка? – (Я кивнула.) – Слышала, ты приехала вместе с этой Селестой. Кошмарная девица!

Я закатила глаза. С тех пор как нас привезли, Селеста едва ли не каждые десять минут принималась вопить на весь зал на очередную бедную служанку, требуя от нее то принести что-нибудь, то не путаться под ногами.

– Не то слово, – пробормотала я, и мы обе прыснули. – По-моему, у тебя очень красивые волосы.

Они и правда были роскошными: не слишком темные и не слишком светлые, при этом очень густые.

– Спасибо.

– Если тебе не хочется их перекрашивать, ты и не должна.

Созі улыбнулась, но по ее глазам я видела, что она не может понять, пытаюсь ли я быть дружелюбной или хочу подложить ей свинью. Не успела она ничего ответить, как нас обеих окружили команды стилистов и принялись так громко перекликаться, что разговаривать стало невозможно.

Мои волосы вымыли, ополоснули с кондиционером, нанесли увлажняющую и разглаживающую маску. Пряди были длинными и ровными – обыкновенно меня стригла мама, и это было самое большее, что она была в состоянии изобразить. К тому моменту, когда надо мной закончили колдовать, волосы укоротились на несколько дюймов и оказались под-

стрижены слоями. Мне это понравилось: они прямо заиграли по-новому. Некоторым девушкам сделали светлые прядки. Я узнала, что это называется «мелирование». Других, как Созы, перекрасили полностью. Но стилисты и я сошлись во мнении, что с моими волосами ничего подобного делать не следует.

Хорошенькая девушка сделала мне макияж. Я попросила ее не усердствовать, и вышло очень мило. Многие другие Избранные, когда их накрасили, стали выглядеть старше, младше или просто красивее. Я же по-прежнему выглядела сама собой. Селеста, разумеется, осталась верна себе – настояла на ярком макияже.

На время всех этих манипуляций на меня надели халат. Когда стилисты закончили надо мной работать, меня подвели к рядам стоек с одеждой. Я увидела табличку со своим именем на штанге с недельным запасом платьев. Видимо, брюки носить будущим принцессам нельзя.

В конце концов я остановила выбор на кремовом платье. Оно оставляло открытыми плечи, подчеркивало талию, а длиной было чуть выше колена. Девушка, помогавшая мне одеться, назвала его дневным. Сказала, что вечерние платья уже ждут в моей комнате, а чуть позже туда же доставят и эти. Она приколола мне на грудь серебряную брошку с поблескивающим на ней моим именем. В качестве последнего штриха было предложено обуть туфли на каблуках, которые служанка почему-то именовала «рюмочками», и я отправи-

лась делать снимок «после». Оттуда меня послали в одну из четырех кабинок, установленных вдоль стены. В каждой имелось кресло с задником, напротив же – установлена камера.

Я уселась, как велели, и стала ждать. Подошла женщина с пластиковой папкой с зажимом и попросила немного потерпеть, пока она найдет мое досье.

– Что вы снимаете? – поинтересовалась я.

– Специальный репортаж о вашем преображении. Сегодня вечером в эфир пойдет сюжет о прибытии претенденток, преображение покажут в среду, а в пятницу вы появитесь в «Вестях столицы». Люди видели ваши фотографии, им известны кое-какие подробности из ваших анкет. – Она нашла нужные бумаги и прикрепила их поверх остальных к папке, затем сплела пальцы и продолжила: – Мы хотим, чтобы они по-настоящему болели за вас. А для этого зрители должны узнать вас лучше. Так что сейчас возьмем у вас небольшое интервью, а в пятницу вы как следует выложитесь в «Вестях». Главное, не надо стесняться нас при встрече: мы будем появляться не каждый день, но время от времени все же станем попадаться вам на глаза.

– Ладно, – кротко согласилась я.

Мне страшно не хотелось общаться со съемочными группами. Их присутствие казалось таким назойливым.

– Значит, вас зовут Америка Сингер, верно? – спросила она в следующую секунду после того, как на камере зажегся

красный огонек.

– Да.

Я старалась говорить уверенно, чтобы никто не догадался, как нервничаю.

– Если честно, на мой взгляд, в вашем облике мало что изменилось. Можете рассказать нам, в чем заключалось ваше сегодняшнее преображение?

Я задумалась.

– Мне сделали стрижку слоями. – Я провела пальцами по рыжим прядям, наслаждаясь мягкостью, которую они приобрели в руках профессионалов. – Мне это нравится. А еще меня намазали ванильным лосьоном, и теперь я пахну как десерт, – сообщила я и понюхала собственный локоть.

Женщина рассмеялась:

– Как это мило. И платье очень вам идет.

– Спасибо, – поблагодарила я, оглядывая новый наряд. – В обычной жизни я не слишком-то часто ношу платья, так что мне понадобится время, чтобы привыкнуть.

– Верно, – сказала интервьюерша. – Вы одна из трех Пятерок, попавших в Отбор. Ну и как ощущения?

Я задумалась в поисках подходящего слова, которое передало бы все переживания прошедшего дня. От разочарования на площади и восторга полета до приятельства с Марли.

– Это было удивительно.

– Полагаю, вам предстоит еще немало удивительных дней.

– Надеюсь, они, по крайней мере, будут не такими сума-

тошными, как сегодняшний, – вздохнула я.

– Вы уже составили какое-то мнение о своих соперницах?

Я сглотнула:

– Все девушки очень милые.

За одним исключением.

– Хм. – Похоже, подтекст моих слов от нее не укрылся. – А что по поводу преображения? Вам не внушает опасений чей-нибудь новый образ?

Я обдумала этот вопрос. «Нет» прозвучало бы самоуверенно, «да» – жалобно.

– Стилистам отлично удалось подчеркнуть индивидуальность каждой девушки.

Она улыбнулась и сказала:

– Хорошо, достаточно.

– Это все?

– Нам нужно уместить все тридцать пять интервью в полтора часа, так что этого будет за глаза.

– Ладно.

Что ж, все не так плохо.

– Спасибо, что уделили нам время. Можете присесть вон на тот диван, к вам сейчас подойдут.

Я пересела на большой полукруглый диван в углу. На нем разместились две девушки и вполголоса переговаривались. Я принялась оглядываться по сторонам. В это время объявили, что на подходе последняя партия, и вокруг кабинок снова началась суета. Я так засмотрелась, что не сразу заметила,

как рядом опустилась Марли.

– Марли! Ничего себе, какие у тебя теперь волосы!

– Ага. Мне их нарастили. Как думаешь, Максон будет доволен?

Вид у нее был неподдельно встревоженный.

– Ну конечно! Разве есть на свете мужчина, который останется равнодушен к роскошной блондинке? – лукаво улыбнулась я.

– Америка, ты такая милая. Не зря ты понравилась всем тем людям в аэропорту.

– Ой, я просто пыталась быть приветливой. Ты тоже с ними разговаривала, – возразила я.

– Да, но и вполовину не столько, сколько ты.

Я опустила голову, немного смущенная такими восторгами по поводу вещей, которые казались само собой разумеющимися. Подняв глаза, я обернулась к двум другим девушкам, сидевшим рядом с нами. Мы с Эммикой Брасс и Самантой Лоуэлл не были представлены друг другу, но я знала, кто они такие. Они как-то странно на меня смотрели. Прежде чем я успела задуматься, в чем может быть дело, к нам подошла Сильвия.

– Ну как, девушки, закончили? – Она взглянула на часы, потом посмотрела на нас. – Сейчас я устрою вам небольшую экскурсию, а после провожу в отведенные вам комнаты.

Марли захлопала в ладоши, и мы вчетвером поднялись. Сильвия сообщила, что помещение, в котором нас приводи-

ли в порядок, именуется Женским залом. Обыкновенно там коротала досуг королева с фрейлинами и несколькими родственницами.

– Привыкайте к этому залу: вы будете проводить здесь много времени. Сейчас мы прошли Главный зал, который обычно используется для вечеринок и банкетов. Если бы вас было больше, вы питались бы именно здесь. Но для тридцати пяти человек вполне хватит обычной столовой. Давайте ненадолго заглянем туда.

Нам показали стол, за которым вкушала пищу королевская семья. Мы будем размещаться за длинными столами, установленными по обе стороны от него узкой буквой «П». Каждой отвели строго определенное место, помеченное изящной карточкой. Мне выпало сидеть рядом с Эшли и Тайни Ли, которую я уже видела в Женском зале, а напротив оказалась Крисс Эмберс.

Мы вышли из столовой, спустились по лестнице и увидели зал, откуда передавали «Вести столицы». Потом мы поднялись обратно, и наша провожатая кивнула на двери кабинета, в котором большую часть времени работали король с Максоном. Нам туда нельзя.

– Кроме того, вы не должны подниматься на третий этаж. Там находятся личные покои членов королевской семьи, и вход строго воспрещен. Ваши спальни расположены на втором этаже. Вы будете занимать большую часть комнат для гостей. Однако волноваться не о чем: места во дворце хватит

для всех посетителей. Эти двери выходят во внутренний сад. Приветствую, Гектор, Марксон.

Двое охранников коротко кивнули в ответ. До меня не сразу дошло, что высокая арка справа – боковая дверь в Главный зал, а значит, Женский зал прямо за углом. Я возгордилась своей догадливостью. Дворец представлялся мне чем-то вроде роскошного лабиринта.

– Вы не должны ни при каких обстоятельствах выходить из дворца, – продолжала Сильвия. – В дневное время вы имеете право гулять в саду, но только с разрешения. Эта мера продиктована соображениями безопасности. Как бы мы ни старались, повстанцам иногда удается проникнуть на территорию дворца.

Я похолодела.

Мы завернули за угол и по величественной лестнице поднялись на второй этаж. Ноги утопали в мягких коврах. Сквозь высокие окна лился свет, в воздухе пахло цветами и солнцем. Стены украшали портреты королей прошлого и немногочисленных американских и канадских лидеров древних времен. Во всяком случае, так мне показалось. Никаких корон на них не было.

– Ваши вещи уже в комнатах. Если обстановка придется вам не по душе, просто скажите служанкам. У каждой из вас их три, и они тоже ожидают вас в комнатах. Служанки помогут вам разобрать вещи, если это необходимо, а также переодеться к ужину. Перед ужином вас соберут в Женском за-

ле для съемок специального выпуска «Вестей столицы». На следующей неделе всех покажут по телевизору. Сегодня передадут репортаж о том, как вас провожали дома и встречали здесь. Судя по всему, будет очень интересно. Имейте в виду, принц Максон пока ничего еще не видел. Он будет смотреть то же самое, что и все граждане Иллеа. Завтра вас представят ему официально. Вечером состоится общий ужин со всеми девушками, так что представится возможность перезнакомиться, а с завтрашнего дня начнутся игры!

Я сглотнула. Слишком много правил, слишком много людей. Хотелось оказаться в одиночестве с моей скрипкой.

Мы прошли по второму этажу, по пути разводя девушек по комнатам. Мне досталась комната в конце коридора, по соседству со спальнями Бариель, Тайни и Дженны. Хорошо, что не на самом проходе, как Марли. Может, тут будет хоть немного спокойней.

Когда Сильвия удалилась, я открыла дверь и была встречена взволнованными восклицаниями трех девушек. Одна шила что-то в углу, две другие наводили чистоту в уже и без того безупречном помещении. Они поспешили мне навстречу и представились: Люси, Энн и Мэри, но я практически сразу же забыла, кто есть кто. Пришлось пустить в ход весь свой дар убеждения, чтобы уговорить их уйти. Я не хотела быть невежливой, они ведь так рвались услужить, но мне необходимо было побыть вдали от людей.

– Я просто хочу немного вздремнуть. Уверена, вы тоже

сбились с ног со всеми этими приготовлениями. Так что советую вам отдохнуть самим и дать полежать мне. Только, пожалуйста, разбудите меня, когда придет время спускаться к ужину.

Последовала сумятица из благодарностей и поклонов, от которых я тщетно отмахивалась, и меня наконец оставили одну. Лучше от этого не стало. Я попыталась растянуться на постели, но каждая клеточка, казалось, была напряжена, не давая расслабиться, – слишком уж я во все это не вписывалась.

В углу дожидались скрипка вкупе с гитарой и совершенно роскошным роялем, но я не смогла заставить себя подойти к ним. В изножье кровати оказался рюкзак, который я предусмотрительно закрыла на замочек с секретом. Но разбирать его сил не осталось. Я знала, что в шкафу, в комоде и в ванной меня ждут заботливо приготовленные вещи, но идти смотреть тоже не хотелось.

Я просто неподвижно лежала. Когда служанки легонько постучали в дверь, показалось, что прошло лишь несколько минут. Я впустила их и, несмотря на внутренний протест, позволила себя одеть. Они так радовались, помогая, что у меня не хватило духу снова попросить их уйти.

Они закололи мне волосы и подновили макияж. Платье, которое, как и весь остальной гардероб, было сшито их руками, оказалось темно-зеленым, длиной в пол. Если бы не туфли на каблуках, я наступала бы на подол. Ровно в шесть

постучала Сильвия, чтобы проводить меня и моих соседок в фойе у лестницы. Мы дождались остальных и лишь тогда двинулись вниз в Женский зал. Марли заметила меня и подошла.

Стук тридцати пяти пар каблуков по мраморным ступеням походил на изысканный марш. Некоторые перешептывались, но большинство девушек молчали. Проходя мимо столовой, я отметила, что двери закрыты. Видимо, там сейчас ужинала королевская семья. Наслаждалась последней трапезой в семейном кругу.

Казалось странным находиться здесь на положении их гостей и при этом до сих пор не быть лично знакомым ни с одним из них.

С тех пор как мы покинули Женский зал, он успел преобразиться. Зеркала и стойки с одеждой убрали. По всей комнате расставили кресла и столики, а также очень уютные на вид диваны. Марли поймала мой взгляд, кивнула в сторону одного из них, и мы присели.

Когда все разместились, включили телевизор. Шли «Вести». Новости были самые обычные: поправки к бюджету, сводки с театра военных действий, очередное нападение повстанцев на Востоке, а последние полчаса были отданы Гаврилу с комментариями к кадрам о сегодняшнем дне участниц Отбора.

– Вот мисс Селеста Ньюсом прощается со своими многочисленными поклонниками в Клермонте. Народ больше ча-

са не желал отпускать свою очаровательную землячку.

Селеста самодовольно улыбнулась, глядя на собственное изображение на экране. Она сидела рядом с Бариель Пратт, такой светлой блондинкой, что ее прямые, как стрелы, волосы до талии казались белыми. Кроме того, она обладала поистине огромной грудью, которая буквально выходила из берегов декольте. Не глазеть на нее было очень сложной задачей.

Бариель была красавицей, но привычной, шаблонной красоты. Примерно в том же духе, что и у Селесты. При взгляде на эту парочку, сидевшую бок о бок, в голове у меня почему-то всплыла поговорка про врагов, которых нужно держать ближе друзей. Думаю, каждая сразу же выделила другую как свою самую опасную соперницу.

– Другие конкурсантки со Среднего Запада ничуть не уступали ей в популярности. Сдержанные и утонченные манеры Эшли Бруйетт с первого взгляда выдали в ней леди. Проходя сквозь толпу, она продемонстрировала скромную и грациозную манеру держаться, схожую с манерой самой королевы. Зато Марли Теймс из Кента поразила провожающих живым характером, с блеском исполнив под аккомпанемент оркестра национальный гимн. – На экране замелькали кадры с улыбающейся Марли, обнимающей на прощание земляков. – Несколько человек из тех, кого мы опросили за сегодняшний день, отметили ее как свою безусловную фаворитку.

Марли придвинулась ко мне и стиснула руку. Решено: теперь я болела за Марли.

– Одним самолетом с мисс Теймс в столицу прилетела Америка Сингер, одна из трех Пятерок, прошедших в финал Отбора.

На экране я почему-то выглядела значительно лучше, чем чувствовала себя в момент съемки. Мне вспоминалась лишь печаль, с которой я вглядывалась в собравшуюся толпу. Однако на кадрах, которые выбрали для репортажа, я выглядела зрелой и любящей дочерью. Сцена прощания с отцом вышла особенно красивой и трогательной.

Еще большей неожиданностью стали кадры из аэропорта.

– Мы знаем, что при Отборе касты не имели никакого значения, и, похоже, леди Америку не стоило недооценивать. После приземления в Анджелесе леди Сингер покорила сердца собравшихся, останавливаясь, чтобы сфотографироваться с поклонниками, дать им автограф и просто переброситься парой слов со всеми желающими. Мисс Америка Сингер не боялась замарать ручки, а многие полагают, что это качество необходимо нашей будущей принцессе.

Все взгляды устремились на меня. В них было то же самое непонятное выражение, которое я днем заметила у Эммики с Самантой. Внезапно я поняла, что было в их глазах. Мои намерения не имели никакого значения. Они не знали, что мне все это не нужно. Они видели угрозу и явно хотели избавиться от конкурентки.

Глава 10

За обедом я сидела, уткнувшись в тарелку. В Женском зале легко было сохранять присутствие духа, когда рядом находилась Марли, которая считала меня милой. Но здесь, зажатая с двух сторон людьми, чья ненависть, казалось, исходила от них волнами, я струсила. Подняла глаза лишь однажды, чтобы немедленно увидеть, как Крисс Эмберс угрожающе крутит вилку. А Эшли, утонченная Эшли, сидела с сощуренными глазами и не разговаривала со мной. Мне захотелось поскорее сбежать в комнату.

Я никак не могла взять в толк, почему все это для них столь важно. Ну понравилась я людям, и что? Все равно здесь, во дворце, плакаты и приветственные возгласы не имели никакого значения.

Теперь я не знала, то ли чувствовать себя польщенной, то ли злиться. Поэтому сосредоточилась на еде. Бифштекс в последний раз я ела на Рождество несколько лет назад. Знаю, мама выжала из своих кулинарных способностей максимум, но ее бифштекс не шел ни в какое сравнение с этим. Этот был такой сочный, нежный и ароматный! Хотелось спросить у окружающих, доводилось ли им есть в жизни что-то вкуснее. Если бы Марли сидела рядом, я спросила бы. Я украдкой обвела зал взглядом. Марли негромко болтала с соседками.

Как ей это удается? Разве в том же самом ролике ее не про-

возгласили одной из безусловных фавориток? Как она смогла расположить к себе остальных?

На десерт принесли фрукты с ванильным мороженым. Ничего подобного я прежде не пробовала. Если это еда, чем же я питалась до сего момента? Я подумала о Мэй, такой же сластене. Она была бы в восторге от этого десерта. Сестре бы тут точно понравилось.

Нам не разрешалось выходить из-за стола, пока все не закончат трапезу, а после ужина всем без исключения предписывалось отправляться прямиком в постель.

– С утра вам предстоит знакомство с принцем Максоном. Вы должны выглядеть как можно лучше, – поучала Сильвия. – Он ведь станет мужем одной из вас.

Кое-кто из девушек при этих словах не удержался от вздоха.

На этот раз стук каблуков казался тише. Мне не терпелось скорее избавиться от собственных туфель. И от платья тоже. В рюкзаке лежал прихваченный из дома комплект одежды, и я размышляла, не надеть ли его – просто для того, чтобы на миг почувствовать себя самой собой.

Мы поднялись и разделились. Девушки начали расходиться по комнатам. Марли потянула меня в сторонку.

– У тебя все в порядке? – спросила она.

– Да. Просто некоторые из девушек так странно смотрели на меня за ужином.

Мне не хотелось выглядеть в ее глазах нытиком.

Она улыбнулась.

– Я такие вещи игнорирую. Дома у меня есть одна знакомая, которая прямо из себя выходить начинает, если ей не удалось кого-то достать. Так что не волнуйся, – сказала она. – Главное – не подавать виду, что они действуют тебе на нервы.

– Они и не действуют.

– Я почти верю тебе, но не до конца. – Она негромко рассмеялась; в тихом коридоре этот теплый смех быстро затих. – Думаешь, утром мы с ним уже познакомимся? – перескочила на более важную для нее тему Марли.

– Нет, если честно, не верится.

Максон казался обитающим во дворце привидением: все о нем знали, но в лицо никто не видел.

– Что ж, желаю тебе удачи назавтра.

Ее слова прозвучали искренне.

– Марли, я желаю тебе еще большей удачи. Уверена, принц Максон будет более чем счастлив познакомиться с тобой. – В подкрепление своих слов я сжала ее руку.

Она улыбнулась робко и радостно и скрылась за дверью.

Когда я добралась до нашего закутка, дверь в комнату Бариель все еще была открыта, и я услышала, как она неразборчиво что-то говорила служанке. Затем захлопнула дверь перед самым моим носом.

Вот спасибо.

Мои служанки, разумеется, поджидали в спальне, чтобы помочь вымыться и раздеться. Ночная рубашка – нечто неве-

сомое и прозрачное зеленого цвета – уже лежала на кровати. К счастью, никто не стал трогать мой рюкзак.

Действовали они умело и решительно. Процедура отхода ко сну была определенно отработана до автоматизма, но при этом девушки никуда не спешили. Наверное, все это было призвано расслабить меня, однако я с трудом удержалась, чтобы не отослать их прочь. Не торопясь, они вымыли мне руки, расшнуровали платье и прикололи снятую с него серебряную брошку с именем к ночной рубашке. И все эти манипуляции, вызывавшие у меня острый приступ стеснительности, они сопровождали нескончаемыми вопросами. Я старалась отвечать так, чтобы не показаться невежливой.

Да, я наконец-то познакомилась со всеми остальными девушками. Нет, они оказались не слишком разговорчивы. Да, ужин фантастический. Нет, с принцем меня познакомят только завтра. Да, я здорово устала.

– И мне очень помогло бы прийти в себя, если бы я какое-то время побыла в одиночестве, – добавила я, надеясь, что они поймут намек. Заметив разочарование на их лицах, я попыталась подсластить пилюлю: – Вы очень мне помогли. Просто я привыкла к тишине. А сегодня я только и делаю, что общаюсь.

– Но, леди Сингер, мы приставлены к вам для того, чтобы помогать. Это наша работа, – сказала главная из троих.

Кажется, это ее звали Энн. Девушка, похоже, отлично знала свое дело. Мэри производила впечатление легкомыслен-

ной, а Люси, судя по всему, была просто застенчива.

– Я действительно очень благодарна вам за все, и мне непременно понадобится ваша поддержка утром. Но сегодня вечером мне совершенно необходимо немного прийти в себя. Если вы на самом деле хотите мне добра, просто дайте побыть одной, это пойдет мне на пользу. И я уверена: если вы тоже хорошо отдохнете, нам всем утром от этого будет только лучше.

Девушки переглянулись.

– Ну, наверное, – согласилась Энн.

– Одна из нас должна оставаться здесь, пока вы спите. На тот случай, если вам вдруг что-то понадобится.

Люси явно нервничала, как будто боялась решения, которое я могу принять. Время от времени она слегка вздрагивала, что я сочла проявлением застенчивости.

– Если мне что-то понадобится, я позвоню в колокольчик. Ничего страшного. И потом, я все равно не смогу спать, если буду знать, что на меня кто-то смотрит.

Они обменялись скептическими взглядами. Я знала способ положить этому конец, хотя пускать его в ход мне не хотелось, но иначе спор грозил затянуться.

– Вы ведь должны исполнять все мои желания? – (Они с надеждой кивнули.) – Тогда я приказываю вам отправляться отдыхать. И приходите утром. Пожалуйста.

Энн улыбнулась. Похоже, она начинала меня понимать.

– Да, леди Сингер. Увидимся утром. – Девушки сделали

книксен и бесшумно выскользнули из комнаты.

Энн оглянулась, прежде чем выйти. Похоже, я оказалась не совсем такой, как она ожидала. Впрочем, это ее, кажется, не огорчило.

Как только они скрылись за дверью, я сбросила нарядные домашние туфельки и с наслаждением ступила босыми ногами на пол. Это было так приятно и естественно. Я разобрала рюкзак и спрятала его в массивный шкаф; это не заняло много времени. Домашний комплект одежды остался на дне рюкзака. Раскладывая вещи, я заодно и на новые платья полюбовалась. Их оказалось не так уж и много. Примерно на неделю. Наверное, у других было столько же. Зачем шить дюжину платьев девушке, которая может на следующий день выбыть из конкурса?

Взяла немногочисленные фотографии родных, которые захватила с собой, и засунула их за раму зеркала. Оно было такое широкое и высокое, что позволяло любоваться отражением в полный рост. Я привезла с собой небольшую шкатулку с безделушками – сережками, лентами и ободками для волос, которые особенно любила. Скорее всего, здесь они покажутся совсем простенькими, но эти украшения были мне так дороги, что я не могла не взять их. Немногочисленные захваченные с собой книжки обосновались на удобной полке у выхода на балкон.

Я приоткрыла балконную дверь и увидела сад. Сквозь заросли змеились тропинки, виднелись фонтаны и скамейки.

Повсюду пестрели цветы, а каждая живая изгородь была безукоризненно подстрижена. За этим вылизанным пятачком земли пролегала неширокая открытая полоса, а за ней начинался густой лес. Он уходил так далеко, что невозможно было определить, ограничивается он дворцовыми стенами или нет. Я на миг задумалась, зачем он нужен, потом принялась разглядывать последнюю вещь из дома, которую держала в руке.

Склянку с позвякивающей монеткой. Я несколько раз перекатила ее в ладонях, слушая, как медяшка скользит по стеклянным бокам. Зачем я вообще притащила ее сюда? Чтобы напоминала мне о том, что я никогда не смогу иметь?

При мысли, что любовь, которую я несколько лет взращивала в моем тайном уютном мирке, теперь навсегда для меня потеряна, перехватило горло. После всех волнений это стало последней каплей. Я не знала, какое постоянное место будет здесь у моей склянки, а пока поставила ее на столик у кровати.

Приглушила свет, забралась на постель поверх роскошных одеял и уставилась на монетку. Я позволила себе быть печальной. Позволила себе думать о нем.

Как же так вышло, что я лишилась столь многого за такое непродолжительное время? Разлука с семьей, переезд в незнакомое место и расставание с любимым – этих событий с лихвой хватило бы на сценарий нескольких лет жизни, а не одного дня.

Интересно, что́ все-таки он хотел сказать перед отъездом? Ему неудобно было произнести это вслух перед всеми – вот единственный вывод, к которому я смогла прийти. Неужели это было что-то про нее?

Я уткнулась в банку.

Вдруг он пытался извиниться? Накануне вечером я хорошо его отчитала. Может, дело в этом?

Или хотел сказать, что в его жизни началась новая глава? Вот спасибо-то! Как будто я сама этого не видела.

А может, наоборот, что он не считал прошлую главу жизни завершенной? И до сих пор меня любил?

Я отгородилась от этой мысли глухой стеной. Нельзя было позволить надежде прорасти в душе. Сейчас необходимо его ненавидеть. Гнев должен дать мне силы идти вперед. Очутиться как можно дальше от него на как можно более долгий срок – отчасти я руководствовалась этим соображением, когда ехала сюда.

Но росток надежды затоптать было не так-то просто. А вместе с надеждой подняла голову и тоска по дому. Как бы хотелось, чтобы Мэй украдкой пробралась ко мне в постель, как она это иногда делала. Следом пришел страх, что другие девушки жаждут избавиться от меня и предпримут новые попытки унизить. А за ним – тревога при воспоминании о том, что меня будут показывать по телевизору на всю страну все время, пока я здесь нахожусь. И ужас от осознания того, что меня могут убить в угоду чьим-то политическим ам-

бициям. Все эти мысли обрушились слишком стремительно, чтобы бедный издерганный рассудок смог их переварить.

Перед глазами все поплыло. Я не сразу поняла, что плачу. Дыхание перехватывало. Меня трясло. В панике я вскочила и бросилась на балкон. С щеколдой справилась не сразу, но в конце концов все-таки удалось. Я надеялась, что на свежем воздухе приду в себя, но лучше не стало. Дыхание оставалось затрудненным и поверхностным.

Вырваться на свободу мне не удалось. Прутья балконной решетки удерживали надежнее всякой клетки. А дворец со всех сторон опоясывала высокая стена с охранниками на наблюдательных вышках. Мне необходимо было попасть наружу, но помощи искать не у кого. Отчаяние отнимало последние силы. Я взглянула на лес – сплошная зеленая масса. Развернулась и бросилась прочь.

Перед глазами все плыло от слез, но я все-таки распахнула двери и помчалась по единственному знакомому коридору, не обращая внимания ни на живописные полотна, ни на гобелены, ни на позолоту. Я едва заметила охранников. Я не ориентировалась во дворце, но знала, что если спущусь по лестнице и поверну в нужную сторону, то увижу массивные стеклянные двери, ведущие в сад. Мне нужно было добраться до этих дверей.

Я слетела по величественной лестнице, шлепая босыми ногами по мраморным ступеням. По пути миновала еще нескольких охранников, но ни один из них меня не остано-

вил, пока я не достигла цели.

Как и днем, по обе стороны от дверей стояли навытяжку два гвардейца, и когда я попыталась пробежать мимо, один из них заступил дорогу, преградив выход какой-то похожей на копье штуковиной.

– Прошу прощения, мисс, но вам придется вернуться в свою комнату, – непреклонным тоном произнес он.

Несмотря на то что говорил он совсем негромко, в тишине коридора его голос показался мне громоподобным.

– Нет… Нет… Мне нужно… выйти…

Язык у меня заплетался, мне не хватало воздуха.

– Мисс, вы должны сейчас же вернуться в свою комнату.

Ко мне направлялся второй охранник.

– Пожалуйста.

Я начала задыхаться. Мне стало страшно, что я вот-вот потеряю сознание.

– Я… я не могу дышать…

Пошатнулась и упала на руки охраннику, который пытался оттеснить меня от дверей. Копье упало на пол. Я цеплялась за гвардейца, с каждой попыткой все больше теряя силы.

– Отпустите ее! – послышался еще один голос, молодой, но властный.

Моя голова не то повернулась, не то мотнулась в ту сторону, откуда он доносился. Это был принц Максон. Из-за угла, под которым я на него смотрела, выглядел он немного

необычно, но я узнала его по прическе и деревянной манере держаться.

– Ваше высочество, она не удержалась на ногах. Хотела выйти в сад.

Вид у первого охранника, пока он объяснял все принцу, был нервозный. Если бы оказалось, что он причинил мне вред, ему было бы несдобровать. Я ведь теперь достояние Иллеа.

– Откройте двери.

– Но… ваше высочество…

– Откройте двери и выпустите ее. Живо!

– Сию секунду, ваше высочество.

Первый охранник закопошился, доставая ключи. Продолжая находиться все в том же странном положении, я услышала, как они звякнули, потом щелкнул замок. Принц с опаской наблюдал за моими попытками встать. Потом в лицо ударил свежий воздух, придав необходимые силы. Я высвободилась из рук стражей и как пьяная побрела в сад.

Я немного пошатывалась, но, даже если это и выглядело неизящно, меня это ничуть не заботило. Нужно было во что бы то ни стало вырваться из дворцовых покоев. Я подставила лицо теплому ветру, ощутила босыми ногами траву. Каким-то образом даже явления природы производили здесь впечатление чего-то искусственного. Хотелось добежать до деревьев, но ноги отказались нести меня дальше. Я упала перед небольшой каменной скамьей и осталась сидеть на зем-

ле, пачкая изысканный зеленый пеньюар и уронив голову на сложенные на скамью руки.

По лицу тихо струились слезы. Каким образом я здесь очутилась? Как позволила всему этому случиться? Во что я здесь превращусь? Удастся ли мне вернуть себе хотя бы частичку прежней жизни? На все эти вопросы я не знала ответов. И главное, была совершенно бессильна что-либо изменить.

Я слишком глубоко ушла в свои мысли и сообразила, что не одна, лишь когда принц Максон заговорил:

– Дорогая, вам нехорошо?

– Я вам не дорогая. – Подняв голову, я сердито сверкнула глазами. Он безошибочно распознал в моем взоре и тоне неприязнь.

– Чем я вас обидел? Разве я не дал вам то, чего вы хотели?

Принц был искренне озадачен моей реакцией. Наверное, воображал, что мы все молимся на него и благословляем судьбу за то, что он есть на свете.

Я ответила ему бесстрашным взглядом, хотя эффект, должно быть, несколько смазало заплаканное лицо.

– Прошу прощения, дорогая, вы намерены продолжить лить слезы? – От этой перспективы ему явно было не по себе.

– Не смейте называть меня так! Я ничуть не более дорога вам, чем остальные тридцать четыре незнакомки, которых вы держите тут взаперти.

Принц подошел ближе. Очевидно, мои бессвязные выска-

зывания ничуть его не оскорбили. Просто вид сделался какой-то задумчивый. Любопытно было видеть это выражение у него на лице.

Для мужчины он двигался очень грациозно, и вид у него, когда он расхаживал вокруг, был непринужденный. При мысли о том, как по-дурацки все это выглядит, моя решимость слегка поколебалась. Он наглухо упакован в отутюженный костюм, а я полураздета. Если бы его титул не нагнал на меня достаточно страха, это сделала бы его манера держаться. Должно быть, ему нередко приходилось иметь дело с расстроенными людьми, потому что ответил он мне с исключительным спокойствием:

– Это несправедливое утверждение. Мне все вы дороги. Вопрос лишь в том, чтобы выяснить, которая из вас станет дорога наипаче других.

– Наипаче? Вы в самом деле только что сказали «наипаче»?

– Боюсь, что да, – фыркнул он. – Простите, это издержки моего образования.

– Образование, – пробормотала я, закатив глаза. – Бред какой-то.

– Извините? – переспросил он.

– Это все какой-то бред! – выкрикнула я, отчасти обретя прежнее мужество.

– Что именно?

– Это состязание! Все это вообще! Вы что, никогда в жиз-

ни никого не любили? Как вы собираетесь выбирать себе жену? Неужели вы на самом деле такой пустоголовый?

Я поерзала на месте. Чтобы облегчить положение, он присел на скамейку, так что я перестала выворачивать шею. Но я была слишком расстроена, чтобы испытывать благодарность.

– Отдаю себе отчет в том, что могу производить такое впечатление и что вся эта затея может казаться не более чем дешевым развлечением. Но в моем мире я постоянно нахожусь под наблюдением. И не так часто общаюсь с женщинами. Те немногие, с кем я все-таки встречаюсь, в большинстве своем дочери дипломатов, и обычно беседовать нам практически не о чем. Не говоря уже о том, что мы вообще далеко не всегда говорим на одном языке. – Максон, видимо, пытался пошутить, потому что весело рассмеялся. Мне смешно не было. Он откашлялся. – При таких обстоятельствах я не имел возможности влюбиться. А вы?

– Имела, – произнесла я буднично и тут же пожалела о своих словах. Это было нечто очень личное, никак его не касающееся.

– Значит, вам повезло, – с завистью в голосе произнес он.

Подумать только. Единственное, в чем я могла дать фору принцу Иллеа, оказалось именно тем, что я надеялась здесь забыть.

– Мои мать и отец познакомились таким же образом и вполне счастливы. Я тоже надеюсь найти свою суженую. Женщину, которую полюбит народ Иллеа, способную стать

моей спутницей и помогать принимать лидеров других государств. Половинку, которая подружится с моими друзьями и разделит мои радости и тревоги. Я готов найти свою жену.

Что-то в его голосе задело меня за живое. В его тоне не было ни тени сарказма. Вся эта затея, которая казалась мне нелепым развлекательным шоу, для него – единственный шанс обрести счастье. Второго тура в этой игре не предусмотрено. Ну, то есть теоретически его можно устроить, но вышло бы некрасиво. Ему так отчаянно хотелось любви, он так надеялся. Я почувствовала, что неприязнь к нему тает. Очень стремительно.

– Вы вправду чувствуете себя как в клетке? – Его глаза были полны сострадания.

– Да, – ответила я тихо. И поспешно добавила: – Ваше высочество.

– Я и сам иной раз так себя ощущаю. Но вы должны признать, что это прекрасная клетка.

– Для вас. Поместите в ваш великолепный загон еще тридцать четыре человека, соревнующихся за один и тот же приз. Тогда и увидите, как это приятно.

Он вскинул брови:

– Неужели кто-то в самом деле из-за меня спорит? Разве вы не понимаете, что это я решаю?

– Вообще-то, это не совсем так. Борьба идет за разные вещи. Одни хотят вас, другие корону. И каждая воображает, будто уже поняла, как себя вести и что говорить, чтобы сде-

лать ваш выбор очевидным.

– Ах да. Человек или корона. Боюсь, для некоторых нет никакой разницы. – Он покачал головой.

– Что ж, удачи им в этом нелегком деле, – сухо отозвалась я.

После моего саркастического замечания какое-то время царило молчание. Я поглядывала на него краешком глаза, ожидая, что он скажет. Его взгляд был устремлен куда-то на газон, лицо озабоченное. Судя по всему, эта мысль и раньше не давала ему покоя. Он вздохнул и обернулся ко мне:

– А вы за что боретесь?

– Я здесь по ошибке.

– По ошибке?

– Ага. Что-то вроде. В общем, это долгая история. Ну и вот… я здесь. Я ни на что не претендую. Мой план заключается в том, чтобы наслаждаться едой, пока вы не турнете меня отсюда.

Он громко расхохотался, согнувшись пополам и хлопая себя по коленке. В его характере причудливым образом смешались властность и добродушие.

– Вы кто? – спросил он наконец.

– Прошу прощения?

– Двойка? Тройка?

Он что, вообще не интересовался тем, кого ему подобрали?

– Пятерка.

– Ну, тогда еда, наверное, может послужить хорошим стимулом остаться. – Он снова захихикал. – Простите, здесь недостаточно света, не могу разобрать, что написано у вас на брошке.

– Меня зовут Америка.

– Что ж, прекрасно. – Максон устремил взгляд в темноту и улыбнулся каким-то своим мыслям. Видимо, что-то в этой ситуации забавляло его. – Америка, дорогая, я от всей души надеюсь, что вы найдете в этом загоне что-нибудь, что покажется вам заслуживающим борьбы. После всего произошедшего я просто представить не могу, что случится, если вы в самом деле решите вступить в битву.

Он соскользнул со скамьи и опустился на корточки рядом со мной. Его близость мешала думать. У меня путались мысли. Может, виной всему был трепет перед особой королевской крови или то, что я еще не до конца пришла в себя после истерики. В любом случае, я была слишком потрясена, чтобы протестовать, когда он взял меня за руку.

– Если вас это порадует, я сообщу прислуге, что вам разрешено посещать сад. Тогда вы сможете приходить сюда по ночам беспрепятственно. Правда, я предпочел бы, чтобы поблизости был кто-нибудь из охраны.

До чего же мне этого хотелось. Как чудесно получить хотя бы глоток свободы. Но я считала, что он не должен испытывать какие-либо иллюзии относительно моих чувств.

– Мне ничего от вас не нужно. – И выдернула пальцы из

его ладони.

Он слегка опешил. Я задела его за живое.

– Как вам будет угодно. – (Мне стало жаль его. Он мне не нравился, но я не планировала его обижать.) – Вы скоро собираетесь возвращаться?

– Да, – выдохнула я, глядя себе под ноги.

– Тогда оставлю вас наедине с вашими мыслями. У дверей вас будет ждать охранник.

– Спасибо вам, э-э… ваше высочество.

Я покачала головой. Сколько раз за время нашего разговора я нарушила все мыслимые и немыслимые правила этикета?

– Дорогая Америка, вы не окажете мне одну услугу?

Принц опять взял меня за руку. Настойчивый.

Я сощурилась на него, не зная, что ответить.

– Возможно.

Он снова улыбнулся:

– Не рассказывайте об этом маленьком происшествии остальным. Официально я должен познакомиться со всеми только завтра и не хочу никого расстраивать. Хотя ваша отповедь и близко не напоминает романтическое свидание, верно?

Теперь настал мой черед веселиться.

– Да уж. – Я набрала в грудь побольше воздуха. – Буду нема как рыба!

– Благодарю вас. – Он склонился над моей рукой и кос-

нулся ее губами. Потом аккуратно положил ее мне на колени. – Доброй ночи.

Некоторое время я остолбенело таращилась на свою руку, еще хранившую тепло поцелуя, потом обернулась к Максону, но он уже ушел, оставив меня в вожделенном одиночестве.

Глава 11

Утром я проснулась не оттого, что пришли служанки, хотя они пришли, и не от шума набиравшейся в ванну воды, хотя она набиралась. Разбудил меня свет, упавший на лицо, когда Энн раздвинула роскошные тяжелые шторы. Горничная негромко мурлыкала под нос какую-то песенку, радуясь своей работе.

Не хотелось даже шевелиться. Мне потребовалась уйма времени, чтобы прийти в себя после вчерашнего нервного срыва, и еще больше усилий для сохранения спокойствия, когда я в полной мере осознала, чем может обернуться для меня разговор в саду. Я собиралась извиниться перед Максоном, если представится случай. Но вообще-то, будет чудом, если после всего, что произошло, он даст такой шанс.

– Мисс? Вы проснулись?

– Не-е-е-ет, – промычала я в подушку.

Я совершенно не выспалась, да и из уютной постели не хотелось вылезать. Но Энн, Мэри и Люси рассмеялись над

моим стоном, и этого оказалось достаточно, чтобы я улыбнулась и решила, что пора вставать.

Мне подумалось, что из всех девушек во дворце с этими тремя поладить будет легче всего. Интересно, получится у меня сделать их кем-то вроде своих наперсниц, или дворцовая выучка и правила этикета запрещают им даже такую малость, как чашку чая со мной выпить? Хотя по рождению я Пятерка, теперь меня возвысили до Тройки. А их положение выдавало во всех троих принадлежность к касте Шестерок. Впрочем, меня это вполне устраивало. Мне общество Шестерок всегда нравилось.

Я медленно прошла в гигантскую ванную комнату. Каждый шаг эхом отдавался в этом безбрежном царстве стекла и кафеля. В длинном зеркале увидела, как Люси подозрительно косится на перепачканный землей подол моей ночной рубашки. Потом его заметили бдительные глаза Энн. И Мэри. К счастью, ни одна не стала уточнять, откуда взялась грязь. Вчера, когда они забросали меня вопросами, я подумала, будто за мной шпионят, но теперь поняла, что ошиблась. Они просто искренне заботились о моем удобстве. Интерес к тому, что я делала за пределами своей комнаты – про дворцовые стены вообще молчу, – не вызвал бы ничего, кроме неловкости.

Они осторожно сняли с меня пеньюар и подвели к ванне.

Я не привыкла находиться раздетой при других – даже при маме и Мэй, – но никакого способа отвертеться не видела.

Этим троим предстояло одевать меня все время, что я пробуду во дворце, так что не было иного выхода, кроме как терпеть. А что с ними станет потом? Перейдут по наследству к одной из девушек? Наверняка ведь ближе к финалу оставшимся понадобится больше внимания. Или у них есть другая работа во дворце и их просто на время от нее освободили? Спрашивать, что они делали раньше, как и намекать на то, что скоро уеду, показалось невежливым, поэтому я и не стала.

После ванны Энн высушила мне волосы и сделала красивую прическу, вплетя в нее ленты, привезенные мной из дома. Они были голубого цвета и отлично подходили к одному из дневных платьев, которое сшили служанки, так что именно его я и выбрала. Мэри сделала мне макияж, такой же легкий, как и накануне, а Люси намазала руки и ноги кремом.

Мне на выбор предложили россыпь драгоценностей, но я попросила принести мою шкатулочку. Из нее я вытащила тонкую цепочку с подвеской в виде птицы, подаренную отцом. Так как она серебряная, то хорошо сочеталась с именной брошкой. Серьги я все-таки позаимствовала из королевских запасов, но выбрала самые маленькие.

Энн, Мэри и Люси осмотрели меня с головы до ног и удовлетворенно улыбнулись. Видимо, я выглядела достаточно прилично и могла спуститься к завтраку. Они поклонились и пожелали мне удачи. Руки у Люси почему-то опять дрожали.

Я вышла в холл второго этажа, где мы все собирались

накануне. Поскольку я оказалась первой, то присела на диванчик и стала ждать. Мало-помалу девушки начали подтягиваться. Все как одна смотрелись сногсшибательно. Волосы убраны в сложные прически из кос или локонов, лица тщательнейшим образом накрашены, на платьях ни единой складочки.

Для сегодняшнего дня я выбрала едва ли не самый скромный наряд, тогда как все прочие разоделись в пух и прах. Только у меня на платье не было блесток. На моих глазах две девушки вышли в холл и обнаружили, что одеты практически одинаково, после чего обе отправились менять туалеты. Все хотели выделиться, и каждая по-своему добилась этого. Даже я.

Все выглядели как Единицы. Я же была Пятеркой в красивом платье.

Я-то думала, что опаздываю, но все остальные претендентки собирались куда дольше. Даже когда явилась Сильвия, чтобы отвести нас вниз, пришлось ждать Селесту и Тайни. Причем последней понадобилось срочно ушить платье, оказавшееся великоватым.

Когда все наконец собрались, мы пошли к лестнице. На стене висело зеркало в позолоченной раме, и девушки тут же повернулись к нему, чтобы в последний раз окинуть себя взглядом. Я успела заметить свое отражение рядом с Марли и Тайни. В сравнении с ними я определенно выглядела бледно.

Зато, по крайней мере, была похожа на саму себя, и это хотя и слабое, но утешение.

Мы думали, что идем в столовую, где, как говорили, должен был состояться завтрак. Однако вместо этого нас привели в Главный зал, в котором были расставлены отдельные столики, сервированные тарелками, бокалами и столовым серебром. Только еды не наблюдалось. Ею даже и не пахло. Впереди, в закутке, я заметила диванчики. Несколько операторов с камерами с разных точек снимали наше прибытие.

Строем мы вошли в зал и расселись, кто где хотел, поскольку карточки с именами отсутствовали. Марли оказалась напротив меня, а Эшли справа. Больше я никого высматривать не стала. Судя по всему, часть девушек нашли как минимум по одной союзнице. Например, я приобрела подругу в лице Марли. Поскольку Эшли тоже расположилась рядом, я заключила, что она не против моего общества. И тем не менее заводить беседу она не спешила. Наверное, расстроилась из-за вчерашнего репортажа. С другой стороны, она и при знакомстве не была особо разговорчивой. Характер у всех разный. Я решила, что самое страшное, что она может сделать, – это не ответить, поэтому поприветствовала ее первой.

– Эшли, прекрасно выглядишь!

– Спасибо, – отозвалась она негромко. Мы обе оглянулись удостовериться, что поблизости нет операторов с камерами. Не то чтобы нам было что скрывать, просто кому понравит-

ся, когда каждый твой чих снимают? – Правда, классные драгоценности? А ты почему ничего не надела?

– Ммм… Показались слишком тяжелыми. Так что я выбрала полегче.

– Они в самом деле тяжеленные! У меня такое чувство, как будто к голове подвесили двадцать фунтов! И все равно я не смогла упустить такую возможность. Кто знает, сколько каждая из нас здесь пробудет.

Это странно. Эшли производила впечатление спокойной, уверенной в себе. С ее внешностью и манерой держаться из нее должна была выйти первоклассная принцесса. Удивительно, что она в себе сомневалась.

– Ты не убеждена в победе? – спросила я.

– Разумеется, убеждена, – прошептала она в ответ. – Просто говорить это вслух невежливо. – Она подмигнула мне, и я прыснула.

Это была оплошность. Мой смешок привлек внимание Сильвии, которая как раз вошла в зал.

– Леди никогда не возвышает голос громче нежного шепота. – Она укоризненно прищелкнула языком.

Все смолкли. Я подумала, что, наверное, камеры запечатлели мой прокол, и щеки заполыхали.

– И снова здравствуйте, девушки. Надеюсь, вы все хорошенько отдохнули в свою первую ночь во дворце, потому что сейчас мы приступим к делу. Сегодня я начну обучать вас правилам поведения и этикету, и этот процесс продолжит-

ся на протяжении всего вашего пребывания здесь. Пожалуйста, имейте в виду, что обо всех ваших промахах я буду докладывать королевской семье. Знаю, это прозвучит жестоко, но все происходящее – не игра, и не стоит относиться к этому легкомысленно. Одна из присутствующих в этом зале станет следующей принцессой Иллеа. Это большая ответственность. Каждая из вас обязана неустанно работать над собой, какое бы положение она ни занимала в прошлом. Все вы должны стать леди до мозга костей. И сейчас вам предстоит получить свой первый урок. Умение вести себя за столом очень важно, и прежде чем вам будет позволено есть в присутствии королевской семьи, вы должны усвоить определенные правила. Чем быстрее мы уясним их, тем раньше вы получите свой завтрак, так что развернитесь все прямо, пожалуйста.

Она принялась объяснять, что еду нам будут подавать справа, разные виды бокалов предназначены для определенного сорта напитка, а сладости ни в коем случае нельзя брать руками. Для этого есть щипцы. Руки, если ничем не заняты, следует держать на коленях, на предварительно расстеленной салфетке. Говорить можно только тогда, когда к нам обращаются. Разумеется, мы можем беседовать с соседками, но вполголоса, как подобает во дворце. Последние слова Сильвия произнесла, многозначительно глядя на меня.

Сильвия продолжала все дальше и дальше углубляться в тонкости застольного этикета, а мой желудок между тем все

настойчивей заявлял о себе. Дома я привыкла есть три раза в день, пускай и не досыта, и теперь мой живот требовал пищи. Я уже начинала терять терпение, когда раздался стук в дверь. Два охранника расступились, и на пороге показался принц Максон.

– Доброе утро, дамы, – произнес он.

Перемена атмосферы в зале была прямо-таки ощутимой. Спины распрямили, локоны перебросили на плечи, юбки расправили. Мой взгляд был прикован не к Максону, а к Эшли, которая учащенно дышала. Она смотрела на Максона с таким выражением, что мне вдруг стало неловко.

– Ваше высочество, – опустившись в глубоком реверансе, произнесла наша учительница.

– Привет, Сильвия. Если ты не против, я хотел бы представиться девушкам.

– Конечно. – Она снова поклонилась.

Принц Максон обвел взглядом комнату и остановился на мне. Наши глаза на миг встретились, и он улыбнулся. Такого я не ожидала. Должно быть, он решил, что вчера ночью неправильно вел себя, и сейчас меня перед всеми отчитают за непочтительность. Хотя, может, он вовсе на меня не злился. Наверное, я его позабавила. Скорее всего, его жизнь здесь очень тосклива. Как бы там ни было, этот мимолетный знак приободрил меня. Надеюсь, все будет не слишком ужасно. Изменить уже все равно ничего нельзя, так что оставалось лишь молиться, чтобы принц Максон принял мои извине-

ния.

– Дамы, если не возражаете, я буду вызывать вас по одной. Уверен, вам, как и мне, не терпится скорее сесть за стол. Так что надолго не задержу. Прошу простить, если я не с первого раза запомню, как кого зовут; все-таки вас немало.

Послышались приглушенные смешки. Максон направился к девушке, сидевшей в первом ряду справа, и пригласил ее пройти к диванчику. Они несколько минут пообщались, после чего оба поднялись. Он поклонился, она сделал книксен. Затем претендентка вернулась на место за столом, что-то сказала соседке, и все повторилось снова. Эти беседы длились всего несколько минут и велись вполголоса. Он пытался составить впечатление о каждой девушке менее чем за четверть часа!

– Интересно, о чем он их спрашивает? – обернулась ко мне Марли.

– Например, хочет узнать, какие актеры кажутся тебе самыми красивыми. Так что составь мысленный список, – посоветовала я шепотом. Марли с Эшли дружно прыснули.

Мы были не единственными, кто переговаривался. В зале стоял негромкий гул; конкурсантки пытались как-то отвлечься в ожидании своей очереди. Кроме того, телевизионщики, сновавшие повсюду со своими камерами, задавали девушкам вопросы о том, как прошел их первый день во дворце, как им нравятся их служанки, и о прочих подобных вещах. Когда они остановились перед нами с Эшли, я предо-

ставила отвечать ей.

Сама же все время поглядывала в угол, где принц беседовал с очередной кандидаткой. Некоторые держались спокойно и с достоинством, другие ерзали от возбуждения. Когда настала очередь Марли идти к Максону, она залилась багровым румянцем, а на обратном пути сияла как начищенный пятак. Эшли несколько раз одернула платье, как будто не знала, куда деть руки.

Когда она вернулась, меня едва не прошиб пот. Пришел мой черед идти на диванчик. Я глубоко вдохнула и собралась с мужеством, ведь я намеревалась просить принца об огромной милости.

При моем приближении он поднялся и попытался прочитать мое имя на брошке.

– Америка, я не ошибся? – На губах у него играла легкая улыбка.

– Нет, не ошиблись. А я, кажется, уже слышала ваше имя, но не будете ли вы так добры еще раз его мне напомнить?

Я не была уверена, что начинать разговор с шутки – хорошая идея, но Максон рассмеялся и сделал мне знак садиться.

– Вы крепко спали, моя дорогая? – прошептал он, наклонившись ко мне.

Не знаю, что отразилось у меня на лице, когда я услышала это обращение, но в глазах Максона заплясали веселые искорки.

– Я по-прежнему вам не дорогая, – отозвалась я, впрочем

на сей раз с улыбкой. – Но да. После того как успокоилась, спала очень хорошо. Служанкам пришлось вытаскивать меня из постели, так уютно там было.

– Я рад, что вы освоились, моя… Америка, – поправился он.

– Благодарю вас. – Я принялась теребить подол платья, пытаясь сообразить, как правильнее это сформулировать. – Мне очень жаль. Вчера я некрасиво вела себя. Размышляя перед сном о случившемся, я поняла, что, хотя вся эта ситуация для меня некомфортна, не следовало накидываться на вас. Вы не виноваты в том, что я оказалась в этом замешана, да и сам Отбор не ваша идея. И потом, когда мне было так плохо, вы проявили доброту, а я вела себя ужасно. Вы могли с полным правом вышвырнуть меня из дворца еще вчера ночью, но не сделали этого. Спасибо вам.

Максон ответил мне ласковым взглядом. Готова биться об заклад, что этот взор уже растопил сердца всех девушек, которые сидели до меня на этом месте. Я встревожилась бы, если бы он смотрел так только на меня, но, по-видимому, это просто у него в характере. На миг принц опустил голову. Затем поднял на меня глаза, наклонился вперед и поставил локти на колени, как будто стремился донести важность своих слов.

– Америка, до сих пор вы были очень откровенны. Это качество вызывает у меня глубочайшее восхищение, и я, с вашего позволения, хотел бы кое о чем вас спросить.

Я кивнула, немного страшась услышать вопрос. Он нагнулся ко мне еще ближе и прошептал:

– Вы говорите, что оказались здесь по ошибке, поэтому полагаю, что вы не желаете участвовать в Отборе. Существует ли какая-то надежда на то, что вы испытываете ко мне какое-то подобие… романтических чувств?

Я против воли заерзала на месте. Действительно не хотелось обижать его, но в этом вопросе юлить я не считала возможным.

– Ваше высочество, вы очень добры, привлекательны и заботливы. – (Он улыбнулся.) – Но в силу веских причин, полагаю, это маловероятно.

– Не будете ли вы так добры пояснить?

Его лицо не дрогнуло, но я уловила в голосе разочарование, вызванное отказом. Вряд ли он к такому привык.

Я не собиралась никому ничего рассказывать, но, судя по всему, иначе он меня не поймет. Еще более тихим голосом я поведала ему правду:

– Боюсь… боюсь, что мое сердце принадлежит другому.

Я почувствовала, как на глазах выступили слезы.

– Ох, пожалуйста, только не плачьте! – В шепоте Максона слышалась неподдельная тревога. – Понятия не имею, как обращаться с рыдающими женщинами!

Я невольно рассмеялась, и слезы отступили. Облегчение, отразившееся на его лице, ни с чем другим спутать было нельзя.

– Хотите, я сегодня же отпущу вас к вашему возлюбленному?

То, что я предпочла ему другого, явно задело его, но вместо того, чтобы рассердиться, он проявил сострадание. И тем самым завоевал мое доверие.

– В том-то и дело… Я не хочу возвращаться домой.

– Правда?

Он провел ладонью по волосам, и я снова не смогла удержаться от смеха при виде его недоумевающего лица.

– Могу я быть с вами совершенно честной? – (Он кивнул.) – Я должна остаться. Это важно для моей семьи. Если вы разрешите мне пробыть здесь всего неделю, для них это уже будет благословением.

– Вы хотите сказать, вам нужны деньги?

– Да. – Мне было стыдно в этом признаваться. У него, пожалуй, создалось впечатление, что я его использую. По правде говоря, наверное, так оно и есть. Но это не все. – И потом… есть… люди, – я в упор взглянула на него, – которых мне невыносимо сейчас видеть.

Максон понимающе кивнул, но ничего не сказал.

Я поколебалась. Наверное, самое худшее, что он мог сделать, это отправить меня домой, так что я продолжила.

– Если бы вы позволили мне задержаться еще ненадолго, мы могли бы заключить сделку, – выпалила я.

Он вскинул брови:

– Сделку?

Я закусила губу.

– Если вы позволите мне продолжить участие… – Ох, что я несу! – В общем, сами подумайте. Вы принц. И вы целыми днями заняты. Управляете страной и все такое, а еще нужно найти время, чтобы выбрать из тридцати пяти, ну ладно, из тридцати четырех девушек единственную и неповторимую. Не слишком ли это, как вам кажется?

Он кивнул. Я видела, что одна только мысль об этом уже вызывает у него уныние.

– Не лучше ли, если у вас будет кто-то внутри вражеского лагеря? Кто-то, кто окажет помощь? Ну друг, понимаете?

– Друг? – переспросил он.

– Ну да. Позвольте мне побыть здесь, и я буду поддерживать вас. Я стану вашим союзником. – (При этих словах он улыбнулся.) – Вам не нужно ухаживать за мной, вы ведь уже знаете, что я не испытываю к вам никаких чувств. Но вы сможете в любой момент поговорить со мной, и я постараюсь вам помочь. Вчера ночью вы сказали, что ищете девушку, способную разделить с вами радости и заботы. Что ж, пока вы не нашли ее, я могу временно исполнять ее роль. Если хотите.

Его лицо просветлело, но легкая настороженность сохранилась.

– Я познакомился почти со всеми девушками в этом зале, и ни одна из них не подходит на роль друга лучше, чем вы. Буду рад, если вы останетесь.

Меня охватило невыразимое облегчение.

– Как думаете, я смогу вас все-таки называть «моя дорогая»? – спросил Максон.

– Ну уж нет, – прошептала я в ответ.

– Пожалуй, я попытаюсь. Отступать не в моем характере.

В это я верила. При мысли о том, что он будет настаивать, я испытала раздражение.

– Их всех вы тоже так называли? – Я кивнула в сторону зала.

– Да. И им, судя по всему, это нравилось.

– Именно потому это и не нравится мне. – С этими словами я поднялась.

Максон фыркнул и тоже встал. Я начала хмуриться, но это и в самом деле было ужасно смешно. Он поклонился, я сделала книксен и вернулась обратно на место.

Я так проголодалась, что с трудом дождалась, когда он закончит с оставшимися девушками. Но в конце концов последняя из них вернулась за свой столик, и я уже предвкушала первый завтрак во дворце.

Принц Максон вышел в центр зала:

– Если я кого-то из вас попросил задержаться, пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Остальные могут проследовать за Сильвией в столовую. Я присоединюсь к вам в самое ближайшее время.

Попрошу задержаться? Это что, знак особой милости?

Вместе с большинством девушек я поднялась и направи-

лась к выходу из зала. Должно быть, он просто хотел познакомиться с кем-то поближе. Я увидела, что Эшли тоже оказалась в числе избранных. Ну конечно, на нее стоило только посмотреть, чтобы понять, что она уникальна. Прирожденная принцесса. Всем иным я пока что не была представлена. Впрочем, они, со своей стороны, не горели желанием общаться со мной. Камеры остались в зале, чтобы запечатлеть то, что приготовил Максон, а все прочие устремились к выходу.

Мы вошли в пиршественный зал, и там, даже более величественные, чем я себе воображала, уже находились король Кларксон и королева Эмберли. Помещение было буквально нашпиговано камерами, призванными не упустить ни единого мгновения нашей первой встречи. Я замялась. Наверное, следовало вернуться обратно ко входу и подождать, пока нас не пригласят войти. Но остальные, пусть и не без колебаний, продолжали идти. Я поспешно направилась к своему стулу, надеясь, что не привлекла лишнего внимания.

Не прошло и двух секунд, как в зале появилась Сильвия и оценила обстановку.

– Дамы, – произнесла она. – Боюсь, до этого момента мы еще не дошли. Когда вы вступаете в комнату, где находятся король или королева, или, наоборот, они входят в помещение, в котором пребываете вы, полагается сделать книксен. Затем, когда они поприветствуют вас, вы можете подняться и занять свои места. Ну-ка, все вместе!

И мы все дружно сделали книксен в направлении королевского стола.

– Милости просим, девушки, – произнесла королева. – Пожалуйста, рассаживайтесь, и добро пожаловать во дворец. Мы рады принимать вас под нашей крышей.

У нее оказался очень приятный голос: спокойный, как и ее лицо, но ни в коей мере не безжизненный.

В соответствии с правилами этикета, преподанными Сильвией, по правую руку от каждой из нас материализовался лакей, чтобы налить в бокалы апельсиновый сок. Затем на подносах принесли тарелки, накрытые крышками. Когда блюдо открыли, в лицо мне ударил ароматный пар, исходивший от оладий. К счастью, пронесшийся по залу негромкий гул восторга заглушил урчание моего желудка.

Король Кларксон благословил пищу, и мы принялись за еду. Через несколько минут в зал вошел Максон, но прежде, чем мы успели подняться, он произнес:

– Прошу вас, дамы, не вставайте. Ешьте спокойно.

Он подошел к королевскому столу, поцеловал в щеку мать, хлопнул по спине отца и уселся в кресло по левую руку от него. Потом что-то сказал ближайшему лакею, отчего тот негромко рассмеялся, и принц принялся за завтрак.

Эшли все не было. И других тоже. Я огляделась по сторонам, ничего не понимая, и попыталась подсчитать, скольких девушек недостает. Оказалось, восьми. В зале не было восьмерых девушек.

На невысказанный вопрос в моих глазах ответила Крисс, сидевшая напротив.

– Они выбыли, – произнесла она.

Выбыли? Ох! Выбыли…

Моей фантазии не хватило представить, что же такое можно было сделать менее чем за пять минут, чтобы навлечь на себя недовольство Максона, но я вдруг порадовалась, что была с ним честной.

Нас осталось двадцать семь.

Глава 12

Камеры сделали круг по залу и оставили нас наслаждаться завтраком без посторонних глаз, щелкнув напоследок еще одну фотографию принца.

Неожиданная убыль в наших рядах слегка меня огорошила, но Максон, казалось, ничуть не расстроился. Он преспокойно завтракал, и тут я спохватилась, что, если не потороплюсь, моя еда остынет. И снова она показалась почти неправдоподобно вкусной. Апельсиновый сок был таким густым и насыщенным, что пришлось пить его маленькими глотками. Яичница с беконом была просто божественной, а оладьи безупречно пышными, в отличие от тонких лепешек, что выходили у меня дома.

Повсюду вокруг слышались негромкие вздохи: судя по всему, я не единственная, кто наслаждался ароматами и вку-

сом. Не забыв воспользоваться для этой цели щипцами, я переложила из корзинки в центре стола себе на тарелку клубничное пирожное. Мне было интересно, как другим двум Пятеркам понравился завтрак, и я принялась оглядываться по сторонам. Тут-то и выяснилось, что из трех Пятерок оставили меня одну.

Я не была уверена, что Максон осведомлен о таких подробностях. Создавалось впечатление, что он толком не знает, как кого зовут, но то, что обе представительницы низкой касты отправились домой, показалось странным. Интересно, если бы не наше вчерашнее знакомство с принцем, меня тоже попросили бы на выход? С этими мыслями я отправила в рот кусок клубничного пирожного. Оно было таким сладким, а тесто таким рассыпчатым, что я забыла обо всем на свете. Я даже невольно замычала от удовольствия: ничего изумительнее в жизни пробовать не доводилось. Второй ломтик я откусила, не успев еще дожевать первый.

– Леди Америка? – вернул меня с небес на землю чей-то голос.

Все головы в зале обернулись к принцу Максону, ибо это был именно он. То, что он так буднично обратился ко мне, вообще к одной из нас, на глазах у всех остальных, стало для меня потрясением.

Но хуже всего то, что окликнул он меня ровно в тот момент, когда мой рот был набит пирожным. Я прикрыла губы ладонью и принялась торопливо жевать. Хотя все это едва ли

могло продлиться больше нескольких секунд, под взглядами всех присутствующих в зале они показались мне вечностью. Я заметила самодовольный вид, с которым смотрела на меня Селеста. Должно быть, в ее глазах я выглядела несерьезной соперницей.

– Да, ваше высочество? – отозвалась я, торопливо сглотнув.

– Ну и как вам еда?

Максон, казалось, с трудом удерживался, чтобы не расхохотаться – то ли от моего остолбенелого вида, то ли при воспоминании о нашем самом первом, в высшей степени недопустимом, разговоре.

Я изо всех сил пыталась сохранить самообладание.

– Ваше высочество, она великолепна. Это клубничное пирожное… Знаете, у меня есть сестра, которая просто сама не своя до сладкого. Так вот, думаю, она расплакалась бы, если бы попробовала его. Оно волшебное.

Максон отправил в рот очередной кусок своего завтрака и откинулся на спинку кресла:

– Вы в самом деле полагаете, что она расплакалась бы?

Эта идея, похоже, донельзя его позабавила. Нет, у него положительно странное отношение к женскому плачу.

Я немного поразмыслила.

– Да, я и вправду так думаю. Она очень непосредственна в выражении своих эмоций.

– И готовы биться на это об заклад? – быстро спросил он.

Я заметила, что остальные девушки крутят головами от меня к нему и обратно, как будто смотрят теннисную партию.

– Если бы у меня были деньги, я бы на это поставила.

При мысли о том, чтобы сделать ставку на то, что кто-то заплачет от удовольствия, я улыбнулась.

– Ну, может, вы поставите на кон что-нибудь другое, раз уж вы так ловко умеете заключать сделки?

Эта маленькая игра явно доставляла ему удовольствие. Прекрасно. Отчего бы мне тоже в нее не сыграть?

– Ну и чего же вы хотите? – сделала я свой ход и немедленно задалась вопросом, что же могу предложить человеку, у которого и так все есть.

– А вы сами чего хотите? – парировал он.

Вот это поистине занимательный вопрос. Если задуматься, вопрос, что мог предложить мне Максон, ничуть не уступал вопросу, что могла предложить ему я. В его распоряжении целый мир. Ну и чего же пожелать?

Я не Единица, но веду такую жизнь, будто ею являюсь. У меня больше еды, чем могу осилить, и постель, удобнее которой и представить нельзя. Служанки не знают, как еще услужить, пусть даже мне самой это не нужно. Любое мое желание исполнялось в два счета – стоило только попросить.

Единственное, чего хотелось по-настоящему, так это не вспоминать на каждом шагу, что нахожусь во дворце. Например, если бы мои родные оказались где-нибудь поблизости.

Или если бы не приходилось постоянно ходить такой разряженной. Просить, чтобы меня приехали навестить члены семьи, было неудобно, ведь я провела здесь всего день.

– Если она расплачется, хочу целую неделю ходить в брюках, – предложила я.

Все засмеялись, но вежливо и негромко. Даже король с королевой, похоже, сочли мою просьбу забавной. Мне понравилось, как королева на меня посмотрела: как будто после этих слов я стала для нее менее чужой.

– Идет, – согласился Максон. – А если она не расплачется, вы прогуляетесь со мной по саду завтра после обеда.

Прогуляться по саду? Всего-то? В этом желании не было ничего такого особенного. Потом я вспомнила, что Максон сказал прошлой ночью – про то, что его охраняют. Вдруг он просто не знал, как еще попросить девушку провести время с ним наедине? Может, это его способ справиться с чем-то, чего ему до сих пор делать еще не приходилось?

Кто-то рядом со мной неодобрительно фыркнул. Ох! Я сообразила, что если проиграю, то стану первой из девушек, которая официально окажется наедине с принцем. В глубине души мне очень хотелось попробовать поторговаться с ним, но, если я собиралась быть ему полезной, как обещала, нельзя отмахиваться от первой его попытки пригласить девушку на свидание.

– Сделка получается не вполне равноценная, сир, но я согласна.

– Джастин! – (Лакей, с которым он уже разговаривал раньше, вышел вперед.) – Ступай собери коробку с клубничными пирожными и отправь ее родным этой девушки. Пусть кто-нибудь подождет, пока ее сестра не попробует их, и сообщит нам, расплачется она или нет. Мне в высшей степени любопытно это узнать.

Джастин кивнул и удалился.

– Напишите записку, которую доставят вашей семье вместе с посылкой, и сообщите им, что у вас все благополучно. Собственно, то же самое относится ко всем. После завтрака составьте письма родным, и мы позаботимся о том, чтобы они сегодня же их получили.

Все заулыбались и вздохнули, довольные, что принц наконец-то обратил внимание и на них. Мы закончили завтрак и отправились сочинять послания. Энн раздобыла для меня бумагу и писчие принадлежности, и я быстро написала записочку близким. Хотя начало жизни во дворце получилось довольно нескладным, меньше всего хотелось, чтобы они тревожились за меня. Поэтому я попыталась придать письму легкомысленный тон.

> Дорогие мама, папа, Мэй и Джерад!
>
> Страшно по вам соскучилась! Принц распорядился, чтобы мы написали домой и сообщили родным, что у нас все благополучно. Лететь было немного страшно, но очень здорово. Мир кажется таким крохотным с высоты!

Мне выдали уйму чудесных платьев и прочих вещей, а еще у меня теперь есть три милые служанки, которые помогают одеваться, убирают и говорят, куда идти. Так что, даже когда я все путаю, они всегда точно знают, где я должна находиться, и следят, чтобы я была там вовремя.

Остальные девушки оказались довольно необщительными, но, думаю, с одной из них мне все-таки удастся подружиться. Помните Марли из Кента? Я встретилась с ней по пути в Анджелес. Она очень веселая и дружелюбная. Если меня отправят домой, надеюсь, она станет победительницей.

Я уже видела принца. И короля с королевой тоже. В жизни у них еще более царственный вид. С ними я пока что не говорила, зато пообщалась с принцем Максоном. Он на удивление благородный человек… как мне кажется.

Мне уже пора, но хочу сказать, что люблю вас и скучаю. Напишу сразу же, как только еще появится такая возможность.

С любовью,

Америка.

На мой взгляд, ничего пугающего я не написала, но кто знает моих родных. Представила, как Мэй снова и снова это перечитывает, выискивая между строк скрытые подробности о моей жизни. Интересно, она сначала прочитает письмо или съест пирожные?

P. S. Мэй, правда же эти пирожные такие вкусные,

что прямо плакать хочется?

Ну вот. Теперь я сделала все, что могла.

По всей видимости, этого все же оказалось недостаточно. В тот же вечер в дверь моей комнаты постучал лакей с письмами от родных и новостями.

– Она не расплакалась, мисс. Сказала, что пирожные такие вкусные, что вполне могла бы заплакать, как вы и предполагали, но все-таки этого не сделала. Его высочество зайдет за вами завтра приблизительно в пять часов вечера. Пожалуйста, будьте готовы.

Проигрыш сам по себе расстроил не слишком сильно, но неделю ходить в брюках было бы приятно. Что ж, жаль, что со штанами ничего не вышло, зато у меня, по крайней мере, есть письма. Я вдруг поняла, что никогда прежде не расставалась с родными больше чем на несколько часов. Мы не так богаты, чтобы путешествовать, а поскольку друзей как таковых в детстве у меня не водилось, за всю свою жизнь я даже ни разу не ночевала вне дома. Жаль, что нельзя каждый день получать письма. Ну, то есть, наверное, организовать это можно, просто очень дорого.

Первым я прочла письмо от папы. Он пространно описывал, какая красивая я была по телевизору и как он мной гордился. И добавлял, что не стоило присылать целых три коробки пирожных, а то Мэй совсем избалуется. Три коробки! Ничего себе.

Дальше в письме говорилось, что, когда привезли пирожные, у нас как раз сидел Аспен, помогал с какими-то бумагами, так что одну коробку он унес домой своим родным. Меня охватили противоречивые чувства. С одной стороны, я порадовалась, что они смогут попробовать такой роскошный десерт. С другой – представила, как он угощает свою новую подружку, которую, в отличие от меня, может баловать. Интересно, этот дар от Максона вызвал у него хотя бы укол ревности? Или он лишь вздохнул с облегчением, что избавился от моего внимания?

Я задержалась на этих строчках куда дольше, чем собиралась.

Письмо папа завершал словами о том, как он рад, что у меня появилась подружка: я-де никогда не была на это быстра. Я сложила письмо и провела пальцем по его росчерку. Раньше отчего-то не замечала, как он смешно подписывается.

Письмо Джерада оказалось кратким и деловитым. Он меня любит и скучает, не могла бы я прислать еще чего-нибудь вкусненького? Я не удержалась от смеха.

Мама в своем репертуаре. Так и слышался ее командный тон: она самодовольно поздравляла меня с тем, что я уже завоевала расположение принца. До нее донесли, что я была единственной, чьим родным отправлен подарок, – и она безапелляционно требовала, чтобы я продолжала ту же тактику, которую начала.

Угу, мамочка, непременно продолжу уверять принца, что ему со мной ничего не светит, а также говорить гадости при каждом удобном случае. Отличный план, вне всяких сомнений.

Я порадовалась, что приберегла письмо Мэй напоследок.

Оно оказалось совершенно бестолковым. Сестра признавалась, что завидует тому, что меня все время кормят такими вкусностями. Жаловалась, что теперь мама совсем ее загоняла. Тут я ей посочувствовала. А дальше Мэй просто забросала меня вопросами. Максон в жизни такой же симпатичный, как по телевизору? Что на мне в данную минуту надето? Можно ей приехать посмотреть на дворец? У Максона, случайно, нет тайного брата, который со временем мог бы захотеть на ней жениться?

Я прыснула и прижала письма к груди. Надо постараться поскорее написать ответы. Во дворце, несомненно, есть телефон, но пока что нам про него не рассказали. Даже если бы у меня был личный аппарат, ежедневно звонить домой, пожалуй, было бы слишком. К тому же, наверное, интересно будет перечитывать эти письма потом как доказательство того, что все это действительно происходило в моей жизни.

В постель я ложилась с греющей душу мыслью, что у моих родных все хорошо. Потому спала сладко и крепко, несмотря на некоторое беспокойство – ведь завтра мне предстояло вновь оказаться с Максоном наедине. Понять причину беспокойства никак не удавалось, но очень надеялась, что мои

страхи беспочвенны.

– Можешь в целях конспирации взять меня под руку? – попросил Максон, когда явился за мной на следующий день.

Я немного поколебалась, но потом все же так и сделала.

К моменту появления принца служанки уже облачили меня в вечернее платье – невесомое голубое творение в имперском стиле с короткими рукавами-крылышками. Они оставляли руки полностью открытыми, и прикосновение накрахмаленного костюма Максона к голой коже заставляло ежиться. Да и необходимость обращаться к принцу на «ты» тоже уверенности не добавляла. Он, похоже, заметил мою скованность, потому что попытался отвлечь меня.

– Мне жаль, что она не заплакала, – сказал он.

– Вижу, как тебе жаль.

Мой шутливый тон явственно давал понять, что проигрыш не слишком меня расстроил.

– Я никогда раньше ни на что не спорил. Мне понравилось выигрывать. – В его голосе прозвучали виноватые нотки.

– Новичкам везет.

– Наверное, – улыбнулся он. – В следующий раз попытаемся ее рассмешить.

Я мгновенно принялась прокручивать в мозгу разнообразные сценарии. Что во дворце способно заставить Мэй покатиться со смеху?

Максон понял, что я думаю о ней.

– Какая у тебя семья?

– В каком смысле?

– В самом прямом. Твоя семья, должно быть, очень отличается от моей.

– Пожалуй. – Я рассмеялась. – Мы, например, не надеваем к завтраку тиары.

– Приберегаете к ужину? – усмехнулся Максон.

– Разумеется.

Он негромко прыснул. Наверное, я поторопилась записать его в снобы.

– Что еще тебе сказать? Я средняя из пятерых детей.

– Из пятерых? Ого!

– Ну да. У обычных людей, как правило, много детей. Я тоже завела бы целую кучу, если бы могла.

– Что, правда? – вскинул брови Максон.

– Да, – ответила я тихо.

Не знаю почему, но эта подробность вдруг показалась мне очень интимной. Кроме меня, об этом знал только один человек.

Накатила печаль, но я усилием воли прогнала ее прочь.

– Моя старшая сестра Кенна замужем за Четверкой. Она теперь работает на фабрике. Мама мечтает, чтобы я тоже вышла замуж как минимум за Четверку, но тогда мне пришлось бы бросить пение, а я этого не хочу – слишком его люблю. Хотя я ведь теперь Тройка. Так странно об этом думать. Вероятно, я попытаюсь и дальше заниматься музыкой, если по-

лучится. Потом идет Кота. Он скульптор. В последнее время мы практически его не видим. Он пришел проводить меня, когда я уезжала сюда, но этим все и ограничилось. Следующая я.

Максон непринужденно улыбнулся.

– Америка Сингер, – провозгласил он, – мой лучший друг.

– Все верно.

Я закатила глаза. Говорить о дружбе просто смешно. Во всяком случае, пока. С другой стороны, нельзя не признать, что он единственный, кому я открыла душу, не считая родных и Аспена. Ну и еще Марли. Может, с ним все то же самое?

Мы медленно двинулись по коридору к лестнице. Он, похоже, никуда не спешил.

– Следом за мной идет Мэй. Это она подложила мне свинью и не заплакала. Нет, в самом деле, это форменное свинство с ее стороны. Как она могла не заплакать! Сестра тоже художница. Я ее обожаю.

Принц внимательно посмотрел на меня. Говоря о Мэй, я немного расслабилась. Максон мне нравился, но я не была уверена, насколько готова впустить его к себе в душу.

– И самый последний – Джерад. Он совсем малыш, ему только семь. Он еще не определился, чем хочет заниматься – музыкой или рисованием. Больше всего он любит гонять мяч или наблюдать за жуками, что, конечно, очень увлекательно, но на жизнь этим не заработаешь. Так что мы пытаемся по-

будить его искать себя поактивнее. Ну вот, собственно, и все.

– А твои родители? – поинтересовался он.

– А твои родители? – вопросом на вопрос ответила я.

– Моих родителей ты и так знаешь.

– Ничего подобного. Я знаю только тот образ, который они демонстрируют на публике. Какие они на самом деле?

Я потянула его за руку, что было довольно-таки нелегко. Руки у принца оказались очень сильными. Даже под костюмом ощущались крепкие мускулы. Максон вздохнул, но в этом вздохе не было ни намека на раздражение. Похоже, ему нравилось, когда его донимали. Тоскливо, наверное, расти во дворце совсем одному, без братьев и сестер.

Пока он обдумывал ответ, мы вышли в сад. Завидев нас, охранники лукаво заулыбались. В саду уже поджидала камера. Разумеется, они желали запечатлеть первое свидание принца. Максон лишь покачал головой, и все мгновенно скрылись во дворце. Кто-то выругался. Я не горела желанием постоянно находиться под прицелом телекамер, но поступок принца меня удивил.

– Все в порядке? Ты какая-то напряженная, – заметил Максон.

– Ну, кого-то смущают плачущие женщины, а кого-то прогулки с принцами, – пожала я плечами.

Максон негромко рассмеялся, но ничего не сказал. Мы двинулись на запад. Солнце уже скрылось за лесом, хотя было еще только самое начало вечера. Стремительно подкра-

дывались сумерки, окутывая нас темным покрывалом. Когда позапрошлой ночью я пыталась найти уединение, именно здесь мне хотелось очутиться. На сей раз мы, похоже, в самом деле остались одни. И все шли и шли, дальше от дворца и ушей охранников.

– И что же во мне так тебя смущает?

Я заколебалась, но все-таки сказала то, что думала:

– Твой характер. Твои намерения. Я понятия не имею, чего ожидать от этой маленькой прогулки.

– А-а. – Он остановился и повернулся ко мне лицом. Мы стояли очень близко друг к другу, и, несмотря на теплый летний вечер, у меня по спине пробежали мурашки. – Думаю, ты уже поняла, что я не из тех, кто ходит вокруг да около. Сейчас я скажу тебе, чего именно от тебя хочу. – Максон сделал шаг ко мне.

У меня перехватило дыхание. Я очутилась ровно в той ситуации, которой страшилась. Ни охранников, ни камер, никого, кто мог бы помешать ему исполнить задуманное.

И тут у меня сработал рефлекс. Коленный. Я ударила его высочество коленом в пах. От души.

Максон вскрикнул и согнулся пополам, а я отскочила назад.

– За что?

– Тронешь меня хотя бы пальцем, будет еще хуже! – пригрозила я.

– Что?

– Я сказала, если ты…

– Да нет же, бешеная девчонка, я с первого раза отлично тебя расслышал. – Максон поморщился. – Я не понял, что ты хотела этим сказать?

Меня бросило в жар. Я поспешила приписать ему самые низкие намерения и кинулась отстаивать то, на что, судя по всему, никто и не посягал.

Подбежали охранники, встревоженные нашей маленькой потасовкой. Максон, не разгибаясь, махнул им, чтобы шли обратно.

Некоторое время мы молчали. Потом, когда боль немного утихла, Максон обернулся ко мне:

– Чего, по-твоему, я хотел? – (Я уткнулась взглядом себе под ноги и залилась краской.) – Америка, чего, по-твоему, я хотел? – Голос у него был более чем расстроенный. Оскорбленный. По всей видимости, он догадался о моих предположениях, и это очень ему не понравилось. – Ты решила… Боже правый! Я джентльмен! – Он зашагал было прочь, но обернулся: – Зачем ты вообще предложила мне свою помощь, если так думаешь обо мне?

Было невыносимо стыдно смотреть ему в глаза. Я не знала, как объяснить, что меня подготовили к самому худшему, что мне не по себе в темноте и в его обществе и что единственный парень, наедине с которым я до сих пор оставалась, вел себя именно таким образом.

– Ужин тебе подадут в комнату. Я решу, что с тобой де-

лать, завтра утром.

Я досидела в саду до того момента, когда все уже должны были уйти на ужин. Однако и тогда не сразу пошла к себе, а еще какое-то время расхаживала по коридору. Когда я вошла, Энн, Мэри и Люси были вне себя от волнения. У меня не хватило духу сказать им, что я не все это время провела с принцем.

Еду уже принесли, и она ждала на столике у балкона. Теперь, когда удалось немного отвлечься от мыслей о моем унижении, я почувствовала голод. Но причиной, по которой служанки пребывали в состоянии переполоха, оказалось вовсе не мое долгое отсутствие. На кровати стояла большущая коробка, так и зовущая ее открыть.

– Можно нам посмотреть? – попросила Люси.

– Люси, это невежливо! – одернула ее Энн.

– Ее принесли сразу же, как только вы ушли! Мы все это время ломали голову, что там! – воскликнула Мэри.

– Мэри! Как ты себя ведешь! – возмутилась Энн.

– Девочки, не переживайте. У меня нет никаких секретов. Когда утром меня отправят домой, я расскажу служанкам, почему это случилось.

Я слабо улыбнулась и принялась развязывать широкую алую ленту, которой была перевязана коробка. Внутри оказались три пары брюк. Одни легкие льняные, другие – более строгого покроя, но очень мягкие на ощупь. И совершенно роскошные джинсы. Поверх всего лежала карточка с гербом

Иллеа.

Ты просишь о таких простых вещах, что я не могу тебе отказать. Но ради меня, только по субботам, пожалуйста. Спасибо за компанию.

Твой друг,

Максон.

Глава 13

Времени на переживания и угрызения совести оказалось не так уж и много. Когда утром служанки принялись как ни в чем не бывало одевать меня к завтраку, я решила, что против моего присутствия в столовой никто не возразит. Даже тут Максон проявил неожиданную доброту: не стал лишать меня возможности насладиться пищей, последнего мгновения в роли одной из Избранных.

Завтрак был в самом разгаре, когда Крисс наконец набралась храбрости.

– Как все прошло? – спросила она вполголоса, как нам и предписывалось во время еды.

Но этот невинный вопрос заставил всех, кто его слышал, обратиться в слух.

– Неописуемо, – вздохнула я.

Девушки переглянулись, явно надеясь на продолжение.

– Как он себя вел?

– Э-э… – Я принялась осторожно подбирать слова. – Со-

вершенно не так, как я от него ожидала.

На этот раз за столом поднялся негромкий гул.

– Ты это нарочно? – возмутилась Зои. – Если да, то это просто свинство с твоей стороны.

Я покачала головой. Ну как я могла это им объяснить?

– Нет, просто…

От необходимости формулировать ответ меня избавил непонятный шум в коридоре.

Эти крики показались мне странными. За время моего непродолжительного пребывания во дворце я не слышала ни единого звука, который даже с большой натяжкой можно было бы назвать громким. Более того, четкие шаги стражников, стук открываемых и закрываемых массивных дверей, звон вилок за столом казались своеобразной музыкой.

Тут же сплошная какофония.

Королевская семья сориентировалась раньше всех остальных.

– Дамы, к дальней стене! – закричал король Кларксон и бросился к окну.

Девушки, растерянные, но не решающиеся ослушаться приказа, сбились у главного стола. Король уже опускал штору. Это была не обычная матерчатая штора. Она скорее походила на металлическую ставню, опустившуюся со скрипом. Подоспевший Максон принялся опускать соседнюю. К другому окну бросилась нежная и хрупкая королева.

В обеденный зал хлынула толпа охранников. Часть из них

заняли позицию перед исполинскими дверями, которые поспешно захлопнули, заперли на засов и заложили массивными перекладинами.

– Они проникли на территорию, ваше величество, но мы сдерживаем их. Дамам лучше бы уйти, но мы так близко к дверям…

– Все ясно, Марксон, – отозвался король, перебив стражника на полуслове.

Этих отрывочных сведений хватило, чтобы все понять. На территорию дворца ворвались повстанцы.

Я так и знала, что это произойдет. С таким количеством посторонних людей во дворце, с таким размахом приготовлений кто-нибудь обязательно должен был что-нибудь упустить и тем самым поставить под угрозу нашу безопасность. И даже если они не смогут прорваться внутрь, лучшего времени, чтобы организовать протестную акцию и придумать нельзя. Отбор – громкое событие. Я была уверена, что повстанцы ненавидят его, как и все остальное, связанное с Иллеа.

Но что бы они ни думали по этому поводу, я сдаваться так просто не собиралась.

Вскочив из-за стола так стремительно, что опрокинула стул, я бросилась к ближайшему окну и принялась опускать металлическую штору. Еще несколько девушек, до которых дошло, в каком опасном положении мы находимся, последовали моему примеру.

Спустить штору оказалось делом недолгим, а вот закрепить ее было несколько сложнее. Едва мне удалось как надо приладить защелку, как что-то с грохотом ударило в металлическую пластину снаружи. Меня отбросило назад, и я, наткнувшись на собственный опрокинутый стул, с криком полетела на пол.

Рядом со мной тут же вырос Максон:

– Ты не ранена?

Я торопливо произвела оценку ущерба. На бедре обещал образоваться синяк, а я сама была напугана, но этим все и ограничивалось.

– Нет, со мной все в порядке.

– Давай к дальней стене. Живо! – приказал он, помогая мне подняться на ноги.

Потом бросился вглубь зала и, подхватив нескольких оцепеневших от страха девушек, подтолкнул их по направлению к углу.

Я послушно отбежала к стене, где жались друг к другу остальные. Некоторые всхлипывали; иные потрясенно смотрели перед собой остекленевшими глазами. Тайни потеряла сознание. При виде короля Кларксона – он о чем-то сосредоточенно разговаривал с одним из охранников у стены так, чтобы его не слышали девушки, – я немного приободрилась. Одной рукой король бережно прижимал к себе супругу, спокойно и прямо стоявшую рядом с ним.

Как много подобных атак довелось ей пережить на своем

веку во дворце? В новостях говорили, что такое случалось несколько раз в год. Не может быть, чтобы ей не было страшно. Она наверняка понимала, чем это все может закончиться для нее, ее мужа и единственного сына. Что в конце концов бунтовщики так или иначе найдут способ добиться своего. И тем не менее стояла рядом с королем, твердо сжав губы, и ее лицо не выражало ничего, кроме спокойствия.

Я оглядела девушек. Обладает ли хоть одна из них той внутренней силой, которая необходима будущей королеве? Тайни по-прежнему лежала без чувств у кого-то на руках. Селеста с Бариель о чем-то беседовали. Спокойствие Селесты было явно напускным, но по сравнению с остальными девушками держалась она очень неплохо. Кто-то пребывал на грани истерики, сжался в комочек и всхлипывал. Другие мысленно отгородились от всего происходящего и сидели с отсутствующим видом, бесцельно ломая руки в ожидании, когда все закончится.

Марли тихонько плакала, но, по крайней мере, не рыдала. Я схватила ее за локоть и заставила подняться на ноги.

– Утри глаза и расправь плечи, – приказала я ей на ухо.

– Что? – пискнула она.

– Слушайся меня, делай, что говорю.

Марли утерлась рукавом и слегка распрямилась. Потом провела по лицу пальцами: наверное, проверяла, не размазался ли макияж. И обернулась ко мне, ожидая моего одобрения.

– Умница. Извини, что командую, просто доверься мне в этом вопросе.

Мне было неловко, что пришлось рявкнуть на нее, когда ситуация и без того пугающая, но нужно, чтобы она выглядела такой же спокойной, как королева Эмберли. Это качество Максон наверняка захочет видеть в своей избраннице, а я желала Марли победы.

– Нет, все правильно, – кивнула Марли. – Ну, то есть пока все в безопасности, так что не стоит так беспокоиться.

Я кивнула в ответ, хотя Марли и была не права. О безопасности речь не шла.

Стены и окна продолжали сотрясать удары. Охранники напряженно ждали, застыв по обе стороны массивных дверей. Часы в зале отсутствовали. Я понятия не имела, сколько уже длится атака, и это еще больше действовало на нервы. Если они прорвутся во дворец, как мы узнаем? Только когда они начнут высаживать двери? А вдруг повстанцы уже внутри, просто мы не подозреваем об этом?

Я не находила себе места от тревоги. Уставившись на вазу с экзотическими цветами, названия ни одного из которых не знала, я принялась грызть безупречно наманикюренный ноготь. Пыталась сделать вид, как будто, кроме этих цветов, ничто в мире меня не интересует.

Наконец Максон, по очереди подходивший ко всем девушкам, чтобы оценить их состояние, добрался и до меня. Он остановился рядом и тоже принялся разглядывать цветы.

Ни один из нас не знал, что сказать.

– У тебя все в порядке? – произнес он наконец.

– Да, – прошептала я.

Он немного помолчал.

– Ты что-то неважно выглядишь.

– Что будет с моими служанками? – спросила я, озвучивая свой самый главный страх.

Я знала, что мне самой ничего не грозит. Но где сейчас они? Вдруг какая-нибудь из них шла по коридору, когда ворвались бандиты?

– С твоими служанками? – спросил он меня таким тоном, как будто я была полной идиоткой.

– Да, с горничными.

Я посмотрела ему в глаза, мысленно упрекая его в нежелании признавать, что лишь избранное меньшинство из всех обитателей дворца сейчас находилось под защитой. Меня душили подступающие к горлу слезы. Плакать было нельзя, и я несколько раз быстро вздохнула, чтобы взять себя в руки.

Он заглянул мне в глаза и, похоже, понял, что меня саму от положения служанки еще недавно отделяла всего одна ступень. Причиной моего страха было не это, но при мысли о том, что меня и кого-то вроде Энн развела какая-то лотерея, я чувствовала себя странно.

– Они уже должны быть в укрытии. У прислуги есть свои убежища. В том, что касается оповещения об опасности, охрана действует очень четко. У твоих служанок все навер-

няка в порядке. Вообще-то, у нас есть сигнализация, просто во время последнего нападения повстанцы вывели ее из строя. Ее починкой занимаются, но… – Максон вздохнул.

Я упрямо смотрела себе под ноги, пытаясь унять страхи, терзавшие меня.

– Америка, – взмолился он. Я вскинула на Максона глаза. – С ними все хорошо. Повстанцы действовали недостаточно быстро, а во дворце все отлично знают, что делать в таких случаях.

Я кивнула. Мы еще с минуту постояли молча, потом я увидела, что принц собирается уходить.

– Максон, – прошептала я.

Он обернулся, слегка удивленный таким неформальным обращением.

– Насчет вчерашнего вечера… Позволь объяснить. Когда меня готовили к отправке во дворец, к нам домой приходил человек. Он сказал, что я ни в коем случае не должна тебе отказывать. Чего бы ты ни захотел. Ни при каких обстоятельствах.

Мои слова его ошеломили.

– Что?

– Он дал понять, что ты можешь потребовать определенных вещей. А ты говорил, что тебе нечасто приходилось иметь дело с женщинами. После восемнадцати лет такой жизни… и… и когда ты отослал съемочную группу… Я просто испугалась, когда ты оказался так близко.

Максон покачал головой, пытаясь переварить услышанное. На обычно сдержанном лице принца отражались унижение, гнев и потрясение.

– И что, такие инструкции выдали всем девушкам? – спросил он.

Эта идея явно его ужасала.

– Я не знаю. Не думаю, чтобы многим из них понадобилось такое предупреждение. Они, наверное, только и ждут, как бы на тебя наброситься, – заметила я, мотнув головой в сторону остальных претенденток на корону.

Он мрачно фыркнул:

– А ты – нет, поэтому без колебаний заехала коленом мне в пах?

– Я попала тебе в бедро!

– Вот только не надо. Чтобы прийти в себя после удара коленом в бедро, мужчине так много времени не требуется, – скептически отозвался Максон.

Я рассмеялась. К счастью, он ко мне присоединился. Тут в окно вновь ударило что-то тяжелое, и мы оба осеклись. Я на миг позабыла, где нахожусь.

– Ну и как ты управляешься с целым залом плачущих женщин? – поинтересовалась я.

На его лице отразилось комическое смятение.

– Я в полной растерянности, – прошептал он отчаянно. – Не имею ни малейшего понятия, как с этим бороться.

И это говорил человек, которому предстояло возглавить

нашу страну. Правитель, которого можно выбить из колеи женскими слезами. И смех и грех.

– Попробуй похлопать их по спине или по плечу и сказать, что все будет в порядке. Очень часто, когда девушки плачут, они вовсе не хотят, чтобы ты решил проблему, а только, чтобы утешил, – посоветовала я.

– В самом деле?

– Да.

– Не может быть, чтобы все было так легко. – В его голосе интерес мешался с сомнением.

– Я сказала «очень часто», а не «всегда». Впрочем, с большинством здешних дам этот прием должен сработать.

– Не уверен, – фыркнул он. – Две из них уже попросили отпустить их, если это когда-нибудь закончится.

– Я думала, мы не имеем на это права. – Впрочем, чему я удивлялась? Если он согласился оставить меня во дворце на условии чисто дружеских отношений, юридические формальности едва ли должны были его волновать. – И как ты поступишь?

– А что мне делать? Не стану же я держать здесь кого-то против воли.

– Они передумают, – предположила я с надеждой.

– Может, и так. – Принц помолчал. – А ты? Ты еще не решила перебраться в местечко побезопаснее? – спросил он почти шутливо.

– Хочешь правду? Я была уверена, что после завтрака ты

в любом случае отправишь меня домой, – призналась я.

– Хочешь правду? Я и сам об этом подумывал.

Мы обменялись улыбками. Наша дружба – если эти отношения вообще можно так назвать – была неуклюжей и небезоблачной, но, по крайней мере, честной.

– Ты не ответила. Так ты хочешь уехать?

После того как что-то тяжелое вновь ударило в стену, эта мысль показалась мне заманчивой. Дома на меня не нападал никто опаснее Джерада, покушающегося на мою еду. Здесь же меня сразу невзлюбили другие девушки, приходилось ходить в неудобной одежде, меня пытались обидеть чужие люди, и вообще было не по себе. Но мое пребывание при дворе шло на пользу семье, а мне самой приятно быть сытой. Максону, похоже, в самом деле нужна поддержка. Кроме того, оставаясь во дворце, я еще какое-то время буду находиться подальше от Аспена. И кто знает, вдруг помогу выбрать нашу следующую принцессу.

Я взглянула Максону в глаза:

– Если ты меня не выгоняешь, я остаюсь.

– Прекрасно, – улыбнулся он. – Научишь еще каким-нибудь штучкам вроде похлопывания по плечу.

Я просияла в ответ. Да, начиналось все это плохо, но, может, в итоге выйдет что-нибудь хорошее.

– Америка, ты не могла бы оказать мне услугу? – (Я вопросительно посмотрела на него.) – Как всем известно, мы вчера вечером провели много времени наедине. Если кто-

нибудь поинтересуется, ты не могла бы сказать всем, что я не… что я бы никогда…

– Разумеется. И мне действительно очень стыдно, что все так получилось.

– Я мог бы и сам сообразить, что если кто-то и откажется подчиняться приказу, то это будешь ты.

Стену сотрясли сильные удары, и некоторые девушки завизжали.

– А кто они такие? Что им нужно? – спросила я.

– Кому? Повстанцам? – (Я кивнула.) – Это зависит от того, кого ты спрашиваешь. И о какой группе говоришь.

– Ты хочешь сказать, что их несколько? – Час от часу не легче. Если это была одна группа, что могли сделать две или больше, объединившись? По моему мнению, все повстанцы похожи, но в устах Максона это прозвучало так, как будто некоторые опаснее других. – И сколько же их всего?

– Вообще-то, две. Южане и северяне. Последние атакуют чаще. Им ближе. Они обитают на болотистой пустоши Лайкли неподалеку от Беллингема, к северу отсюда. Жить в тех краях желающих нет – остались сплошные развалины, – поэтому они устроили себе там что-то вроде базы. Хотя, я полагаю, северяне кочуют. Впрочем, это моя теория, к которой никто не прислушивается. Но им намного реже удается проникнуть на территорию, а когда все-таки прорываются, в результате… практически пшик. Думаю, теперешнее нападение – как раз их рук дело, – сказал он, перекрывая гвалт.

– Почему? Чем они отличаются от южан?

Максон заколебался; должно быть, не был уверен, стоит ли мне это знать. Потом огляделся по сторонам, проверяя, не слышит ли нас кто-нибудь. Я тоже проверила и увидела, что за нами наблюдают несколько человек. В частности, Селеста, смотревшая на меня с таким выражением, будто пыталась просверлить глазами насквозь. Я скользнула по ней взглядом. Слов тем не менее никто не разобрал бы. Когда Максон пришел к такому же заключению, он склонился ко мне и прошептал:

– Набеги южан намного более… смертоносны.

– Смертоносны? – вздрогнула я.

Принц утвердительно кивнул:

– Они вторгаются раз или два в год, насколько я могу судить по последствиям. Мне кажется, все пытаются оградить меня от цифр, но я же не дурак. Во время этих битв гибнут граждане. Беда в том, что с виду противники ничем не отличаются друг от друга: грязные, большей частью мужского пола, тощие, но сильные, без каких-либо опознавательных знаков, так что мы не знаем, с кем имеем дело, пока все не закончится.

Я вновь огляделась. Если Максон ошибся и на нас обрушились южане, множество людей в опасности. Я снова вспомнила моих бедных служанок.

– И все-таки я не понимаю. Что им нужно?

Молодой человек пожал плечами:

– Южане, по всей видимости, стремятся нас уничтожить. Не знаю за что. Наверное, причина в усталости от жизни на обочине общества. Хочу сказать, что технически они даже не Восьмерки, поскольку не имеют определенного места в социальной иерархии. А вот северяне для нас загадка. Отец утверждает, что они просто желают досадить, подорвать нашу власть, но я так не думаю. – Вид у Максона на миг стал очень горделивый. – На этот счет у меня тоже есть своя теория.

– Расскажешь?

Принц Максон снова заколебался. Мне показалось, что на этот раз из опасения не столько напугать меня, сколько не быть принятым всерьез.

Он снова нагнулся ко мне и прошептал:

– Мне кажется, они что-то ищут.

– Что? – удивилась я.

– Вот этого я не знаю. Но после их нападения на дворец картина всегда одна и та же. Охранники без сознания, ранены или связаны, но не убиты. Такое впечатление, что они просто не хотят погони. Иногда они забирают кого-нибудь из наших людей с собой, и это тревожит. А в помещениях после их набегов – в тех, в которые им удается проникнуть, – все перевернуто вверх дном. Ящики вытащены, полки перерыты, ковры сдвинуты. Все сломано. Ты не представляешь, сколько камер мне пришлось сменить за эти годы.

– Камер?

– О, – застеснялся он. – Я люблю фотографировать. Но, несмотря на все усилия, повстанцы почти ничего не берут. Отец, разумеется, считает мою идею глупостью. Что может искать орава неграмотных варваров? И тем не менее, думаю, причина в этом.

Это интриговало. На месте людей, у которых нет ни гроша и которые знали, как пробраться во дворец, я забрала бы с собой все драгоценности, на какие наткнулась, все, что только можно продать. Должно быть, у бунтовщиков и в самом деле другие цели, помимо того, чтобы заявить о себе, и борьбы за выживание.

– Полагаешь, это глупо? – спросил Максон, оторвав меня от размышлений.

– Да нет, почему? Загадочно, но не глупо.

Мы обменялись улыбками. Подумалось, что, будь Максон просто Максоном Шривом, а не Максоном, будущим королем Иллеа, я была бы не против иметь такого соседа, с которым можно поболтать обо всем на свете.

Он откашлялся:

– Пожалуй, мне нужно идти дальше.

– Да, наверное, кое-кто уже всю голову сломал, гадая, что тебя здесь так задержало.

– Ну, друг, с кем посоветуешь поговорить теперь?

Я улыбнулась и оглянулась, чтобы убедиться, что моя кандидатка в принцессы не успела снова расклеиться. Она не подвела.

– Видишь вон ту блондинку в розовом? Это Марли. Чудесная девушка, очень добрая, любит кино. Давай.

Максон прыснул и направился к Марли.

Казалось, время в обеденном зале тянулось бесконечно, но на самом деле атака длилась немногим более часа. Потом мы узнали, что во дворец никто из повстанцев не пробрался, только на территорию парка. Охрана не стреляла по нападавшим, пока те не попытались прорваться к главному входу. Именно этим и объяснялся такой шквал кирпичей, выбитых из стен дворца, и гнилой еды – всем этим кидали в окна.

В конце концов двое оказались слишком близко к дверям. Стражники открыли огонь, и те обратились в бегство. Если классификация Максона верна, видимо, враги действительно были северянами.

Нас продержали в обеденном зале еще какое-то время, пока охрана прочесывала окрестности дворца. Когда все улеглось, нас распустили по комнатам. Я взяла под руку Марли. Несмотря на то что в обеденном зале я держала себя в руках, нервное напряжение давало о себе знать, и я порадовалась поводу переключиться.

– Значит, он позволил тебе носить брюки, несмотря на то что ты проиграла? – спросила она.

Я при первой же возможности заговорила о Максоне. Не терпелось узнать, как прошел их разговор.

– Угу. Он повел себя очень благородно.

– Приятно узнать, что он великодушный победитель.

– Да уж. Проявляет милосердие, даже когда ему самому достается.

Например, получив коленом по монаршим жемчужинам.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. – Мне не хотелось вдаваться в объяснения. – О чем вы с ним разговаривали?

– Вообще-то, он спросил, не против ли я встретиться с ним как-нибудь на неделе. – Она покраснела.

– Марли! Это же здорово!

– Тише, – шикнула она, оглядываясь по сторонам, хотя остальные девушки уже поднялись к себе. – Не хочу радоваться раньше времени.

Мы с минуту помолчали, а потом ее прорвало:

– Кого я пытаюсь обмануть? Я просто сама не своя от восторга! Скорее бы он меня вызвал.

– Если он уже предложил тебе встретиться, то наверняка вот-вот пригласит. Конечно, после того, как разберется со всеми государственными делами.

– Мне просто не верится! – рассмеялась она. – Ну, то есть я была в курсе, что он красавчик, но сомневалась в его характере. Боялась, что он будет… ну, даже не знаю, до чертиков правильным или еще каким-нибудь в этом роде.

– Я тоже. А он оказался… – Каким на самом деле оказался Максон? Он действительно был правильным, но вовсе не в том негативном смысле, какой я вкладывала в это понятие.

Он, без сомнения, был принцем и в то же время таким… таким… – Нормальным.

Мысли о Марли и Максоне вылетели у меня из головы, едва я переступила порог своей комнаты. Энн и Мэри хлопотали вокруг совершенно обезумевшей Люси. По ее красному, распухшему лицу катились слезы, ее колотило.

– Ну же, Люси, успокойся, все хорошо, – шептала Энн, гладя девушку по спутанным волосам.

– Все кончилось. Никто не пострадал. Тебе ничто не угрожает, милая, – приговаривала Мэри, держа трясущуюся руку подруги.

От неожиданности я онемела. По чистой случайности я стала свидетельницей тайной борьбы Люси, не предназначенной для моих глаз. Я попятилась к выходу, но Люси заметила меня, прежде чем я успела скрыться.

– П-прошу п-прощения, леди… леди… леди… – заикаясь, пробормотала она.

Две другие горничные с тревогой вскинули на меня глаза.

– Не волнуйся. Ты не пострадала? – спросила я, закрывая дверь, чтобы никто не увидел.

Люси снова попыталась заговорить, но язык не подчинился ей. Рыдания и спазмы продолжали сотрясать ее хрупкое тело.

– Она придет в себя, мисс, – вмешалась Энн. – На это может уйти несколько часов, но обычно она успокаивается после того, как все заканчивается. Если ей не будет лучше,

мы отведем ее в больничное крыло. – Энн понизила голос. – Только Люси этого не хочет. Если они решат, что она неспособна прислуживать вам, ее определят в прачки или в кухарки. А ей нравится быть горничной.

Я не очень понимала, почему Энн шепчет. Мы все стояли вокруг Люси, и она отлично все слышала, несмотря на свое состояние.

– П-пожалуйста, мисс… Я не… Я не… Я не… – выдавила она.

– Тише. Никто никуда тебя не отправляет, – заверила я ее. Потом взглянула на Энн и Мэри. – Помогите мне уложить ее на кровать.

Казалось бы, втроем мы должны были легко справиться с этой задачей, но Люси так билась, что удержать ее оказалось очень трудно. Пришлось повозиться, прежде чем удалось ее устроить. После того как девушку закутали в одеяло, дело пошло быстрее. Тепло и покой принесли лучший результат, чем все наши уговоры. Мало-помалу дрожь, сотрясавшая тело Люси, стала слабее, и она уставилась отсутствующим взглядом на полог кровати.

Мэри присела на край постели и принялась негромко что-то напевать, напомнив мне то, как я сама убаюкивала маленькую Мэй, когда она болела. Я отвела Энн в уголок, где Люси не могла нас услышать.

– Что случилось? Кто-то прорвался внутрь? – спросила я.

Странно, что нам об этом не сообщили.

– Нет-нет, – заверила меня Энн. – Люси всегда становится такая, когда атакуют повстанцы. Она принимается рыдать, стоит кому-то в ее присутствии просто упомянуть о них. Она…

Энн принялась разглядывать носки своих начищенных до блеска черных туфель, пытаясь решить, надо рассказывать мне что-то или нет. Мне не хотелось лезть в жизнь Люси, но необходимо было понять, что происходит. Энн глубоко вздохнула и заговорила вновь:

– Некоторые из нас родились здесь. Мэри родилась во дворце, и ее родители до сих пор прислуживают. Я сирота, меня взяли, потому что во дворце были нужны рабочие руки. – Она расправила платье, как будто пыталась стряхнуть эту часть своего прошлого, которая, похоже, до сих пор не давала ей покоя. – Люси во дворец продали.

– Продали? Как такое возможно? У нас в стране нет рабов.

– Официально нет, но это не значит, что такое не случается. Матери Люси нужны были деньги на операцию. Они подались в услужение к одной семье, Тройкам. Ее мать так и не выздоровела, они не смогли расплатиться с долгами, так что Люси и ее отец продолжали жить дальше с этой семьей. Как я поняла, обращались там с ними немногим лучше, чем со скотиной. Потом Люси приглянулась хозяйскому сыну. Я знаю, что иногда касты не имеют значения, но между Тройкой и Шестеркой слишком большой разрыв. Когда обо всем узнала его мать, она продала Люси и ее отца во дворец. Я

помню, как она здесь появилась. Она только и делала, что плакала. Должно быть, они очень друг друга любили.

Я покосилась на Люси. В моем случае, по крайней мере, решение о разрыве принял один из нас. Когда ее лишали любимого человека, выбора у нее не было.

– Отец Люси служит на конюшне. Он не очень расторопный и не очень крепкий, зато абсолютно преданный работник. А Люси – горничная. Я знаю, вам это может показаться глупым, но во дворце это почетная должность. Мы – лицо дворца. Это значит, что мы признаны достаточно подготовленными, достаточно сообразительными и достаточно привлекательными, чтобы предстать перед любым, кто нуждается в наших услугах. Мы очень серьезно относимся к службе, и не без причины. Тех, кто не справляется, отсылают на кухню, где приходится работать не покладая рук и носить мешковатую одежду. Или приставляют рубить дрова или убирать территорию. Так что горничная не последняя профессия во дворце.

Я почувствовала себя идиоткой. В моей картине мира все они были Шестерками. Но оказывается, даже внутри их касты существовала собственная иерархия, система статусов, которую я не понимала.

– Два года назад на дворец напали посреди ночи. Повстанцы раздобыли где-то униформу охранников и всех сбили с толку. Начался страшный хаос, никто не понимал, где свои, а где чужие, и бунтовщикам удалось проникнуть во дворец…

Это было ужасно.

Я содрогнулась при одной мысли об этом. Темнота, всеобщее смятение, бесконечные дворцовые коридоры… Если судить по событиям этого утра, это было дело рук южан.

– Один из повстанцев схватил Люси. – Энн на миг опустила глаза и продолжила еле слышно: – По-моему, женщин в их рядах не так много… В общем, сами понимаете.

– Ах!

– Я сама этого не видела, но Люси рассказала мне, что он был весь грязный. И постоянно облизывал ее лицо.

Энн передернулась. Меня затошнило. Это было просто омерзительно. Неудивительно, что у человека, и без того уже травмированного, во время атаки случился нервный срыв.

– Он куда-то ее потащил, она принялась истошно кричать. Шум вокруг стоял такой, что едва ли ее кто-нибудь услышал бы. К счастью, из-за угла выскочил другой охранник, настоящий. Он прицелился и всадил повстанцу пулю прямо в лоб. Тот рухнул как подкошенный и придавил собой Люси. Она вся оказалась залита его кровью.

В ужасе я прикрыла рот ладонью. Не могла представить, как хрупкая маленькая Люси пережила весь этот кошмар. Ничего удивительного, что она так реагировала.

– Ей оказали медицинскую помощь, но ее душевными ранами никто не занимался. С тех пор она немного дерганая, но изо всех сил старается держать себя в руках. И старается она не только ради себя, но и ради отца. Он так гордится, что

его дочь выбилась в горничные. Ей не хочется его разочаровывать. Мы пытаемся ее подбадривать, но каждый раз, когда происходит нападение, она считает, что теперь-то уж точно все будет плохо. Кто-нибудь поймает ее, причинит зло, убьет.

– Она очень старается, мисс, но я не знаю, сколько еще продержится.

Я кивнула, глядя на лежащую в постели Люси. Она задремала, хотя до вечера было еще далеко.

Остаток дня я провела за чтением. Энн с Мэри принялись наводить чистоту в комнате, где все и так было безупречно. Ни одна из нас не проронила ни слова, пока Люси не проснулась.

Я дала себе клятву, что, если это будет в моей власти, Люси никогда больше не придется пережить что-то подобное.

Глава 14

Как я и предсказывала, девушки, просившиеся домой, передумали, как только все улеглось. Ни одна из нас не знала точно, кто именно хотел уехать, но некоторые – и в их числе Селеста – были исполнены решимости это выяснить. Пока что нас оставалось двадцать семь.

Если верить королю, атака была настолько пустяковой, что не заслуживала упоминания в прессе. Однако, так как несколько съемочных групп в то утро направлялись во дворец, кадры попали в прямой эфир. Судя по всему, короля

это не обрадовало. Зато заставило меня задуматься о том, о скольких атаках, которым подвергся дворец, мы ничего не слышали. Неужели жизнь здесь опаснее, чем я себе представляла?

Сильвия объяснила, что если бы стычка была серьезней, нам всем разрешили бы позвонить родным и сообщить, что нам ничего не грозит. А так мы получили распоряжение послать домой письма.

Я написала, что со мной все в порядке, что по телевизору, наверное, все выглядело страшнее, чем было на самом деле, и что король лично позаботился о нашей безопасности. Попросила домашних не волноваться, добавила, что я по ним скучаю, и передала письмо служанке.

Следующий день после нападения прошел без происшествий. Я собиралась спуститься в Женский зал и заняться спасением репутации Максона в глазах других девушек, но, после того как застала Люси в смятенном состоянии, предпочла остаться в своей комнате.

Я не знала, чем занимали себя три мои служанки, когда меня не было, но в моем присутствии мы играли в карты и понемногу сплетничали.

Так я обнаружила, что за каждым десятком человек, которых видно во дворце, стоит еще сотня, если не больше, других, никому не заметных. Про поваров и прачек я знала, но существовали и люди, чьей единственной обязанностью было поддержание чистоты окон. На то, чтобы вылизать

все окна во дворце, у команды мойщиков окон уходила целая неделя, к концу которой вымытые первыми успевали запылиться и их пора было отдраивать заново. Кроме того, во дворце имелись ювелиры, изготавливавшие украшения для королевской семьи и подарки для гостей, и целые команды швей и закупщиков, благодаря кому королевская семья – а теперь еще и мы – одевалась с иголочки.

Выяснила я и другие вещи. Про охранников, которых мои служанки считали самыми симпатичными, и про кошмарную новую форму – в нее экономка заставляла прислугу облачаться на праздники. Что кое-кто из обитателей дворца делал ставки, какая из Избранных девушек выиграет, и что я входила в первую десятку. Про то, что младенец одной их поварих безнадежно болен. Когда Энн рассказывала об этом, на глазах у нее выступили слезы. Несчастная девушка – ее близкая подруга, и ребенок был у них с мужем очень долгожданным.

Я слушала болтовню служанок, порой вставляя словечко, и думала, что едва ли внизу интереснее и что я рада их обществу. А также спокойной и веселой атмосфере в комнате.

День прошел так приятно, что и на следующий я тоже не захотела выходить из комнаты. Мы открыли двери в коридор и на балкон, так что теплый ветерок просачивался внутрь и обдувал нас. На Люси он действовал поистине чудесным образом, и я задалась вопросом, насколько часто ей доводилось находиться на свежем воздухе.

Энн заметила что-то насчет того, что мне не подобает сидеть с ними и играть в карты, открыв все нараспашку, но почти сразу же оставила эту тему. Она быстро поняла, что не стоит пытаться сделать из меня даму, каковой, судя по всему, меня ожидали видеть.

Партия в карты была в самом разгаре, когда я краешком глаза заметила в дверях чей-то силуэт. На пороге стоял Максон, и вид у него был самый что ни на есть изумленный. В его взгляде явственно читался вопрос: чем это я здесь занимаюсь? Я с улыбкой поднялась и подошла к нему.

– Ах, боже милосердный, – пробормотала Энн, когда осознала, что в дверях стоит принц.

Она проворно смахнула карты в корзинку для шитья и вскочила. Мэри и Люси немедленно последовали ее примеру.

– Дамы, – произнес Максон.

– Ваше высочество. – Энн сделала книксен. – Такая честь для нас, сир.

– И для меня тоже, – с усмешкой отозвался он.

Девушки переглянулись, явно польщенные. Какое-то время все молчали, не очень представляя, что делать.

– Мы как раз собирались уходить, – внезапно подала голос Мэри.

– Да! Точно, – поддакнула Люси. – Мы… э-э… как раз… – Она беспомощно оглянулась на Энн.

– Планировали заняться доделкой платья, которое леди

Америка наденет в пятницу, – заключила Энн.

– Точно, – закивала Мэри. – Осталось всего два дня.

Они обошли нас по широкому кругу и двинулись к выходу. На лицах всех троих расплывались улыбки.

– Не смею отрывать вас от работы, – сказал Максон, провожая служанок взглядом. Их поведение явно его озадачило.

Очутившись в коридоре, все трое не к месту изобразили неуклюжие книксены и поспешно рванули прочь. Едва они завернули за угол, как по коридору разнеслось хихиканье Люси, а следом за ним яростное шиканье Энн.

– Ну и компания, – покачал головой Максон и, войдя в комнату, принялся оглядываться по сторонам.

– Они мне спуску не дают, – с улыбкой отозвалась я.

– Ты им явно пришлась по душе. Такое нечасто случается. – Он прекратил рассматривать мою комнату и сосредоточился на мне. – Я представлял себе твое жилище иначе.

Я развела руками:

– Это не совсем моя комната. На самом деле она принадлежит тебе, а я лишь временная гостья.

Он состроил гримасу:

– Тебе же наверняка сказали, что ты можешь изменить здесь все по своему вкусу. Поставить другую кровать, перекрасить стены.

– Слой краски на стенах не сделает все это моим, – пожала я плечами. – Такие девушки, как я, не живут в апартаментах с мраморными полами, – пошутила я.

Максон усмехнулся:

– А как выглядит твоя комната дома?

– Э-э… Слушай, а зачем ты вообще сюда пришел? – уклонилась я от ответа.

– А! У меня возникла одна мысль.

– Какая?

– Ну, – начал он, продолжая расхаживать по помещению, – я подумал, что, раз уж у нас с тобой не обычные отношения, как со всеми прочими девушками, наверное, нам нужен… альтернативный способ связи. – Он остановился перед зеркалом и принялся изучать фотографии моих родных. – Твоя младшая сестра похожа на тебя как две капли воды, – заметил он с изумлением в голосе.

Я подошла ближе:

– Нам постоянно это говорят. Так что ты сказал насчет способа связи?

Максон оставил в покое фотографии и направился к пианино в дальнем конце комнаты.

– Раз уж ты собралась мне помогать на правах друга, – многозначительно посмотрел он на меня, – наверное, нам не стоит полагаться на традиционные записки, передаваемые через служанок, и официальные приглашения на свидание. Я размышлял на тему чего-нибудь менее официального. – Он взял с крышки инструмента ноты. – Ты привезла их с собой?

– Нет, они были здесь. Все, что мне может захотеться исполнить, я играю по памяти.

– Впечатляюще, – вскинул брови Максон.

Он пошел в мою сторону, явно не собираясь продолжить объяснения.

– Ты не мог бы прекратить совать всюду нос и закончить мысль?

– Ладно, – вздохнул Максон. – Я пришел к выводу, что мы могли бы использовать какой-нибудь условный знак или что-то в этом роде, некий способ дать другому понять, что нужно поговорить, так, чтобы об этом никто, кроме нас, не догадался. Ну, например, потереть нос? – Он туда-сюда провел пальцем над верхней губой.

– Это выглядит так, как будто у тебя забит нос. Не слишком привлекательно.

Он взглянул на меня с легким недоумением и кивнул:

– Прекрасно. Тогда, может, просто провести пальцами по волосам?

Я немедленно отрицательно покачала головой:

– У меня в волосах практически всегда полно шпилек. В прическу пальцы не запустишь. И потом, вдруг ты будешь в короне? Ты просто собьешь ее с головы.

Он в задумчивости наставил на меня палец.

– Да, это я как-то не учел. Гм. – Он вновь пошел по комнате дальше, продолжая размышлять вслух, и остановился у тумбочки в изголовье моей кровати. – А как тебе идея потянуть себя за ухо?

Я прикинула.

– А что, мне нравится. Это достаточно просто, чтобы никто не обратил внимания, но не настолько обычный жест, его не спутать с другим. Да, пожалуй, это и будет наш условный знак.

Максон был поглощен чем-то, но обернулся ко мне и улыбнулся:

– Я рад, что ты одобрила. Когда в следующий раз тебе понадобится меня увидеть, потяни себя за ухо, и я приду, как только смогу. Скорее всего, после ужина, – заключил он, пожимая плечами.

Прежде чем я успела спросить, что мы будем делать, если за ухо потянет он, Максон показал на мою склянку:

– А это что за штуковина?

– Боюсь, объяснить это невозможно, – вздохнула я.

Наступила пятница, а с ней и время нашего дебюта в «Вестях столицы». Участие в программе было обязательным, но на этой неделе от нас требовалось лишь присутствовать в кадре. Учитывая разницу во времени, мы должны были явиться к пяти, отсидеть час и отправиться на ужин.

Энн, Мэри и Люси одевали меня с особой тщательностью. На этот раз платье было темно-синее с фиолетовым отливом. Облегающее в бедрах, оно ниспадало сзади гладкими атласными волнами. Мне просто не верилось, что я прикасаюсь к чему-то столь прекрасному. Одну за другой служанки застегнули все пуговички на спине, потом закололи волосы шпиль-

ками с жемчужинами. Наряд дополнили крохотные жемчужные сережки и ожерелье из тончайшей проволоки с разбросанными по ней жемчужинками, которые, казалось, парили в воздухе вокруг шеи. На этом приготовления были окончены.

Я посмотрелась в зеркало. Это по-прежнему была я. Такой красивой мне видеть себя еще не доводилось, но из зеркала определенно смотрела я сама. С тех пор как мое имя прозвучало с экрана, мне не давал покоя страх, что из меня сделают нечто неузнаваемое – увешанное драгоценностями и замазанное слоями штукатурки до такой степени, что потом придется неделями соскребать все это. Но на данный момент я по-прежнему оставалась Америкой.

И, как это всегда со мной случалось, я обнаружила, что покрылась испариной, пока шла из комнаты в помещение, использовавшееся для записи королевских обращений. Нам велели явиться за десять минут. Для меня это значило быть за пятнадцать. А для девушек вроде Селесты – скорее за три. Так что наше прибытие в студию изрядно растянулось.

Повсюду сновали толпы людей, занятых последними приготовлениями к съемке. На сцене в несколько ярусов установили сиденья для Избранных. Члены совета, узнаваемые в силу многолетних еженедельных мельканий в эфире «Вестей», были уже здесь, изучали свои шпаргалки и поправляли галстуки. Стайка конкурсанток охорашивалась перед зеркалами и оглаживала свои экстравагантные платья. Вокруг кипела бурная деятельность.

Я оглянулась и стала свидетельницей нескольких мгновений из жизни Максона. Его мать, прекрасная королева Эмберли, убрала с его лба выбившуюся непокорную прядь. Молодой человек одернул пиджак и что-то сказал ей. Она ободряюще ему кивнула, и Максон улыбнулся в ответ. Я бы понаблюдала за ними еще, но тут явилась Сильвия, чтобы отвести меня на место.

– Проходите наверх, леди Америка, – сказала она. – Можете сесть, где захотите. Передний ряд уже весь занят. – Все это она произнесла с сочувственным видом, как будто была убеждена, что принесла мне плохую новость.

– Ой, спасибо, – обрадовалась я и довольная отправилась на самый верх.

Подниматься по узким ступенькам в обтягивающем платье и в состоящих из одних ремешков босоножках на высоком каблуке было не слишком удобно. Неужели обязательно было их надевать? Все равно под длинным платьем мои ноги никому не видны. Однако я справилась. В студию вошла Марли. Увидев меня, замахала рукой и устремилась ко мне. То, что она предпочла сесть со мной, хотя могла бы занять место во втором ряду, значило для меня очень много. Она умела быть верной. Из нее должна выйти отличная королева.

На ней было переливающееся желтое одеяние. С белокурыми волосами и загорелой кожей, Марли, казалось, излучает сияние.

– Марли, какое платье! Ты выглядишь фантастически!

– Ах, благодарю. – Она залилась румянцем. – Я боялась, что будет перебор.

– Вовсе нет! Поверь мне, оно изумительно на тебе выглядит.

– Я хотела с тобой поговорить, но ты все не появлялась. Может, завтра получится? – шепотом спросила она.

– Конечно. В Женском зале, да? Завтра как раз суббота, – так же едва слышно отозвалась я.

– Договорились, – ответила она.

Сидевшая прямо перед нами Эми обернулась:

– Мне кажется, у меня сейчас вся прическа развалится. Девочки, вы не могли бы посмотреть?

Без единого слова Марли запустила тонкие пальцы в локоны Эми и проверила, как держатся шпильки.

– Так лучше?

– Да, спасибо, – вздохнула Эми.

– Америка, у меня на зубах нет помады? – спросила Зои.

Я повернулась налево и обнаружила ее отчаянно растягивающей губы в улыбке, обнажавшей все тридцать два безупречно-белых зуба.

– Нет, все в полном порядке, – заверила я и краешком глаза заметила, как Марли закивала в подтверждение моих слов.

– Спасибо. Как он умудряется сохранять такое спокойствие? – Зои указала на Максона, который о чем-то беседовал с членом съемочной группы.

Она наклонилась вперед, так что голова оказалась между колен, и глубоко задышала, пытаясь справиться с волнением.

Мы с Марли переглянулись с широко раскрытыми от изумления глазами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Глядя на Зои, делать это было трудновато, поэтому мы принялись рассматривать, во что одеты остальные. На нескольких девушках были платья обольстительных красных и ярких зеленых оттенков, а вот в синем, кроме меня, никого. Зато Оливия вырядилась в оранжевое. Я, конечно, в моде не разбиралась, но мы с Марли сошлись во мнении, что зря ее никто не отговорил от такого наряда. Кожа у нее казалась какой-то зеленоватой.

За две минуты до того, как включили камеры, до нас дошло, что зеленая она не из-за платья. Она с шумом извергла содержимое желудка в ближайшую мусорную корзину и рухнула на пол. Рядом с ней тут же материализовалась Сильвия. Со лба Оливии утерли пот, а ее саму пересадили в задний ряд с небольшой емкостью в ногах – на всякий случай.

Прямо перед ней сидела Бариель. Со своего места я не слышала, что она прошипела бедняжке, но, судя по выражению лица, она готова была пришибить Оливию, если ту настигнет очередной приступ тошноты.

Я подумала, что Максон наверняка должен был обратить внимание на это маленькое происшествие, и вскинула голову, чтобы посмотреть, отреагировал он на него как-то или нет. Однако его взгляд оказался устремлен вовсе не на Оли-

вию, а на меня. Быстро – так быстро, что любой другой человек решил бы, что принц просто почесался, – Максон поднял руку и потянул за мочку уха. Я повторила его жест, и мы оба отвернулись.

Мысль, что сегодня вечером после ужина Максон ко мне зайдет, обрадовала.

Внезапно заиграл гимн, и на небольших экранах, развешенных по периметру комнаты, появился национальный герб. Я поерзала и распрямила спину. Сейчас я была в состоянии думать лишь о том, что сегодня вечером семья увидит меня по телевизору, и хотелось, чтобы они могли мной гордиться.

Король Кларксон с трибуны заговорил о непродолжительном нападении на дворец, полностью провалившемся. Я, впрочем, не сказала бы, что оно не имело успеха. Большинство из нас были напуганы до чертиков. Одно заявление следовало за другим, и я изо всех сил старалась вникать во все, что говорилось, но это оказалось очень сложно. Я-то привыкла воспринимать новости, устроившись калачиком на уютном диване с миской попкорна, с комментариями родных.

Повстанцы фигурировали во множестве выступлений: на них возлагали ответственность то за одно, то за другое. Строительство дорог в Самнере шло с отставанием от графика из-за бунтовщиков, и нехватка местных чиновников в Этлине объяснялась тем, что тех отправили в Сент-Джордж,

поскольку местные власти не справлялись с беспорядками, спровоцированными все теми же преступниками. Я представления не имела ни о том ни о другом. Сравнивая то, что я видела и слышала, пока росла, и то, что я успела узнать за время пребывания во дворце, я начала задаваться вопросом, что вообще известно о повстанцах. Может, конечно, я что-то не так понимала, но мне казалось, нельзя сваливать все, что в Иллеа шло не так, на происки отдельных групп.

Затем, словно материализовавшись из воздуха после анонса главного распорядителя, на сцене появился Гаврил.

– Добрый всем вечер. Сегодня я должен сделать специальное заявление. Итак, Отбор продолжается уже целую неделю и восемь конкурсанток уже уехали по домам, сузив тем самым выбор принца Максона до двадцати семи прекрасных девушек. На следующей неделе большая часть выпуска «Вестей столицы» будет посвящена знакомству с этими потрясающими юными леди.

Я почувствовала, как на висках выступили бисеринки пота. Молча сидеть на месте и блистать красотой мне вполне по силам. Но отвечать на вопросы? Я знала, что победительницей в Отборе все равно не буду, так что загвоздка не в этом. Просто очень не хотелось выставить себя идиоткой перед всей страной.

– Прежде чем перейти к дамам, давайте уделим минутку человеку часа. Ваше высочество, как поживаете? – осведомился Гаврил, направляясь к юноше.

Этот вопрос застал Максона врасплох. У него не было микрофона, и он не заготовил заранее никаких ответов.

За мгновение до того, как Гаврил сунул свой микрофон под нос принцу, я поймала его взгляд и подмигнула ему. Этого нехитрого приема оказалось достаточно, чтобы вызвать у Максона улыбку.

– Прекрасно, Гаврил, спасибо.

– Нравится ли вам находиться в обществе этих девушек?

– О да! Возможность узнать каждую из них поближе доставила мне огромное удовольствие.

– Ну и как, все они такие кроткие и милые создания, впечатление которых производят? – поинтересовался Гаврил.

Я улыбнулась, предвкушая ответ Максона. Потому что догадывалась, каким он будет.

– Ну-у… – Максон устремил взгляд поверх плеча Гаврила на меня. – Почти.

– Почти? – переспросил с изумлением Гаврил и обернулся к нам. – Неужели кто-то из них оказался с характером?

К счастью, все девушки как одна негромко захихикали, так что на меня никто не обратил внимания. Вот предатель маленький!

– Что именно сделали эти девушки? – наседал Гаврил на Максона.

– Ну ладно, расскажу. – Максон закинул ногу на ногу и поудобнее расположился в кресле. Пожалуй, я никогда еще не видела его таким раскованным, как сейчас, когда он сидел

на сцене и подтрунивал надо мной. – У одной из них хватило дерзости накричать на меня при первой же нашей встрече. Меня отчитали, как мальчишку.

Король с королевой на заднем плане переглянулись. Судя по всему, они тоже ничего об этом не знали. Девушки вокруг принялись недоуменно переглядываться. До меня ничего не доходило, пока я не услышала вопрос Марли:

– Не помню, чтобы кто-то накричал на него в Главном зале. А ты?

Максон, похоже, позабыл, что сам просил сохранить нашу первую встречу в тайне.

– Полагаю, он слегка преувеличивает ради красного словца. Я как-то сказала ему в разговоре несколько серьезных вещей. Возможно, он имеет в виду меня.

– Отчитали, вы говорите? За что? – не унимался Гаврил.

– Честно говоря, я и сам не вполне понял. Думаю, причиной всему был приступ тоски по дому. Поэтому я, разумеется, простил виновницу.

Максон вел себя совершенно непринужденно, беседуя с Гаврилом так, как будто, кроме них двоих, в студии больше никого не было. Я сделала себе мысленную отметку не забыть сказать ему, что он отлично держался.

– Значит, она до сих пор среди нас? – Гаврил с широкой ухмылкой обвел взглядом аудиторию и вновь вернулся к принцу.

– О да, она до сих пор здесь, – ответил Максон, не сводя

взгляда с лица Гаврила. – И я намерен надолго ее задержать.

Глава 15

Ужин прошел удручающе: в меня практически ничего не влезло. Я решила, что на следующей неделе нужно будет непременно предупредить служанок, чтобы не зауживали больше так мои платья в талии.

Энн, Мэри и Люси уже поджидали, желая помочь раздеться. Пришлось объяснить, что это несколько рановато. Энн первой догадалась о предстоящем визите Максона, ведь обыкновенно мне не терпелось поскорее избавиться от тесных нарядов.

– Если хотите, мы можем подождать. Нам не трудно, – с надеждой в голосе предложила Мэри.

Памятуя сумятицу, которую вызвал у них прошлый визит Максона, я решила, что лучше всего будет в таких случаях отпускать их пораньше. Кроме того, мне вовсе не хотелось, чтобы они сидели и смотрели на меня в ожидании его прихода.

– Нет-нет. Все в порядке. Если понадобится помощь с платьем, я позвоню.

Они неохотно потянулись к выходу, а я осталась ждать принца. Неизвестно, когда он появится, потому глупо приниматься за чтение, чтобы тут же прерваться, или садиться за пианино, чтобы тут же вскочить. В конце концов я про-

сто прилегла на кровать. Мысли разбегались. Я подумала о Марли и ее доброте. А ведь, за исключением не значительных подробностей, мне почти ничего о ней не было известно. И все же я верила, что в ее поведении не было лжи. Тут мысли перескочили на девушек, которые были фальшивыми насквозь. Интересно, Максон видел эту разницу?

Принц казался таким проницательным и неискушенным одновременно. Он вел себя достаточно по-джентльменски, но стоило ему очутиться слишком близко, как его высочество терял над собой контроль. Похоже, Максон превосходно умел вести себя с дамами, но представления не имел, как держаться на свидании.

Полная противоположность Аспену.

Аспен.

Его имя и образ вспыхнули в мозгу так неожиданно, что я не успела даже опомниться. Аспен. Чем-то он сейчас занят? В Каролине скоро уже должен наступить комендантский час. Он, наверное, еще работает, если сегодня вообще выходил на работу. А может, отправился куда-нибудь с Бренной или какой-нибудь другой девушкой, на которую решил переключиться после того, как мы расстались. Я разрывалась между желанием знать… и желанием съежиться при одной только мысли об этом.

Взглянула на склянку. Потом взяла ее в руки. Одинокая монетка на дне потерянно звякнула.

– Мне тоже одиноко, – прошептала я. – Мне тоже.

Глупо, наверное, было тащить ее с собой. Я оставила все остальное позади, так зачем цепляться за одну-единственную монетку? Неужели это все, что мне осталось? Монетка в стеклянной банке. Ее когда-нибудь я покажу своей дочери, рассказывая о своей тайной первой любви.

Но всласть предаться сожалениям мне не дали. В дверь решительно постучали. Максон! Я вдруг неожиданно для себя самой со всех ног бросилась к двери и распахнула ее настежь.

Максон явно не ожидал увидеть на пороге меня.

– Куда запропастились служанки? – поинтересовался он, оглядев комнату.

– Ушли. Я отсылаю их после ужина.

– Каждый день?

– Ну да. Я пока еще в состоянии снять с себя платье без посторонней помощи, слава тебе господи.

Максон вскинул брови и улыбнулся. Я залилась краской. Двусмысленно получилось.

– Возьми накидку. На улице прохладно.

Мы двинулись по коридору. В мозгу все еще крутились отголоски недавних мыслей, а Максон – это мне уже было известно – не слишком хорошо умел завязывать разговоры. Впрочем, я практически сразу же взяла его под руку. Хоть тут ясно, что делать.

– Если ты против, чтобы при тебе неотлучно находились служанки, я поставлю перед твоей дверью охранника.

– Еще чего! Мне не нужна нянька!

– Он будет снаружи, – фыркнул принц. – Ты даже не догадаешься о его присутствии.

– А вот и догадаюсь, – жалобно отозвалась я. – Почувствую.

Максон издал преувеличенно тяжелый вздох. Я была так поглощена спором, что не услышала шушуканья, пока его источник не оказался практически у нас под носом. Селеста, Тайни и Эммика направлялись мимо нас в свои комнаты.

– Дамы, – произнес Максон и легким кивком поприветствовал их.

Наверное, глупо было рассчитывать, что нас никто не увидит. Щеки запылали, хотя непонятно с чего.

Девушки сделали книксен и поспешили прочь. Я оглянулась им вслед. Вид у Тайни с Эммикой был заинтригованный. Через несколько минут о свидании будут знать все. Завтра наверняка замучают вопросами. Селеста смотрела на меня как на врага. Она явно считала, что я нанесла ей личное оскорбление.

Я отвернулась и произнесла первое, что пришло в голову:

– Я же говорила тебе, что девушки, которые перенервничали во время нападения, передумают уезжать.

Я не знала, кто именно просился домой, но ходили слухи, что среди них была и Тайни. Она тогда упала в обморок. Поговаривали еще про Бариель, но я знала, что это неправда. Лишить ее шанса заполучить корону можно, только убив.

– Не представляешь, какое это облегчение.

Его слова показались мне искренними.

Я не сразу сообразила, что сказать, поскольку ожидала не совсем такого ответа и к тому же всецело сосредоточилась на том, чтобы не упасть. Слишком сложно спускаться по лестнице на каблуках. Что ж, если оступлюсь, он, по крайней мере, меня поймает.

– На мой взгляд, в каком-то смысле это все оказалось бы весьма кстати, – проговорила я, когда мы добрались до первого этажа и былая уверенность вернулась. – Ну, то есть, полагаю, это очень сложно – выбрать из такого количества девушек одну-единственную. Разве тебе самому не будет легче, если кто-то отсеется в силу обстоятельств?

– Наверное, так оно и должно быть, – пожал плечами Максон. – Но почему-то на деле все получается совершенно наоборот, уверяю тебя, – с грустью признался принц. – Добрый вечер, господа, – поздоровался он с охранниками, которые без промедления распахнули перед нами двери в сад.

Пожалуй, стоит принять предложение Максона, пусть скажет им, что я обожаю гулять. Мысль о возможности в любой момент выбраться из дворца показалась заманчивой.

– Не понимаю.

Принц подвел меня к скамейке – уже нашей скамейке – и усадил лицом к ярко освещенному дворцу. Сам он уселся к зданию спиной, так что теперь мы смотрели прямо друг на друга. Так было легче разговаривать.

Максон замялся, как будто не мог решить, стоит рассказывать мне об этом или нет, потом набрал в грудь воздуха и все-таки заговорил:

– Возможно, я просто льщу себе, думая, что ради меня стоит идти на определенный риск. Нет, я, конечно, не хочу никого подвергать опасности! Я не совсем точно выразился. Просто… Не знаю. Неужели ты не видишь, чем рискую я сам?

– Э-э… нет. Рядом с тобой близкие, готовые дать тебе совет, а мы все подстраиваем свою жизнь под твое расписание. Твоя жизнь осталась прежней, тогда как наша в одночасье изменилась. Какие у тебя трудности?

Максон был явно ошеломлен.

– Америка, возможно, мои родные и рядом, но представь, как неловко ты себя чувствовала бы, если бы родители наблюдали за твоими попытками в первый раз в жизни пойти на свидание. И не только они, а вся страна! Но хуже всего то, что это и нормальным свиданием-то назвать нельзя! Что же касается того, что вы подстраиваетесь под мое расписание… Когда я не с вами, то разрабатываю военные операции, принимаю законы, крою́ и перекраиваю бюджеты… И все это в одиночку, пока отец наблюдает за тем, как я набиваю шишки, потому что не обладаю его опытом. А когда я неизбежно допускаю ошибки, он идет и исправляет их. И все время, пока я пытаюсь этим заниматься, мои мысли заняты исключительно вами – я имею в виду вас, девушек. Та-

кое количество сразу меня радует и пугает одновременно! – Он то и дело всплескивал руками и ерошил волосы. Я никогда еще не видела, чтобы он столько жестикулировал. – И ты считаешь, что моя жизнь не меняется? Как думаешь, каковы мои шансы найти среди вас свою половинку? Да я буду считать, что мне повезло, если обрету кого-то, способного стать моей спутницей до конца наших дней. А вдруг я уже отправил ее домой, потому что не уловил никакой волшебной искры, которая якобы должна была между нами проскочить? А вдруг она бросит меня при первых же намеках на опасность? А вдруг я вообще никого не найду? Что я тогда буду делать?

Начинал он свою речь гневно и запальчиво, но к концу его вопросы уже не были риторическими. Принц в самом деле не знал, как быть, если среди нас не найдется ни одной хотя бы отдаленно похожей на ту, которую он смог бы полюбить. Впрочем, больше всего Максона заботило другое – вероятность, что ни одна из девушек не полюбит его.

– Вообще-то, думаю, ты найдешь здесь свою половинку. Честно.

– Правда? – с надеждой в голосе спросил он.

– Конечно. – Я положила руку ему на плечо. Казалось, это прикосновение само по себе его приободрило. Интересно, часто ли вообще к нему кто-то просто так прикасался? – Если твоя жизнь, как ты говоришь, перевернулась вверх тормашками, значит суженая должна быть где-то поблизости. Могу сказать по собственному опыту, настоящая любовь

обычно случается в самый неподходящий момент. – Я слабо улыбнулась.

Мои слова, похоже, его обрадовали. И меня саму они тоже утешили, потому что я в них верила. И если мне не суждено оказаться вместе с моей половинкой, лучшее, что я могла сделать, – это помочь Максону обрести свою.

– Я очень надеюсь, что вы с Марли найдете общий язык. Она ужасно милая.

Максон странно поморщился:

– Ну да, похоже.

– Что не так? Разве плохо быть милой?

– Нет-нет. Все так. – Вдаваться в подробности он не стал. – Что ты все время высматриваешь? – спросил он неожиданно.

– Что?

– Ты постоянно переводишь взгляд с места на место. Вроде бы меня слушаешь, но такое впечатление, будто при этом что-то ищешь.

А ведь он был прав. На протяжении всей его короткой речи я непроизвольно оглядывала сад, окна и даже сторожевые башни, расположенные вдоль стены. Я медленно, но верно превращалась в параноика.

– Людей… Камеры… – Я покачала головой, вглядываясь во тьму.

– Мы здесь одни. Только у входа стоит охранник.

Максон махнул в сторону одинокого силуэта на фоне дворцовых огней. Он был прав, никто за нами не следил. И

в окнах горел свет, но никого видно не было. Я и сама уже успела прийти к такому же выводу, но получить от него подтверждение было приятно.

Я слегка расслабилась.

– Тебе не нравится быть на виду? – спросил он.

– Не слишком. Предпочитаю быть незаметной. Я к этому привыкла, понимаешь?

Палец скользил по замысловатому узору, украшавшему отполированную каменную плиту подо мной. В тот миг отчего-то не хотелось встречаться с принцем взглядом.

– Тебе придется к этому привыкать. Даже когда уедешь отсюда, все равно останешься в центре внимания. Мама до сих пор общается кое с кем из женщин, вместе с которыми принимала участие в Отборе. Их всех до сих пор считают важными персонами.

– Вот спасибо, – простонала я. – Только этого еще не хватало.

Вид у Максона сделался виноватый. Вот и очередное напоминание о том, чего это дурацкое состязание мне стоило и как бесповоротно изменился привычный мир. Это казалось нечестным.

Впрочем, не стоит вываливать все на Максона. Он был точно такой же жертвой, как и мы сами, хотя и в несколько ином смысле. Я вздохнула и снова посмотрела на него. На его лице была написана решимость.

– Америка, ты позволишь задать один личный вопрос?

– Возможно, – уклончиво ответила я.

Он невесело улыбнулся:

– Просто… В общем, я вижу, что тебе здесь совсем не нравится. Тебе не нравятся здешние правила, соревнование, одежда и… А, нет, еда тебе нравится. – Он улыбнулся. Я тоже. – Ты скучаешь по дому и по родным… И подозреваю, не только по ним. Все чувства написаны у тебя на лице большими буквами.

– Ну да. – Я закатила глаза. – Знаю.

– При этом ты предпочитаешь мучиться и страдать от тоски по дому, вместо того чтобы вернуться. Почему?

В горле встал ком, и я сглотнула его.

– Я не страдаю… И ты знаешь почему.

– Иногда вид у тебя вполне нормальный. Я вижу, как ты улыбаешься, когда разговариваешь с другими девушками, и за едой выглядишь очень даже довольной. Что есть, то есть. Но все остальное время ты кажешься такой печальной. Может, расскажешь?

– Это всего лишь очередная неудавшаяся история любви. Ничего интересного. Поверь мне.

«Пожалуйста, не заставляй меня. Не хочу плакать».

– К лучшему или к худшему, я хотел бы услышать еще одну историю настоящей любви, кроме истории моих родителей. Историю, которая произошла за пределами этих стен, этих правил и иерархии. Пожалуйста.

Истина заключалась в том, что я хранила эту тайну так

долго, что и помыслить не могла о том, чтобы облечь ее в слова. Больно даже вспоминать об Аспене. Не было уверенности, что смогу произнести его имя вслух. Собралась с духом. Максон успел стать другом. Он был так добр со мной. А еще всегда оставался предельно честным.

– Там, в нашем мире, – кивнула я в сторону бесконечной стены, – касты заботятся друг о друге. Иногда. Например, среди клиентов моего отца есть три семьи и каждая покупает у него в год хотя бы по одной картине. У меня есть семьи, которые всегда приглашают петь на их рождественских праздниках. Это наши покровители, понимаешь? В общем, мы были кем-то вроде покровителей для его семьи. Они Шестерки. Когда мы могли позволить себе нанять кого-нибудь для помощи по хозяйству, то всегда приглашали его мать. Я знала его с самого детства, но он старше, ближе по возрасту к моему брату. Они вечно устраивали всякие буйные игры, так что я старалась держаться подальше. Старший брат Кота художник, как и отец. Несколько лет назад одну из его металлических скульптур купили за большие деньги. Может, ты о нем даже слышал.

Максон беззвучно произнес: «Кота Сингер». Секунду спустя я увидела по его глазам, что он припоминает.

Я откинула волосы и собралась с духом.

– Мы все страшно обрадовались за Коту. Он долго трудился над этой скульптурой. А мы как раз тогда очень нуждались. Но Кота оставил почти все себе. Та работа сделала

ему имя. Клиенты начали обрывать телефон. Сейчас, чтобы заказать у него скульптуру, люди ждут очереди до посинения, а он заламывает дикие цены, потому что может себе это позволить. Думаю, слава слегка ударила ему в голову. Пятерки редко добиваются такой известности.

Тут наши глаза снова встретились, и я вспомнила о том, что для меня безвестность теперь тоже осталась в прошлом, хочу я того или нет.

– В общем, когда на него посыпались заказы, Кота решил отделиться от семьи. Старшая сестра как раз только вышла замуж, и мы потеряли ее доход. Потом Кота начал зарабатывать большие деньги и тоже ушел от нас. Но так не поступают. Нельзя вот так взять и бросить семью. Держаться вместе – единственный способ выжить.

Я увидела в глазах Максона понимание.

– Он оставил все деньги себе. Пытался с их помощью проложить себе дорогу наверх?

Я кивнула:

– Кота задался целью сделаться Двойкой. Если бы его устроило стать Тройкой или Четверкой, можно было заплатить за место в этой касте и помочь нам, но он прямо помешался на идее стать Двойкой. На самом деле это просто глупо. Он живет более чем в достатке, но нет, ему приспичило получить этот проклятый статус. Пока не добьется своего, не успокоится.

Максон покачал головой:

– На это может уйти вся жизнь.

– Если на его надгробии выбьют цифру «два», он будет счастлив.

– Вы с ним больше не близки?

– Сейчас – нет, – вздохнула я. – Первое время я думала, что не так его поняла. Решила, что он съехал от нас, чтобы быть независимым, а не чтобы отгородиться. В самом начале я была на его стороне. Когда Кота обзавелся собственной квартирой и студией, даже помогала ему обустраиваться. Он обратился к той же семье Шестерок, которую мы звали всегда, и их старший сын как раз оказался не занят и с радостью согласился. Он несколько дней работал у Коты, приводя все на новом месте в порядок. – Я умолкла и погрузилась в воспоминания. – В общем, я распаковывала коробки с вещами… И он тоже. Наши глаза встретились, и он вдруг не показался мне больше таким взрослым и буйным. Мы давно не виделись, понимаешь? Детство уже прошло. Весь день мы то и дело случайно касались друг друга, расставляя вещи. Он смотрел на меня и улыбался. Мне же казалось, что до этого я словно и не жила. В общем, я просто потеряла голову. – У меня сорвался голос, и наконец выступили слезы, копившиеся так долго. – Мы жили по соседству, так что я каждый день по нескольку раз выходила прогуляться в надежде увидеть его. Когда его мать приходила помогать нам по хозяйству, иногда брала его с собой. И тогда мы просто смотрели друг на друга – ничего иного нам не оставалось. – Я всхлип-

нула. – Он Шестерка, а я Пятерка, а законы… И моя мама! О, она пришла бы в ярость. Так что никто не должен был об этом знать. Вскоре я стала находить на своем окне приклеенные скотчем анонимные записки, в которых было написано, что я очень красивая и пою как ангел. Я знала, что они от него. Когда мне исполнилось пятнадцать, мама устроила вечеринку. Его семью тоже пригласили. Он подкараулил меня в уголке, протянул открытку и сказал, чтобы я прочитала ее, когда никого не будет поблизости. Когда я смогла это сделать, то обнаружила, что внутри нет ни имени, ни даже поздравления. Там было написано лишь «Домик на дереве. В полночь».

Глаза Максона расширились.

– В полночь? Но…

– Я регулярно нарушала закон Иллеа о комендантском часе.

– Ты могла угодить в тюрьму, – покачал головой он.

– Тогда это казалось несущественным, – пожала я плечами. – В тот вечер у меня было такое чувство, будто выросли крылья. Мне просто не верилось, что он хочет побыть наедине со мной. Вечером я ушла к себе в комнату и стала ждать у окна, глядя на домик на дереве на заднем дворе. Около полуночи увидела, как кто-то забрался в него. Помню, даже на всякий случай почистила зубы еще раз. Выбралась из окна и побежала в домик на дереве. Там меня ждал он. Сложно было в это поверить. Не помню, как все это началось, но скоро

мы признались друг другу в любви. Мы смеялись и не могли остановиться – от счастья, что испытываем друг к другу одинаковые чувства. Потому мне было не до переживаний по поводу нарушения комендантского часа и обмана родителей. Не волновало, что я Пятерка, а он Шестерка. И о будущем я тоже не задумывалась. Потому что для меня не было ничего важнее того, что он любил меня. А он любил меня, Максон, он очень меня любил.

Слезы хлынули снова. Я обхватила себя руками, ощущая отсутствие Аспена с такой остротой, как никогда прежде. Пока я рассказывала, все показалось еще более реальным. У меня не осталось иного выхода, кроме как закончить историю.

– Встречались тайком два года. Мы были счастливы, но он все время переживал, что приходится прятаться, что он не в состоянии дать мне то, чего, по его мнению, я заслуживала. Когда пришло приглашение участвовать в Отборе, он настоял на том, чтобы я подала заявку. – (Максон разинул рот.) – Я знаю. Это несусветная глупость. Но он всю жизнь ел бы себя поедом, если бы я не попыталась. А я была совершенно, совершенно уверена, что меня никогда не выберут. Ну кто я такая? – Я всплеснула руками. Ведь и правда до сих пор не могла прийти в себя. – От его матери я узнала, что он откладывает деньги, чтобы жениться на какой-то неизвестной девушке. Как я обрадовалась! Тайно устроила для него небольшой ужин в надежде, что смогу выманить у него пред-

ложение руки и сердца. Мне так этого хотелось! Но когда он увидел, сколько денег я на него потратила, то расстроился. Он очень гордый. Считал, что он должен меня баловать, а не наоборот. Видимо, в тот момент понял, что никогда этого не сможет. Ну и порвал со мной, вместо того чтобы сделать предложение… Неделю спустя я узнала, что меня выбрали.

Максон прошептал что-то нечленораздельное.

– В последний раз я видела его, когда меня провожали сюда, – выдавила я. – Он был с другой девушкой.

– Что?! – ахнул Максон.

Я закрыла лицо:

– Это сводит меня с ума. У него всегда не было отбоя от девчонок, а теперь нет никаких причин им отказывать. Может, он сейчас с той самой девушкой, с которой приходил на мои проводы, не знаю. И я не в силах ничего изменить. Но одна мысль о том, что приеду домой и буду вынуждена все это видеть… Я просто не могу… – Я плакала и плакала, и Максон не пытался остановить меня. Когда слезы наконец начали иссякать, снова заговорила: – Максон, я надеюсь, ты найдешь ту, без которой не сможешь жить. Правда. И еще надеюсь, что тебе никогда не придется узнать, каково это – пытаться жить без нее.

На лице принца пусть и слабо, но все же отразилась моя боль. Рассказ явно его расстроил. И даже более того – рассердил.

– Прости. Я не… – Его лицо немного смягчилось. – Сей-

час подходящий момент, чтобы похлопать тебя по плечу?

Неуверенность в его голосе вызвала у меня улыбку.

– Да. Более чем подходящий.

В его взгляде отразилось сомнение, как и в прошлый раз, но вместо того, чтобы просто похлопать меня по плечу, он наклонился и нерешительно меня обнял.

– Никогда никого не обнимал, кроме мамы. Так хорошо?

– Сложно обнять кого-то неправильно, – рассмеялась я и после непродолжительной паузы призналась: – Хотя я понимаю, что ты имеешь в виду. Я на самом деле тоже если и обнимаюсь, то только со своими родными.

После долгого дня, проведенного в неудобной одежде на съемках «Вестей», за ужином и за разговорами, я чувствовала себя совершенно опустошенной. В объятиях Максона, который время от времени даже легонько поглаживал меня по волосам, было так уютно. Несмотря на растерянный вид, вел он себя вполне правильно. Принц терпеливо ждал, пока я перестану всхлипывать, а потом отстранился, чтобы взглянуть на меня.

– Америка, даю тебе слово, что буду держать тебя здесь до последнего. Насколько я понимаю, они хотят, чтобы из всей Элиты я оставил троих и затем сделал окончательный выбор. Но клянусь, что оставлю двоих и продержу тебя во дворце до этого момента. Я не отправлю тебя домой, пока мне не придется это сделать. Или пока ты сама не будешь готова уехать. Смотря что случится раньше. – (Я кивнула.) – Знаю, мы с

тобой знакомы всего ничего, но думаю, что ты чудесная девушка. И мне больно видеть тебя такой расстроенной. Окажись он здесь, я бы… я бы… – Максон содрогнулся от возмущения, потом вздохнул. – Мне очень жаль.

Он снова притянул меня к себе, и я склонила голову на его широкое плечо. Я знала, что Максон держит обещания. Вот уж никогда бы не поверила, что найду здесь подлинное утешение.

Глава 16

На следующее утро я проснулась с опухшими веками. Хорошо, что все рассказала Максону. Кто бы мог представить, что дворец – золотая клетка – окажется единственным местом, где я смогу позволить себе начистоту говорить обо всех своих чувствах.

За ночь события предыдущего вечера успели улечься в голове, и я была уверена, что здесь мне ничто не грозит. На то, чтобы отобрать из тридцати пяти девушек одну-единственную, у Максона уйдет несколько недель, если не месяцев. А мне не нужно ничего, кроме времени и места, где можно зализать раны. Уверенности, что когда-нибудь смогу забыть Аспена, не было. Мама как-то сказала, что первая любовь остается в сердце навсегда. Но может быть, за это время я хотя бы смогу немножко прийти в себя.

Служанки ни словом не обмолвились о моих заплаканных

глазах, лишь молча позаботились о том, чтобы снять припухлость. Равно как не задали ни единого вопроса про спутанные волосы – молча привели их в порядок. Я была им очень за это благодарна. Дома, даже если все видели, что мне грустно, никто не бросался на помощь. Здесь же я чувствовала, что все беспокоятся обо мне и окружают безграничной заботой.

Была суббота, так что никаких мероприятий не планировалось, но всем предписывалось находиться в Женском зале. По субботам во дворце бывали гости, и нас заранее предупредили, что с нами могут захотеть встретиться. Меня такая перспектива не слишком вдохновляла, но зато я смогла впервые нарядиться в новенькие джинсы. Разумеется, так безупречно ни одни джинсы еще не сидели. Возможно, раз уж у нас с Максоном завязались такие приятельские отношения, он позволит мне оставить их себе, когда я буду уезжать домой.

Медленно спустилась по лестнице. Усталость прошлой ночи давала о себе знать. Не успела я дойти до Женского зала, как донесся гул голосов, а стоило переступить порог, как налетела Марли и потащила к двум креслам в углу.

– Ну, наконец-то! – воскликнула она. – Я уже заждалась.

– Прости. Я вчера поздно легла и поэтому заспалась.

Должно быть, она уловила печальные нотки в моем голосе, потому что внимательно посмотрела на меня, но предпочла тактично сосредоточиться на джинсах.

– Потрясающие джинсы.

– Знаю. У меня никогда ничего подобного не было. – Голос немного повеселел. Я решила вернуться к своему прежнему правилу: во дворце Аспену места нет. Отбросила мысли о нем и сосредоточилась на втором по значимости для меня здесь человеке. – Извини, что заставила тебя ждать. О чем ты хотела поговорить?

Марли заколебалась. Мы уселись, и она закусила губу. Поблизости никого не было. У нее, похоже, был какой-то секрет.

– Вообще-то, я подумала, может, не стоит тебе об этом рассказывать. Иногда я забываю, что мы все-таки соперницы.

Вот оно что. Ее секрет имел отношение к Максону. Мне необходимо это услышать.

– Марли, я разделяю твои чувства. Думаю, мы можем по-настоящему подружиться. Ну, не могу я считать тебя своим врагом, понимаешь?

– Угу. Ты такая милая. И люди тебя обожают. Ну, то есть, наверное, ты победишь…

В ее голосе послышалась легкая грусть.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не поморщиться или не рассмеяться.

– Марли, можно открыть тебе один секрет? – спросила я доверительно.

Очень надеялась, что она поверит в искренность моих

слов.

– Конечно. Какой угодно.

– Я не знаю, кто станет победительницей. На самом деле ею может оказаться любая в этой комнате. Наверное, каждая считает, что это будет она, но я точно знаю, что, если победа достанется не мне, я хочу, чтобы выиграла ты, потому как производишь впечатление человека справедливого и великодушного. Думаю, из тебя вышла бы отличная принцесса. Честное слово.

Это была почти вся правда.

– А ты умница и красавица, – прошептала она в ответ. – Из тебя тоже вышла бы отличная принцесса.

Я потупилась. Такая высокая оценка с ее стороны меня растрогала. Хотя мне каждый раз было немного неудобно, когда слышала такие слова в свой адрес. От Мэй, от Кенны, от моих служанок… Просто поразительно, сколько людей считали, что из меня могла бы получиться хорошая принцесса. Неужели никто не замечал моих изъянов? Манеры были далеки от утонченных. Не люблю командовать и не слишком организованна. Эгоистична, обладаю кошмарным характером и терпеть не могу находиться на публике. К тому же мне недостает смелости. А без смелости нечего и думать браться за подобную работу. Ведь это именно работа, а не только брак.

– У меня по поводу многих девушек примерно схожие мысли, – призналась она. – Такое чувство, что у любой есть

какие-то качества, которых я лишена и которые делают ее лучше меня.

– Ага, Марли, в том-то и соль. В каждой из тех, кто в этом зале, можно найти что-то особенное. Но вот только кто знает, что именно нужно Максону? – (Она покачала головой.) – Давай не будем об этом тревожиться. Можешь рассказать мне все, что пожелаешь. Я сохраню твои секреты, если ты сохранишь мои. Буду болеть за тебя, а ты, если хочешь, болей за меня. Хорошо иметь здесь друзей.

Она улыбнулась, потом огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто нас не слышит.

– У меня было свидание с Максоном, – прошептала Марли.

– Правда? – ахнула я.

Я понимала, что проявляю слишком большой интерес, но это сильнее меня. Мне хотелось знать, получилось ли у принца вести себя с ней более раскованно. И понравилась ли Марли ему.

– Он передал через моих служанок письмо с вопросом, может ли он увидеться со мной в четверг. – (Я улыбнулась, вспомнив о том, что ровно за день до этого мы с Максоном решили, что будем обходиться без этих формальностей.) – Я ответила: «Ну разумеется!» Как будто я могла бы ему отказать! Он зашел за мной, и мы прогулялись по дворцу. Говорили о кино, и оказалось, что нам нравятся одни и те же фильмы. Ты знаешь, что в подвале у них кинотеатр? Мы по-

шли именно туда.

– Нет.

Я никогда в жизни не бывала в кинотеатре, и мне не терпелось услышать, как там все устроено.

– О, это просто восторг! Широкие сиденья с откидывающимися спинками. Можно даже попкорн себе приготовить – там есть аппарат. Максон взял и сделал для нас двоих ведерко! Это было так здорово! Сначала он перелил масла, и первая порция сгорела. Пришлось вызвать кого-то, чтобы навели порядок, и делать все заново.

Я закатила глаза. Молодец Максон, ничего не скажешь. Ну ладно, Марли сочла, что это очень мило.

– Мы смотрели кино, а потом, когда под конец началась романтическая часть, он взял меня за руку! Я чуть в обморок не грохнулась! Ну, то есть я взяла его под локоть, когда мы гуляли, но так ведь положено. А тут он сам взял меня за руку…

Она со вздохом откинулась на спинку кресла.

Я захихикала. Марли, похоже, была без ума от него! Сработало!

– Жду не дождусь, когда он снова зайдет. Принц такой красивый, тебе не кажется? – спросила она.

Я помолчала.

– Ну да, он душка.

– Брось! У него такие глаза и такой голос! Когда он не смеется!

При одном воспоминании о смехе Максона я сама едва не покатилась от хохота. Он сначала в несколько толчков выдыхал из себя весь воздух, а потом слегка похрюкивал на вдохе, как будто никак не мог закончить смеяться.

– Ну да, смеется он действительно чудно, но это и забавно.

– Если тебе нравится наслаждаться звуком приступа астмы под ухом каждый раз, когда ты шутишь, то конечно.

Марли не выдержала и сложилась пополам, веселясь.

– Ладно-ладно, – сказала она, успокоившись. – Но хоть что-то привлекательное ты должна в нем находить.

Я открыла рот, потом закрыла его, и так два или три раза. Так и подмывало подпустить еще какую-нибудь шпильку в адрес Максона, но выставлять его в глазах Марли в отрицательном свете было ни к чему. Потому я задумалась.

Что в Максоне привлекательного?

– Ну, он нормальный, если забывает про условности. Например, когда говорит, не заботясь о выборе слов, или когда смотрит на что-то, как будто… Как будто стремится увидеть скрытую красоту.

Марли улыбнулась, и я поняла, что она тоже уловила эту черту.

– А еще мне нравится, что он кажется искренне увлеченным, когда он с тобой, понимаешь, о чем я? Ну, несмотря на то что на нем лежит ответственность за целую страну и нужно делать тысячу разных вещей, кажется, что с тобой он обо всем забывает. Всецело посвящает себя тому, что в данный

момент перед ним. Это прекрасно. А еще… Только, чур, никому не проболтайся… Меня завораживают… Ну, в общем, его руки.

Я залилась краской. Кто тянул за язык? Разве нельзя было ограничиться общими ответами относительно его прекрасных душевных качеств? К счастью, Марли с готовностью подхватила эту тему.

– Да! Мышцы прямо так и чувствуются, несмотря на эти его толстые костюмы. Он, наверное, ужасно сильный, – затараторила она.

– Интересно почему? Ну, то есть зачем ему нужно быть таким сильным? Он ведь занят бумажной работой. Странно это.

– Может, любит подтягиваться перед зеркалом. – Марли скорчила гримаску и подняла свои тонкие руки.

– Ха-ха! Точно! А ты возьми и спроси его об этом!

– Ну уж нет!

Судя по всему, Марли отлично провела время. Интересно, почему Максон вчера с такой неохотой говорил на эту тему. Отреагировал, как будто они вовсе не встречались. Может, просто стеснялся?

Я обвела взглядом комнату и отметила, что вид у большей части девушек был напряженный и недовольный. Джанель, Эммика и Зои внимательно слушали Крисс. Рассказывая, она оживленно жестикулировала и улыбалась, в то время как Джанель озабоченно хмурилась, Зои грызла ногти.

Эммика с отсутствующим видом потирала шею чуть пониже уха, как будто ее мучила боль. Рядом с ними что-то горячо обсуждали Селеста с Анной. Селеста, по своему обыкновению, говорила с огромным апломбом. Марли проследила за направлением моих глаз и пояснила:

– Расстроены те, кто еще не был на свидании. Принц сказал, что только за четверг я у него вторая. Он пытается уделить время каждой.

– В самом деле? Думаешь, причина в этом?

– Ну да. Вот взять хотя бы нас с тобой. С нами обеими все в полном порядке, потому что он успел повидаться с каждой из нас наедине. Мы знаем, что нравимся ему, раз уж он пригласил нас на свидание и не отправил домой сразу же после него. Становится известно, кто уже побывал на свидании с ним, а кто нет. Они переживают, что он не спешит их звать, потому что они ему не приглянулись, а после того, как он все-таки с ними встретится, он может просто-напросто отправить их восвояси.

Почему он ничего мне не рассказал? Ведь мы же друзья! А это определенно не по-дружески. Судя по тому, как сияли счастливицы, он успел пообщаться по меньшей мере с десятком девушек. Мы с ним провели вместе значительную часть вчерашнего вечера, и он ни словом не обмолвился об этом! Хороший же он друг, если утаивает такие вещи, в то время как сам вытягивает из меня секреты.

Тьюзди, которая до этого момента с озабоченным видом

слушала Камиллу, поднялась и обвела взглядом зал. Заметив в уголке нас с Марли, она быстро подошла.

– А вы чем занимались на свидании с принцем? – спросила она без предисловий.

– Привет, Тьюзди, – весело поздоровалась Марли.

– Ох, помолчи! – воскликнула та и снова обернулась ко мне: – Давай, Америка, выкладывай.

– Я уже все рассказала.

– Нет. Я про вчерашний вечер!

Подошедшая горничная предложила чая, который я не прочь была выпить, но Тьюзди взмахом руки отослала ее.

– Откуда ты…

– Тайни видела вас и всем разболтала, – вмешалась Марли, пытаясь объяснить настроение Тьюзди. – Ты единственная, с кем он был наедине дважды. Многие девушки из тех, кто еще не ходил на свидание, жалуются. Они считают, что это несправедливо. Но ты же не виновата в том, что понравилась ему.

– Это совершенно нечестно, – буркнула Тьюзди. – Я ни разу не видела его, кроме как за едой, даже мельком. Чем это вы вдвоем занимались?

– Мы… э-э… бродили по парку. Он знает, что я люблю гулять на свежем воздухе. Просто общались. – Мне стало не по себе, как будто я сделала что-то неправильное.

Тьюзди так сверлила меня взглядом, что я не выдержала и отвернулась. Оказалось, что к разговору прислушиваются

многие девушки, сидящие за соседними столами.

– Вы просто разговаривали? – недоверчиво переспросила она.

– Ну да, – пожала я плечами.

Тьюзди фыркнула и отошла к столику Крисс. Та принялась в очередной раз с воодушевлением пересказывать свою историю. А я осталась, совершенно подавленная.

– Тебе нехорошо, Америка? – Голос Марли вернул меня к действительности.

– Нет-нет, все в порядке. А что?

– У тебя грустный вид.

Лоб Марли прочертила озабоченная морщинка.

– Да нет. Я ничуть не расстроена. Все замечательно.

Внезапно Анна Фармер – Четверка, зарабатывавшая на жизнь земледелием, – движением таким стремительным, что я не заметила бы его, не будь мы с Марли так близко, с размаху влепила Селесте пощечину.

Несколько человек, включая меня, ахнули. Те, кто все пропустил, обернулись и принялись спрашивать, что случилось. Особенно громко интересовалась Тайни. Ее пронзительный голос резал слух.

– Ох, Анна, нет, – вздохнула Эммика.

В следующий же миг до Анны начало медленно доходить, что она натворила. Теперь ее должны были отправить домой: нам запрещалось применять физическое насилие к другим Избранным.

Эммика чуть не плакала. Анна сидела молча, как громом пораженная. Обе они были с ферм и успели сдружиться. Я представить себе не могла, каково бы мне пришлось, если бы это Марли должна была внезапно уехать.

Анна, с которой я была едва знакома, всегда производила впечатление жизнерадостной девушки. Я знала, что обижать других не в ее характере. Когда напали повстанцы, она большую часть времени провела на коленях в молитве.

Без сомнения, ее спровоцировали, но их разговора с Селестой никто не слышал, и ничего доказать было невозможно. В том, что касалось их перепалки, слово Анны было против слова Селесты, но у Селесты полный зал свидетелей, которые могли подтвердить, что она получила пощечину. Скорее всего, Максону придется отослать Анну домой в назидание всем остальным.

Селеста шепнула что-то ей на ухо и быстро вышла. На глазах у Анны выступили слезы.

На ужине ее уже не было.

Глава 17

– Кто был президентом Соединенных Штатов во время Третьей мировой войны? – задала каверзный вопрос Сильвия.

Я не знала и потому спрятала глаза в надежде, что меня не вызовут. К счастью, Эми подняла руку и ответила:

– Уоллис.

Мы снова собрались в Главном зале. Неделя началась с урока истории. Или, точнее сказать, с экзамена по истории. Это одна из тех областей, в которых представления разных людей категорически не совпадают как в том, что касается непосредственно фактов, так и в их интерпретации. Истории мама всегда учила нас устно. Английским и математикой мы занимались по учебникам и рабочим тетрадям. События из прошлого, в истинности которых я была уверена, можно было пересчитать по пальцам.

– Верно. Уоллис был президентом до нападения Китая и продолжал возглавлять Соединенные Штаты на протяжении всей войны, – подтвердила Сильвия. Уоллис, Уоллис, Уоллис несколько раз повторила я про себя. Мне очень хотелось сохранить в памяти все это, чтобы потом рассказать Мэй и Джераду, когда вернусь домой, но мы так много всего зубрили, что запомнить все и ничего не перепутать было очень трудно. – Каковы причины вторжения? Селеста?

Та улыбнулась:

– Деньги. Американцы задолжали много денег и не могли вернуть долг.

– Превосходно, Селеста. – Сильвия посмотрела на девицу с обожанием. Как Селесте удавалось обводить людей вокруг пальца? Это бесило меня. – Когда Соединенные Штаты оказались не в состоянии выплатить астрономический долг, китайцы вторглись в страну. Но, к их несчастью, денег это

не принесло, поскольку Соединенные Штаты были банкротом. Однако они получили американскую рабочую силу. А когда Китай одержал победу, как переименовали Соединенные Штаты?

Я в числе нескольких других девушек подняла руку.

– Дженна, – кивнула Сильвия.

– Американский Штат Китая.

– Верно. Американский Штат Китая внешне ничем не отличался от прежней страны, но это был всего лишь фасад. На самом деле рычаги управления были сосредоточены в руках китайцев. Они влияли на все крупные политические события и изменяли законодательство в свою пользу.

Сильвия неторопливо прохаживалась между столами. Я чувствовала себя мышью, над которой кружит ястреб, неумолимо сужая витки.

Я обвела зал взглядом. Вид у большинства девушек был озадаченный. А я-то думала, что это известно всем и каждому.

– Кто-нибудь может что-то добавить?

– Вторжение Китая побудило некоторые страны, в частности европейские, объединиться и образовать альянсы, – подала голос Бариель.

– Совершенно верно, – одобрила Сильвия. – Но у Американского Штата Китая в то время не было таких друзей. Им потребовалось пять лет только на то, чтобы перегруппироваться, и они едва-едва справились с этим. Ни о каких аль-

янсах даже речи не шло. – Она попыталась передать сложность того периода утомленным взглядом. – АШК собирался нанести Китаю ответный удар, но столкнулся еще с одним нападением. Какое государство попыталось захватить АШК потом?

На этот раз поднялся лес рук.

– Россия, – произнес кто-то без спросу. Сильвия огляделась вокруг в поисках нарушительницы порядка, но не нашла ее.

– Правильно, – с оттенком неудовольствия в голосе сказала она. – Россия начала экспансию в обоих направлениях и потерпела сокрушительное поражение, а этот проигрыш дал АШК возможность нанести ответный удар. Каким образом?

Крисс подняла руку и протараторила:

– Все государства, расположенные на территории Северной Америки, сплотились, чтобы дать отпор России, поскольку ее конечной целью явно был не только АШК. А воевать с Россией было проще, так как она вела войну еще и с Китаем, в свою очередь пытавшимся захватить часть ее территорий.

Сильвия гордо улыбнулась:

– Верно. А кто возглавил борьбу против России?

– Грегори Иллеа! – хором воскликнул весь зал. Некоторые девушки даже захлопали в ладоши.

Сильвия продолжила:

– И это привело к рождению нашего государства. Альян-

сы, созданные АШК, слились в единый фронт, но репутация США была настолько испорчена, что никто не хотел вновь носить это название. Так что новое государство, образовавшееся под руководством Грегори Иллеа, получило его имя. Он спас нашу страну.

Эммика подняла руку, и Сильвия кивнула.

– У всех нас в некотором роде есть с ним что-то общее. Ну, ведь нам предстоит послужить нашей стране. Он был самым обычным гражданином, пожертвовавшим свои деньги и знания. И он все изменил, – с изумлением в голосе произнесла она.

– Прекрасно подмечено, – согласилась Сильвия. – И, как когда-то он, одна из вас войдет в королевскую семью. Грегори Иллеа стал королем, женившись на королевской дочери, и кому-то из вас предстоит выйти замуж за королевского сына.

Сильвия впала в благоговейный трепет, так что, когда Тьюзди подняла руку, отреагировала не сразу.

– Э-э… почему про это не пишут в книгах? Чтобы мы могли это выучить?

В ее голосе проскользнули раздраженные нотки.

Сильвия покачала головой:

– Дорогие девочки, историю не надо учить. Ее просто нужно знать.

– А мы определенно не знаем, – шепнула Марли, повернувшись ко мне.

Она улыбнулась собственной шутке, потом снова устре-

мила взгляд на Сильвию.

Я задумалась о том, что у каждой из нас была своя история, и об истине нам оставалось лишь догадываться. Почему у нас не было учебников истории?

Мне вспомнилось, как несколько лет назад я отправилась в родительскую спальню за книгой: мама разрешила мне прочитать что-нибудь к уроку литературы по собственному вкусу. Разглядывая корешки, я заметила в дальнем углу пухлый затрепанный томик и вытащила его на свет. Это оказался учебник по истории США. Через несколько минут в комнату вошел папа, увидел, чем я занята, и сказал, что я могу читать дальше, но только если никому не буду говорить об этом.

Когда папа попросил меня не распространяться о том, что читаю, я беспрекословно ему повиновалась. Мне нравилось просматривать эти страницы. Ну, те из них, которые еще можно было разобрать. Многих недоставало; обрез книги выглядел так, словно она побывала в огне, но именно в ней я увидела изображение древнего Белого дома и узнала про праздники прошлого.

Мне никогда и в голову не приходило задумываться о недостатке правды, пока мне не ткнули этим в нос. Зачем королю нужно, чтобы мы терялись в догадках?

Вспышки сверкнули в очередной раз, озарив широко улыбающихся Максона и Натали.

– Натали, опустите, пожалуйста, подбородок чуть пониже. Вот так. – Фотограф снова щелкнул затвором камеры, и комнату залил резкий свет. – Думаю, этого достаточно. Кто следующий? – спросил он.

Откуда-то сбоку появилась Селеста. Служанки продолжали хлопотать вокруг нее, пока фотограф вновь не взялся за аппаратуру. Натали, не спешившая отходить от Максона, что-то прошептала ему и кокетливо шаркнула ножкой. Он негромко ответил, и она, хихикнув, удалилась.

После вчерашнего урока истории нам сказали, что снимки будут делать просто для развлечения публики, но я не могла отделаться от мысли, что во всем этом присутствует некий тайный смысл. В каком-то журнале вышла статья о том, как должна выглядеть принцесса. Я ее не читала, зато Эммика и еще кто-то из девушек ознакомились. По их словам, там было написано, что Максон должен выбрать ту, которая будет выглядеть по-настоящему царственно и хорошо выходить на фотографиях и марках Иллеа.

Так что теперь мы все, одетые в абсолютно одинаковые кремовые платья с заниженной талией и рукавами-крылышками и тяжелой алой лентой через плечо, по очереди фотографировались с Максоном. Удачные фотографии будут опубликованы в том же журнале, и редколлегия собиралась сделать свой выбор. Меня все это не слишком вдохновляло. С самого начала я боялась, что Максон ищет лишь смазливую мордашку. Теперь, после знакомства с ним, я была уве-

рена, что это не так, но, похоже, люди считали, что цель Максона именно такова.

Я вздохнула. Часть девушек прогуливались по помещению, жуя еду, которой невозможно было испачкаться, и болтая. Большинство же, включая меня саму, выстроились вдоль декораций, установленных в Главном зале. Со стены свисал огромный золотой гобелен, тянувшийся по полу и напоминавший мне чехол для защиты от пыли, которым папа пользовался дома. С одной его стороны поставили небольшой диванчик, с другой водрузили колонну. Посередине возвышался герб Иллеа, призванный, видимо, привнести во всю эту дурацкую затею дух патриотизма. Мы наблюдали за тем, как одна конкурсантка за другой идут фотографироваться, и многие шепотом повторяли, что им нравится, а что нет и что собираются делать они сами.

Сверкая глазами, Селеста направилась к Максону, и он улыбнулся ей. Подойдя к нему, она что-то прошептала принцу на ухо. Не знаю уж, что она ему сказала, но Максон со смехом запрокинул голову, а потом кивнул, соглашаясь с ее маленьким секретом. Меня это задело. Как мог человек, явно находивший удовольствие в нашем совместном времяпрепровождении, с неменьшей радостью общаться с таким человеком, как она?

– Так, мисс, смотрите в камеру и улыбайтесь, пожалуйста, – велел фотограф, и Селеста немедленно подчинилась.

Она развернулась к Максону и положила ладонь ему на

грудь, голову склонила чуть набок и профессионально улыбнулась в камеру. Похоже, она отлично понимала, как наиболее выигрышно для себя использовать освещение и декорации, и несколько раз просила Максона немного передвинуться или изменить позу. Там, где другие девушки намеренно тянули время, чтобы подольше побыть рядом с принцем, – в особенности те, кому до сих пор не довелось побывать с ним на свидании, – Селеста, похоже, хотела продемонстрировать свое умение.

Съемка закончилась в два счета, и фотограф вызвал следующую. Я так засмотрелась, как Селеста водит пальчиками по руке Максона, что служанке пришлось шепотом напомнить мне об очереди.

Я тряхнула головой и приказала себе сосредоточиться. Потом подобрала подол платья и направилась к Максону. Его взгляд перескочил с Селесты на меня, и, возможно, я это вообразила, но его лицо просияло.

– Моя дорогая, – почти пропел он.

– Только без этих штучек, – предупредила я, но он лишь фыркнул и протянул ко мне руки.

– Постой-ка. У тебя лента съехала набок.

– Ничего удивительного.

Эта чертова штуковина была такой тяжелой, что я чувствовала, как она с каждым шагом перекашивается все сильнее и сильнее.

– Ну вот, думаю, так сойдет, – сказал он шутливо.

Спускать ему это я не собиралась.

– Надо же, какой ты разукрашенный, прямо как рождественская елка. – Я ткнула в блестящие медали у него на груди.

Он был в форме, которая очень походила на ту, что носили охранники, только несравнимо более элегантная, с золотыми нашлепками на плечах, а к бедру прицеплен меч. На мой взгляд, это было уже слегка чересчур.

– Смотрите в камеру, будьте любезны, – окликнул нас фотограф.

Я вскинула голову и увидела не только его глаза, но и лица всех остальных девушек, следящих за нами, и у меня сдали нервы.

Я вытерла влажные ладони о платье и выдохнула.

– Успокойся, – прошептал Максон.

– Не люблю, когда все на меня пялятся.

Он притянул меня практически вплотную и положил руку мне на талию. Я попыталась отстраниться, но Максон держал крепко.

– Просто смотри на меня так, будто не можешь сопротивляться моему неотразимому обаянию.

Он состроил нарочито обольстительную физиономию, и я против воли расхохоталась.

В тот же миг сверкнула вспышка, и камера запечатлела нас обоих смеющимися.

– Как видишь, – сказал Максон, – не так уж это и страшно.

– Пожалуй.

На протяжении нескольких последующих минут, пока Максон, подчиняясь указаниям оператора, то крепче прижимал меня к себе, то небрежно отстранял, то разворачивал так, что я оказывалась спиной к его груди, я так и не смогла до конца расслабиться.

– Великолепно, – подытожил фотограф. – Можно сделать еще несколько снимков на кушетке?

Теперь, когда это испытание почти окончилось, я почувствовала себя лучше и уселась на диванчике рядом с Максоном, приняв самую грациозную позу, которую только могла изобразить. Время от времени он тыкал меня в бок или щекотал, так что я с каждым разом улыбалась все шире и шире, а потом, не выдержав, расхохоталась. Оставалось лишь надеяться, что фотографу удалось подловить момент и заснять меня до того, как лицо сморщилось, в противном случае меня ждала катастрофа.

Краем глаза я заметила, как кто-то замахал рукой. Мгновение спустя Максон тоже обернулся. Там стоял мужчина, которому явно требовалось поговорить с принцем. Максон кивнул, но тот заколебался, переводя взгляд с Максона на меня. Должно быть, его смущало мое присутствие.

– Можешь докладывать при ней, – приказал Максон.

Вестник подошел и опустился перед ним на одно колено.

– Повстанцы напали на Мидстон, ваше высочество, – сообщил он. Максон вздохнул и устало уронил голову. – Они

сожгли посевы и убили около десятка человек.

– Какая именно часть Мидстона?

– Западная, сир, недалеко от границы.

Максон медленно кивнул с таким видом, как будто пытался уложить эти сведения у себя в голове.

– Что говорит отец?

– Вообще-то, ваше высочество, он хотел услышать ваши соображения.

Максон, казалось, на миг опешил, потом распорядился:

– Сосредоточьте войска на юго-востоке Соты и вдоль Тамминса. На юг до Мидстона продвигаться не стоит, это будет пустая трата сил и времени. Посмотрим, удастся ли нам перехватить их.

Мужчина с поклоном поднялся:

– Превосходно, сир.

И так же стремительно, как и появился, исчез.

Я понимала, что нужно вернуться к съемкам, но Максон, похоже, потерял к ним всякий интерес.

– С тобой все в порядке? – спросила я.

Он хмуро кивнул:

– Просто столько людей погибло.

– Может, остановимся? – предложила я.

Он покачал головой, расправил плечи и с улыбкой взял мою руку:

– Если в этом деле и есть какие-то тонкости, которые надо освоить, то это умение казаться спокойным, когда в душе все

кипит. Пожалуйста, улыбнись, Америка.

Я распрямилась и застенчиво улыбнулась в камеру. Фотограф принялся щелкать затвором. Где-то на последних кадрах Максон крепко стиснул мою руку, и я ответила ему тем же самым. В это мгновение я чувствовала, что между нами существует связь, настоящая и глубокая.

– Большое спасибо. Следующая, будьте любезны, – провозгласил фотограф.

Мы с Максоном поднялись, и он не сразу выпустил мою руку из своей.

– Пожалуйста, не говори никому. Я рассчитываю на твое благоразумие.

– Разумеется.

Процокавшие в нашу сторону каблучки напомнили, что мы не одни, но мне хотелось задержаться подольше. Он еще раз сжал руку на прощание и отпустил меня. Возвращаясь на место, я обдумывала несколько вещей сразу. Во-первых, было очень приятно, что Максон доверял мне настолько, что позволил узнать его секрет. Во-вторых, я так увлеклась, что на миг возникло чувство, что, кроме нас с ним, вокруг никого больше нет. Потом я задумалась о повстанцах и о том, что король обыкновенно очень быстро узнавал об их действиях, но от меня требовалось держать эту новость при себе. Это казалось нелогичным.

– Джанель, моя дорогая, – приветствовал Максон следующую девушку. Я улыбнулась про себя этому избитому обра-

щению. Он понизил голос, но я все равно услышала. – Пока не забыл, вы свободны сегодня днем?

У меня засосало под ложечкой. Наверное, это была запоздалая реакция на нервное потрясение.

– Должно быть, она сделала что-то ужасное, – твердила Эми.

– Да нет, по ее словам, на это было непохоже, – возразила Крисс.

Тьюзди потянула Крисс за локоть:

– Что, ты говорила, она сказала?

Джанель отправили домой.

Нам необходимо было понять, чем вызвано это исключение, потому что Джанель стала первой, кого отсеяли прицельно и не за нарушение правил. Она совершила неверный шаг, и все хотели знать, какой именно.

Крисс, чья комната располагалась через коридор от комнаты Джанель, видела, как та возвращалась со свидания, и единственная успела пообщаться с ней перед тем, как она уехала. Крисс вздохнула и принялась в третий раз пересказывать одну и ту же историю.

– Они с Максоном отправились на охоту, но это и так известно. – Крисс взмахнула рукой, как будто пыталась навести порядок в мыслях.

О том, что Джанель идет на свидание с принцем, действительно знали абсолютно все. После вчерашней фотосессии

она растрезвонила о предстоящем свидании всем, кто готов был слушать.

– Это было ее второе свидание с Максоном. Она единственная успела побывать на двух, – подала голос Бариель.

– А вот и не единственная, – буркнула я.

Несколько голов повернулось в мою сторону, соглашаясь с заявлением. Впрочем, это правда. Джанель действительно была той девушкой, которая успела побывать на свидании с Максоном дважды, кроме меня. Хотя я и не зацикливалась на подсчетах.

– Вернулась она в слезах, – продолжила Крисс. – Я спросила ее, что стряслось, и она пробормотала, что уезжает, так как Максон выгнал ее. Я обняла ее, потому что она была совершенно убита, и попыталась выяснить, что случилось. Она ответила, что не может об этом рассказать. Не понимаю. Мы не имеем права разглашать причины отсева?

– Но в правилах об этом ничего не было, разве нет? – спросила Тьюзди.

– Меня никто ни о чем таком не предупреждал, – поддакнула Эми, и еще несколько девушек согласно закивали.

– Что еще она сказала? – поторопила Крисс Селеста.

Та снова вздохнула:

– Что советует мне хорошенько думать, что я говорю. А потом ушла к себе в комнату и захлопнула дверь.

В зале на миг повисло напряженное молчание.

– Наверное, она нагрубила ему, – предположила Элейн.

– Если ее из-за этого исключили, то это несправедливо, потому что, по словам Максона, кто-то из присутствующих оскорбил его в первую их встречу, – возмутилась Селеста.

Девушки принялись оглядываться по сторонам, пытаясь определить виновницу, видимо, для того, чтобы ее – то есть меня – тоже выгнали. Я с беспокойством покосилась на Марли, и та немедленно ринулась в бой.

– Может, она сказала что-то про нашу страну? Про политику или что-нибудь в этом роде?

Бариель прищелкнула языком:

– Я тебя умоляю. Это как же нужно заскучать на свидании, чтобы начать обсуждать политику? Кто-нибудь из вас говорил с Максоном на темы, хотя бы отдаленно связанные с управлением страной?

Все промолчали.

– Вот видите, – сказала Бариель. – Максон ищет не соратницу, он ищет жену.

– А тебе не кажется, что ты его недооцениваешь? – возразила Крисс. – Ты не думаешь, что Максону нужна девушка со своими идеями и своим мнением?

Селеста запрокинула голову и расхохоталась:

– Максон в состоянии управлять страной самостоятельно. Его учили этому с детства. К тому же в его распоряжении куча советников, которые помогают ему принимать решения, так что зачем ему еще кто-то, кто будет пытаться указывать, что делать, а что нет? На твоем месте я поучилась бы держать

рот на замке. По крайней мере, пока он на тебе не женится.

Бариель приблизилась к Селесте:

– Чего никогда не произойдет.

– Вот именно, – с улыбкой подтвердила Селеста. – Зачем ему связываться с заумной Тройкой, когда он может жениться на Двойке?

– Эй! – возмутилась Тьюзди. – Максона не волнуют касты.

– Еще как волнуют, – отозвалась Селеста таким тоном, каким обычно говорят с непонятливыми детьми. – Почему, по-твоему, всех, кто ниже Четверки, отправили домой?

– Ну, одну все-таки оставили, – напомнила я. – Так что если считаешь, что сумела его раскусить, то ошибаешься.

– Ой, да это же та самая девушка, которая не умеет вовремя заткнуться, – с насмешливым удивлением протянула Селеста.

Я стиснула кулаки, пытаясь удержаться и не ударить ее. Может, это все часть ее плана? Однако не успела я шевельнуться, как в зал ворвалась Сильвия.

– Девушки, почта! – объявила она, разрядив напряжение.

Стычка была забыта: всем хотелось поскорее получить то, что принесла наша начальница. Мы находились во дворце уже почти две недели, и, если не считать писем от родных, которые пришли на второй день, это первая настоящая весточка из дома.

– Ну-ка, что у нас тут, – сказала Сильвия, проглядывая стопки писем, словно и не была свидетельницей перепалки

всего долю секунды назад. – Леди Тайни!

Она обвела глазами зал.

Тайни подняла руку и подошла за письмом.

– Леди Элизабет! Леди Америка!

Я едва ли не бегом бросилась к ней и выхватила конверт из руки. Я так изголодалась по общению с родными! Завладев посланием, я отошла в уголок, чтобы никто не мешал.

> Дорогая Америка.
>
> Я уже жду не дождусь, когда же наступит пятница. Мне просто не верится, что ты будешь разговаривать с Гаврилом Фадеем! Какая же ты счастливица.

Вот уж кем-кем, а счастливицей я себя не чувствовала. Завтра вечером нам всем предстояло отвечать на каверзные вопросы Гаврила, а я понятия не имела, о чем он будет спрашивать. Зато была уверена, что выставлю себя полной идиоткой.

> Здорово будет снова услышать твой голос. Мне так не хватает твоего пения. Мама не поет, и с тех пор, как ты уехала, в доме стало очень тихо. Ты помашешь мне рукой из студии?
>
> Как продвигается состязание? У тебя там много подруг? Ты разговаривала с девушками, которые выбыли? Мама все время твердит, что, даже если ты и проиграешь, это теперь неважно. Половина из девушек, отправленных домой, уже помолвлены с сыновьями мэров или знаменитостей. Она говорит: не захочет Максон, найдется другой желающий. Джерад надеется,

что ты выйдешь замуж за баскетболиста, а не за старого нудного принца. А мне все равно, что все болтают. Максон такой классный!

Вы с ним уже целовались?

Целовались? Да мы с ним только познакомились. И вообще, зачем Максону меня целовать?

Он наверняка целуется лучше всех во вселенной. Он же принц!

Мне столько всего еще нужно тебе рассказать, но мама отправляет меня рисовать. Напиши мне письмо поскорее. Только, чур, длинное! И с кучей всяких подробностей!

Я люблю тебя! Мы все тебя любим.

Мэй

Значит, отсеянные девушки были нарасхват у состоятельных мужчин. Кто бы мог подумать, что не приглянувшиеся принцу кандидатки превратятся в ценный товар.

Я принялась расхаживать вдоль стены. Из головы не шли слова Мэй.

Хотелось бы больше знать о происходящем. Я гадала, что на самом деле случилось с Джанель. Любопытно, собирается ли Максон сегодня на свидание с кем-нибудь еще. Мне необходимо было его увидеть.

Мозг лихорадочно работал, пытаясь найти способ переговорить с ним. Я рассеянно скользнула взглядом по письму в руке.

Второй лист едва начат. Я на ходу оторвала от него полоску. Некоторые из девушек все еще читали домашние вести, другие делились новостями. Сделав круг по залу, я остановилась перед столиком, на котором лежала книга отзывов, взяла ручку и торопливо нацарапала:

Ваше высочество, я тяну себя за ухо. В любое время.

Я вышла из комнаты с таким видом, как будто мне просто понадобилось в туалет, и оглядела коридор. В нем не было ни души. Я стояла и ждала, пока из-за угла не показалась служанка с чаем на подносе.

– Простите, пожалуйста! – окликнула я ее негромко. В этих огромных коридорах каждый звук разносился очень далеко. Девушка сделала книксен. – Вы, случайно, не принцу это несете?

– Да, мисс, – улыбнулась она.

– Не могли бы вы передать ему вот это? – Я протянула сложенную пополам записочку.

– Конечно, мисс.

Девушка с готовностью взяла записку и с удвоенной энергией поспешила прочь. Я не сомневалась, что она развернет ее, как только скроется с глаз, но была уверена, что значение странного текста ей не разгадать.

Коридоры здесь были потрясающе красивые. Каждый украшен богаче, чем весь наш дом. Обои, позолоченные зеркала, огромные вазы, наполненные свежесрезанными цветами. На мягких коврах ни соринки, окна блестели чистотой,

стены украшали живописные полотна.

Некоторых художников я знала: Ван Гога, Пикассо; других нет. Кроме картин, здесь были еще фотографии зданий, которые я видела прежде. Я узнала легендарный Белый дом. Если судить по фотографии и по тому, что читала в той старой книге, дворец затмевал его размерами и роскошью, но все равно было жаль, что нельзя там побывать.

Я двинулась дальше и наткнулась на портрет королевской семьи. Видимо, он был написан давно: Максон на нем еще ниже матери. Теперь он вымахал намного выше ее.

За все время пребывания во дворце я видела их вместе только за ужином да в выпусках «Вестей столицы».

Может, они старались держаться подальше от любопытных глаз? Может, им не нравилось присутствие в их доме толпы незнакомых девиц? Может, они терпели все это лишь потому, что обязывало происхождение? Я не знала, что и думать об этом невидимом семействе.

– Америка!

Я обернулась на оклик. Ко мне по коридору рысцой бежал Максон.

У меня возникло такое чувство, как будто я впервые его увидела.

Он был без пиджака, рукава белой сорочки закатаны. Узел синего галстука распущен, а волосы, всегда зализанные назад, растрепались и слегка развевались на бегу. Он являл собой разительный контраст с человеком в официальном ко-

стюме, которого я видела вчера. В этом Максоне было что-то мальчишеское, что-то настоящее.

Я застыла на месте. Максон приблизился и сжал мои запястья.

– Что с тобой? Что-то случилось?

Случилось?!

– Ничего не случилось. Я в полном порядке, – отозвалась я.

Максон с облегчением выдохнул, страшно меня удивив.

– Слава богу! Когда я получил твою записку, решил, что ты заболела или что-то случилось с твоими родными.

– Ох! Нет-нет. Прости, пожалуйста. Так я и думала, что это дурацкая идея. Просто я не знала, будешь ты на ужине или нет, а мне хотелось тебя увидеть.

– Зачем? – спросил Максон.

Он все еще разглядывал меня с беспокойством в глазах, как будто хотел удостовериться, что у меня ничего не сломано.

– Просто чтобы тебя увидеть.

Максон замер. Потом с недоверчивым выражением заглянул мне в глаза:

– Ты просто хотела меня увидеть?

В его глазах вспыхнуло радостное изумление.

– А почему это так тебя удивляет? Друзья обычно общаются друг с другом время от времени.

В моем тоне явственно слышалось «разумеется».

– А, ты злишься, потому что я всю неделю был занят, да? Я не забыл про нашу дружбу, не думай.

Теперь передо мной снова был прежний деловитый Максон.

– Я вовсе не сержусь. Просто хочу донести до тебя свои мысли. Занимайся спокойно делами, а увидимся, когда освободишься.

Я вдруг заметила, что он все еще держит меня за руки.

– Вообще-то… Ты не против, если я побуду с тобой еще немного? У них там совещание по поводу бюджета, а я такие вещи терпеть не могу. – Не дожидаясь ответа, Максон потянул меня к обитому плюшем диванчику у окна. Я прыснула, усаживаясь. – Что смешного?

– Ты, – с улыбкой сказала я. – Так забавно наблюдать, как ты пытаешься отлынивать от работы. Что такого ужасного в совещаниях?

Он посмотрел на меня.

– Ох, Америка. Эти совещания все тянутся и тянутся без конца и края. Отцу хорошо удается успокаивать советников, но склонить к чему-то комитеты – задачка потруднее. Мама вечно твердит, что нужно больше средств вкладывать в школьную систему. Она считает, чем человек образованней, тем меньше вероятность, что он станет преступником. Я с ней согласен, но отцу никогда не удается заставить их урезать финансирование другим областям, которые прекрасно могут обойтись и меньшими средствами. Это невыносимо!

А я там не главный, так что мое мнение в расчет никто не принимает.

Юноша поставил локти на колени и уткнулся подбородком в ладони. Вид у него был усталый.

Мне приоткрылся кусочек его мира, но в целом он оставался для меня столь же непостижимым, как и прежде. Как можно игнорировать мнение твоего будущего правителя?

– Сочувствую. Но в этом есть и свой плюс: тебе будет что сказать, когда станешь королем. – Я погладила его по плечу, пытаясь приободрить.

– Знаю. Я и сам себе это говорю. Но меня просто выводит из себя мысль о том, что можно все изменить прямо сейчас, если бы они только послушали.

Разобрать его слова оказалось довольно трудно, поскольку они были обращены к ковру.

– Ну не расстраивайся. Твоя мама мыслит в правильном направлении, но одним только образованием всего не исправишь.

Максон вскинул голову:

– Что ты имеешь в виду?

Этот вопрос прозвучал в его устах почти как обвинение. И принца можно было понять: его только что лишили иллюзий относительно идеи, в которую он так верил. Я попыталась смягчить впечатление:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.